А 131/158

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1 № 29

НИКОНЪ

СВЯТѢЙШІЙ ПАТРІАРХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

и

ОСНОВАННЫЙ ИМЪ

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

М.П.М.

Редакція
В. И. Шемякина.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина
1897.

Дозволено цензурою. Москва, 17 августа 1896 года.

2007097065

НИКОНЪ, СВЯТѢЙШІЙ ПАТРІАРХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

I.

Молодые годы Никона.

Въ страшный 1605-й годъ, когда въ Московскомъ государствѣ началась смута, въ маѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Вельдемановѣ, Княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, у крестьянина Мины родился сынъ, нареченный при святомъ крещеніи Никитою. Горе ждало малютку въ родной семьѣ. Младенецъ Никита лишился матери. Тогда одна посторонняя женщина, по имени Ксенія, изъ сострадания о сиротствѣ Никиты и недостаточномъ состояніи отца его, взяла младенца изъ родительскаго дома къ себѣ на воспитаніе. У Ксеніи онъ и находился до отроческихъ лѣтъ. А отецъ Никиты скоро женился на другой женѣ, которая ввела къ нему въ домъ дѣтей отъ перваго мужа. Вторая жена Мины была женщина особенно злого нрава. Сурово и непривѣтливо встрѣтила она воротившагося въ родительскій домъ Никиту. Стараясь кормить своихъ дѣтей какъ можно лучше, она ничего не давала своему бѣдному пасынку, кромѣ черстваго хлѣба, безпрестанно бранила его, нерѣдко колачивала до крови и однажды, когда голодный Никита хотѣлъ было забраться въ погребъ, чтобы достать себѣ пищи, мачеха, поймавши его, такъ сильно ударила въ спину, что онъ упалъ въ погребъ и чуть не умеръ. За такое обращеніе отецъ Никиты нерѣдко бранился съ женою, а когда слова не дѣйствовали, то и билъ ее. Но это не помогало несчастному: мачеха отмщала мужнины побои на

пасынкѣ и даже замышляла извести его. Однажды бѣдный мальчикъ, плохо одѣтый, отъ зимняго холода залѣзъ въ печь и тамъ заснулъ. Мачеха наложила туда дровъ и затопила печь, съ злодѣйскимъ умысломъ сжечь Никиту. Проснувшійся мальчикъ началъ отчаянно кричать. На его счастіе, крикъ услыхала его бабка Ксенія, которая вытащила дрова изъ печи и спасла его отъ смерти. Въ другой разъ злая мачеха пыталась отравить пасынка, но Никита счастливо избавился отъ этой бѣды: пища, въ которую для него вложенъ былъ мышьякъ, ему почему-то не понравилась, и онъ не сталъ ѣсть ея.

Такъ печально текли дѣтскіе годы Никиты, въ грубой, суровой обстановкѣ, среди постоянныхъ опасностей и огорченій. Но Богъ хранилъ ребенка, а несчастія лишь закаляли его душу и вырабатывали въ немъ ту твердость характера, ту энергію и силу воли, которыя впослѣдствіи такъ нужны были ему для исполненія его великаго дѣла и для неустанной борьбы съ многочисленными врагами и недоброжелателями. Когда Никита подросъ, отецъ отдалъ его учиться грамотѣ. Въ короткое время юноша сдѣлалъ быстрые успѣхи въ чтеніи и письмѣ. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, онъ захотѣлъ извѣдать всю мудрость божественнаго писанія, которое такъ привлекало его любознательную натуру. Однако, воротившись домой отъ учителя, онъ началъ было забывать все изученное. Но богатыя природныя дарованія и искренняя охота къ духовнымъ книгамъ не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ темной средѣ роднаго села. Грамотность влекла пытливаго юношу къ книгамъ, а спасительные подвиги, о которыхъ онъ читалъ въ житіяхъ святыхъ, пришлись по сердцу ему, уже закаленному житейскою борьбою и суровою жизнью, и въ немъ явилась искренняя любовь къ иночеству. Никита тайно удалился изъ родительскаго дома и на зарѣ жизни своей началъ искусъ иноческій, вступивъ въ монастырь преподобнаго Макарія желтоводскаго.

Въ Макарьевскомъ-Желтоводскомъ монастырѣ Никита, подъ руководствомъ благочестиваго старца — іерея Ананіи, въ иночествѣ Антонія, прилежно упражнялся въ церковныхъ и монастырскихъ службахъ и, особенно, въ изученіи священнаго писанія. Ему въ это время было немногимъ болѣе 12 лѣтъ, и еще въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ удивлялъ братію своими подвигами. Ко всѣмъ церковнымъ богослуженіямъ онъ приходилъ до начала, первымъ, и въ лѣтнее время, опасаясь, какъ бы не проспать начала утрени, ложился спать у благовѣстнаго колокола.

Въ это время Никитѣ пришлось неоднократно слышать предсказанія о своей дивной судьбѣ. Никита любилъ ходить въ близлежавшее село Кириково къ учительному и благочестивому священнику Ананіи, чтобы слушать его наставленія. Однажды Никита пришелъ и попросилъ себѣ у него рясы. Ананія отвѣтилъ: „Юноша избранный, не прогнѣвайся на меня, ты, по благодати Святаго Духа, будешь носить рясы лучше этой: будешь ты въ великомъ чинѣ — патріархомъ“. Въ другой разъ, когда Никита съ своими товарищами отправился къ тому же священнику, они зашли къ какому-то мордвину-гадальщику. Тотъ посмотрѣлъ всѣмъ имъ на руки и сказалъ каждому по своему гаданію. Но когда посмотрѣлъ внимательно въ руки Никиты, то съ ужасомъ воскликнулъ: „Ты либо царь будешь, либо патріархъ“, и поклонился ему въ землю.

Скоро отецъ Никиты прослышалъ, гдѣ находится его сынъ, и подъ разными предлогами вызывалъ юношу къ себѣ въ домъ изъ монастыря. Но всѣ старанія его были напрасны: Никита не покидалъ такъ полюбившейся ему монашеской жизни.

Черезъ нѣсколько времени отецъ Никиты послалъ къ сыну своего пріятеля звать его домой и сказать ему, что если онъ не поспѣшитъ, то не застанетъ въ живыхъ ни отца ни бабки, такъ какъ они при смерти. Не хотѣлось Никитѣ разставаться съ монастыремъ, съ которымъ онъ такъ срод-

нился, но сыновній долгъ побудилъ его поспѣшить домой. Извѣстіе о болѣзни отца и бабки было лишь предлогомъ вызвать Никиту домой, и юноша нашелъ здоровыми и отца и бабку. Впрочемъ, оба они дѣйствительно вскорѣ скончались.

Закрывъ глаза своему родителю и еще болѣе познавъ ничтожность человѣческую, Никита, по первоначальному влеченію къ пустынножительству, хотѣлъ теперь совсѣмъ оставить міръ и снова итти въ тотъ же монастырь и предаться любимому уединенію, составлявшему покой души его. Но убѣжденный неотступными просьбами и совѣтами родственниковъ, Никита сочетался бракомъ съ предложенною ему невѣстою. Однако, потеря трехъ малолѣтнихъ дѣтей и внутреннее влеченіе скоро заставили его перемѣнить мірское званіе на духовное. Природные таланты и грамотность весьма помогли ему въ этомъ дѣлѣ. Сыскавъ въ одномъ приходѣ праздное причетническое мѣсто, Никита опредѣлился къ оному и вскорѣ къ тому же приходу посвященъ во іерея, на 20 году отъ рожденія. Однако, отцу Никитѣ не долго пришлось священствовать въ селѣ. Московскіе купцы, ѣздившіе на Макарьевскую ярмарку, знали его еще въ Макарьевскомъ монастырѣ и полюбили за начитанность и благочиніе. Когда Никита сталъ священникомъ, они звали его съ собою въ Москву. По ихъ убѣжденіямъ, отецъ Никита, черезъ 2 года своего священства, перешелъ въ Москву и здѣсь прослужилъ въ санѣ священника около 10 лѣтъ.

Послѣ десяти лѣтъ супружества отецъ Никита принялъ безчадіе свое за призваніе къ излюбленной имъ монашеской жизни и согласился съ супругою своею разлучиться. По убѣжденію его, она поступила въ московскій Алексѣевскій монастырь; въ этомъ монастырѣ она постриглась, черезъ нѣсколько времени скончалась и погребена. А самъ отецъ Никита ушелъ на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, близъ Соловецкаго острова. Тутъ-то и поселился онъ, дабы исполнить завѣтное желаніе души своей и вести самую строгую

монашескую жизнь. Тамъ-то, въ безмолвной кельѣ, при шумѣ волнъ морскихъ, въ часы глубокой ночи переносился онъ въ небесныя селенія отъ земли, гдѣ всѣ скоротечныя радости сопровождаются неизбѣжными горестями и утратами. Тамъ-то сей постникъ и затворникъ сталъ великимъ подвижникомъ и по своимъ духовнымъ доблестямъ примѣромъ для иноковъ. Посему начальникъ и основатель скита, преподобный Елеазаръ, постригъ священника Никиту въ монашество и наименовалъ его *Никономъ*. Ему было тогда 30 лѣтъ.

Анзерскій скитъ находится на крайнемъ сѣверѣ, въ открытомъ морѣ, на Анзерскомъ островѣ, верстахъ въ 20 отъ Соловецкаго монастыря и въ 200 верстахъ отъ Архангельска. Природа тамъ скудная и суровая. Жизнь въ Анзерскомъ скиту была трудная. Братія, не болѣе двѣнадцати человѣкъ, жили въ отдѣльныхъ хижинахъ, раскинутыхъ по острову и не обнесенныхъ оградою. Монахи тамъ не видались другъ съ другомъ и только въ субботу вечеромъ сходились въ церковь. Богослуженіе продолжалось цѣлую ночь; въ церкви братія выслушивали всю псалтирь; съ наступленіемъ дня совершалась литургія; потомъ всѣ расходились по своимъ келліямъ. Средства къ жизни тамъ были скудныя. Царь ежегодно давалъ въ Анзерскій скитъ руги по три четверти хлѣба на брата, а сосѣдніе рыбаки снабжали братію рыбою, въ видѣ подаянія.

Основателемъ и настоятелемъ скита былъ преподобный Елеазаръ, старецъ, отличавшійся святостью жизни и прозорливостью. Подъ его духовнымъ руководствомъ и подвизался Никонъ и былъ въ числѣ близкихъ и любимыхъ учениковъ Елеазара. Здѣсь Никонъ всею душой отдался иноческимъ подвигамъ: онъ проводилъ дни въ великомъ постѣ и воздержаніи, спалъ очень мало и на каждомъ правилѣ прочитывалъ всю псалтирь, полагая по тысячѣ поклоновъ. Нерѣдко при этихъ ночныхъ подвигахъ онъ подвергался и діавольскимъ искушеніямъ. Отношенія между Никономъ и

его наставникомъ-старцемъ были добрыя и близкія. Старецъ видѣлъ его подвиги и отличалъ его отъ другихъ иноковъ. По повелѣнію преп. Елеазара, Никонъ занимался иконописаніемъ и исполнялъ другія его порученія. Этотъ прозорливый старецъ, въ одно время, когда Никонъ совершалъ литургію, увидѣлъ омофоръ на его плечахъ и тогда же предсказалъ ему назначеніе къ святительскому сану. Суровая жизнь въ скиту была по душѣ Никону. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ семъ далекомъ отъ суетъ мірскихъ и пустынномъ убѣжищѣ, гдѣ вмѣсто стѣнъ одно море и благочестіе служили оградою. Поэтому, впослѣдствіи, когда Никонъ былъ уже патріархомъ, онъ особенно покровительствовалъ Анзерскому скиту, какъ мѣсту, съ которымъ были соединены утѣшительныя для него воспоминанія о его первыхъ иноческихъ подвигахъ, и оказывалъ особенное вниманіе къ преп. Елеазару—своему бывшему наставнику.

Однако, между наставникомъ и ученикомъ скоро возникли неудовольствія. На островѣ была лишь небольшая деревянная церковь, и въ зимнюю пору совершать въ ней богослуженіе было весьма затруднительно. Вслѣдствіе этого преп. Елеазаръ отправился въ Москву для сбора милостыни на построеніе въ скиту каменной церкви и взялъ съ собою Никона. Изъ Москвы они возвратились съ значительною милостыней; принесенныя деньги—около пятисотъ рублей—по распоряженію настоятеля были положены въ ризницу и болѣе двухъ лѣтъ находились тамъ безъ употребленія. Никону казалось неумѣстною такая медленность въ построеніи храма, тѣмъ болѣе, что онъ опасался, какъ бы слухи о деньгахъ, распространившись, не привлекли на ихъ пустынный островъ лихихъ людей, которые могли не только расхитить казну, но и много вреда причинить монастырю и братіи. Онъ желалъ, чтобы деньги по крайней мѣрѣ отданы были на сохраненіе въ Соловецкій монастырь. Свои опасенія и желанія Никонъ откровенно высказалъ преп. Елеазару, который принялъ ихъ съ неудовольствіемъ и съ того вре-

мени началъ гнѣваться на Никона. Никонъ, съ своей стороны, послѣ напрасныхъ усилій возвратить любовь старца, далъ мѣсто гнѣву, дерзнулъ укорить старца и братію въ сребролюбіи и самъ рѣшился удалиться въ другой монастырь.

Въ то время монашествующіе могли переходить изъ монастыря въ монастырь по своей волѣ, могли жить, гдѣ хотѣли. Этимъ воспользовался Никонъ и, сойдясь съ какимъ-то богомольцемъ, посѣщавшимъ Анзерскій скитъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ на утлой ладьѣ для избранія себѣ болѣе удобнаго мѣста для иноческихъ подвиговъ. На пути онъ едва не погибъ отъ сильной бури и только упованіемъ на силу животворящаго креста Господня спасся отъ потопленія предъ Онежскимъ устьемъ: его выкинуло на островъ Кій. Здѣсь, въ память своего спасенія, Никонъ водрузилъ тогда крестъ, съ намѣреніемъ построить впослѣдствіи на томъ мѣстѣ монастырь или храмъ. Затѣмъ онъ продолжалъ путь и послѣ тяжелаго странствія достигъ, наконецъ, Кожеезерской пустыни, находящейся на островѣ Кожѣ (Каргопольскаго уѣзда).

Уединенное положеніе этой обители понравилось Никону, и онъ рѣшился здѣсь продолжать свои аскетическіе подвиги и упражненія въ священномъ писаніи. И такъ какъ въ монастырь никого не принимали безъ вклада, то Никонъ принужденъ былъ, по своей бѣдности, отдать монастырю свои послѣднія богослужебныя двѣ книги, послѣ чего былъ принятъ въ число братіи. Въ Кожеезерскомъ монастырѣ Никонъ началъ жить по правиламъ Анзерскаго скита. Онъ удалился на ближайшій островокъ, построилъ тамъ себѣ келлію, питался рыбою своей ловли, въ монастырь ходилъ лишь къ церковнымъ службамъ, а все прочее время проводилъ въ уединеніи и богомысліи.

Строгая жизнь, выдающіяся способности и твердый характеръ Никона — внушили къ нему уваженіе кожеезерскихъ иноковъ, и, спустя немного времени, по кончинѣ тамошняго

игумена, братія избрали Никона своимъ игуменомъ. Это было въ 1643 году. Новый игуменъ Никонъ такъ же скоро выдался впередъ, какъ прежде священникъ Никита. Слава о немъ пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никонъ въ 1646 году явился въ столицу по дѣламъ монастырскимъ, то молодой царь Алексѣй Михайловичъ всею душой полюбилъ знаменитаго подвижника и оставилъ его въ Москвѣ. Вскорѣ, по царскому желанію, Никонъ былъ посвященъ патріархомъ Іосифомъ въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря. Мѣсто это было особенно важно, и архимандритъ этого монастыря скорѣе, чѣмъ многіе другіе, могъ приблизиться къ государю: въ Новоспасскомъ монастырѣ была родовая усыпальница Романовыхъ. Набожный царь часто ѣзжалъ туда молиться за упокой своихъ предковъ и давалъ на монастырь щедрое жалованье. Чѣмъ болѣе бесѣдовалъ царь съ Никономъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нему расположеніе, тѣмъ болѣе бесѣды эти западали въ душу царя. По желанію царя Алексѣя Михайловича, Никонъ долженъ былъ каждую пятницу пріѣзжать къ утренѣ въ придворную церковь. Пользуясь расположеніемъ государя, онъ сталъ просить его за утѣсненныхъ и обиженныхъ, вдовъ и сиротъ. Добросердечному царю пришлось это по душѣ, и онъ поручилъ Никону печалованіе, уже какъ должность, поручилъ принимать просьбы отъ всѣхъ тѣхъ, которые искали царскаго милосердія и управы на неправду судей. И вотъ множество челобитчиковъ стало вездѣ окружать Никона: одни шли къ нему въ монастырь, другіе встрѣчали его на дорогѣ во дворецъ и подавали просьбы. Человѣколюбивый царь, послѣ утрени, не выходя изъ церкви, выслушивалъ ихъ и передавалъ съ рѣшеніемъ Никону для исполненія. Отъ сего Никонъ прославился во всей Москвѣ.

Великій умъ Никона, его начитанность въ священномъ писаніи замѣтилъ и бывшій въ то время въ Москвѣ патріархъ іерусалимскій Паисій. Онъ уважалъ и любилъ Никона и жаждалъ духовной бесѣды съ нимъ. „Находясь въ прошед-

шіе дни у вашей милости, — писалъ Паисій царю Алексѣю Михайловичу, — я говорилъ съ преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилась мнѣ бесѣда его. Онъ мужъ благоговѣйный и досужій и преданный вашему царскому величеству. Прошу, да будетъ онъ имѣть свободу приходить къ намъ для собесѣдованій на досугѣ, безъ запрещенія вашего величества".

Въ Москвѣ Никонъ пробылъ три года новоспасскимъ архимандритомъ, и Господь призвалъ его къ новому, высшему служенію въ санѣ митрополита новгородскаго.

II.

Митрополитъ Никонъ.

Въ 1648 году новгородскій митрополитъ Авеоній, по своей глубокой старости и болѣзненности, пожелалъ удалиться на безмолвіе въ Спасскій Хутынскій монастырь. Царь на эту великую каѳедру выбралъ знаменитаго новоспасскаго архимандрита, и бывшій тогда въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Паисій рукоположилъ Никона въ санъ новгородскаго митрополита.

И царь и Москва вся радовались великому сану своего любимца и благодѣтеля. Даже іерусалимскій патріархъ Паисій радовался и благодарилъ Бога за избраніе на митрополію новгородскую такого достойнаго замѣстителя, какъ архимандритъ Никонъ. „Прославляю благодать Божію, — писалъ онъ царю, — которою просвѣтилъ васъ Духъ Святый, чтобы избрать и возвести на святой престолъ митрополіи новгородской такого честнаго мужа и преподобнаго священноинока, господина архимандрита Никона. Онъ достоинъ утверждать Церковь Христову и пасти словесныя Христовы овцы... Я, богомолецъ вашъ, очень тому обрадовался. И если будетъ позволеніе вашего царскаго величества, то и мы отъ благодати, что имѣемъ отъ свв. мѣстъ,

подаримъ ему одну мантію". Чтобы отличить великое достоинство митрополита Никона, патріархъ Паисій подарилъ ему мантію съ красными источниками и особою грамотою предоставилъ только ему одному право носить ее. Въ этой грамотѣ патріархъ Паисій писалъ: „Видя его, Никона, добродѣтели и достоинства и не имѣя ничего, что бы оставить ему въ даръ, мы дали ему власть и благословили его носить мантію съ червленными источниками во всѣ дни жизни своей, и никто его о томъ да не истязуетъ".

Прибывши въ Новгородъ въ санѣ митрополита, Никонъ прежде всего посѣтилъ прежняго митрополита въ его уединеніи, желая испросить у старца благословенія на подвигъ новаго служенія, которое тотъ уже окончилъ. Свиданіе между обоими митрополитами было весьма трогательно. Прося другъ у друга благословенія, каждый изъ нихъ отказывался дать первый благословеніе. Когда Никонъ началъ просить благословенія, то Авѳоній отвѣчалъ:

— Ты меня благослови.

Послѣ долгихъ препирательствъ между ними объ этомъ, Авѳоній сказалъ, наконецъ:

— Благослови меня, патріарше.

Никонъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, отче святый, я — грѣшный митрополитъ, а не патріархъ...

— Будешь патріархомъ и благослови меня, — пояснилъ свою мысль Авѳоній, и дѣйствительно первый принялъ благословеніе отъ Никона, а затѣмъ самъ благословилъ его.

Въ Новгородѣ въ то время было много нестроеній и въ Церкви и въ духовенствѣ, а также и въ гражданской жизни. Никонъ дѣятельно и энергично принялся исправлять нестроенія, пользуясь тѣмъ, что царь далъ ему при этомъ такія права, какихъ не имѣлъ самъ патріархъ. Онъ возложилъ на Никона обязанность наблюдать не только надъ церковными дѣлами, но и надъ мірскимъ управленіемъ, доносить ему обо всемъ и давать совѣты. Подвиги нищелюбія,

совершаемые Никономъ въ Новгородѣ, увеличивали любовь и уваженіе къ нему государя. Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ, Никонъ отвелъ у себя на владычномъ дворѣ особую палату, такъ называемую „погребную“, и приказалъ ежедневно кормить въ ней нищихъ, сколько бы ни пришло. Дѣло это было возложено на блаженнаго Василія, ходившаго босикомъ лѣтомъ и зимою. Кромѣ того, этотъ блаженный каждое утро раздавалъ нищимъ по куску хлѣба и каждое воскресенье отъ имени митрополита раздавалъ старымъ по 2 деньги, взрослымъ по деньгѣ, а малымъ по полденьгѣ. Митрополитъ устраивалъ также богадѣльни для постояннаго призрѣнія убогихъ и испросилъ у царя средства на ихъ пропитаніе.

Кромѣ того, митрополитъ Никонъ, по царскому приказанію, имѣлъ надзоръ за воеводою и судьями, чтобы они право творили судъ и никому отъ нихъ не было бы утѣсненія, посѣщалъ темницы, разспрашивалъ обвиненныхъ, принималъ жалобы, освобождалъ невинно-заточенныхъ и обо всемъ этомъ доносилъ государю. Простой народъ за эти дѣла милосердія христіанскаго и правосудія любилъ и уважалъ митрополита. Также и царь охотно слушалъ Никона, безгранично довѣрялъ ему, исполнялъ его совѣты. Царь не могъ долго оставаться безъ бесѣдъ и совѣтовъ съ этимъ просвѣщеннѣйшимъ мужемъ и своимъ другомъ. Онъ часто писалъ ему письма и каждую зиму вызывалъ его въ Москву. Въ письмахъ къ Никону царь называлъ его „великимъ солнцемъ сіяющимъ“, „избраннымъ крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ“, „наставникомъ душъ и тѣлесъ“, „милостивымъ, кроткимъ, милосердымъ“, „возлюбленникомъ своимъ и содружебникомъ“.

Но если Никонъ снискалъ себѣ любовь народную и все болѣе пріобрѣталъ благоволенія у царя, то, съ другой стороны, уже въ это время явились люди, враждебные ему. Не любили его воеводы, судьи и служилые люди новгородскіе за то, что онъ вмѣшивался и въ гражданскія дѣла, если

видѣлъ гдѣ неправду, злоупотребленія, утѣсненія бѣдныхъ и невинныхъ. Не терпѣли его уже въ это время многіе московскіе бояре, какъ царскаго любимца, и нѣкоторые говорили, что лучше имъ погибать въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ быть съ новгородскимъ митрополитомъ. Имъ не нравилось, что царь повѣрялъ ему тайное свое мнѣніе о томъ или другомъ бояринѣ, что и Никонъ, по своему прямодушію, не щадилъ ихъ въ своихъ обличеніяхъ, когда замѣчалъ за ними злоупотребленія. Не любили его и многіе изъ духовенства за его строгость и взыскательность. Въ то время среди духовныхъ было много лицъ недостойныхъ, нерачительныхъ и безграмотныхъ. Никонъ, какъ истинный пастырь Церкви Христовой, не могъ переносить этого, и виновныхъ часто подвергалъ наказанію, памятуя, что пастыри въ своей жизни и ученіи должны быть примѣромъ для своего стада.

Никонъ любилъ благолѣпное церковное богослуженіе и обратилъ особенное вниманіе на исправленіе тѣхъ страшныхъ безпорядковъ, какіе вкрались въ это время въ церковныя богослуженія вслѣдствіе небреженія и невѣжества духовенства. Несмотря на наружную набожность, въ тѣ времена, по старому заведенному обычаю, богослуженіе отправлялось безчинно: боялись грѣха пропустить что-нибудь изъ службы, но въ то же время, чтобы богослуженіе не было слишкомъ продолжительно, для сокращенія его придумали такое средство: одинъ пѣлъ, другой въ это самое время читалъ, третій говорилъ ектенію, такъ что вслѣдствіе этого многогласія слушающимъ ничего нельзя было понять. Никонъ запретилъ многогласіе и строго наказывалъ тѣхъ, которые не исполняли его распоряженій. Но эти распоряженія не нравились ни духовнымъ ни мірянамъ, потому что чрезъ это удлинялось богослуженіе, а многіе русскіе того вѣка хотя и считали необходимостью бывать въ церкви, но не любили оставаться тамъ долго. Тѣмъ не менѣе, по примѣру Новгорода, и въ Москвѣ было уничтожено безчинное многогласіе. Самъ Никонъ совершалъ богослуженіе съ большою

точностью, правильностью и торжественностью. Чтобы показать образецъ церковнаго благолѣпія, онъ ввелъ въ своей соборной церкви стройное хоровое пѣніе греческаго и кіевскаго распѣвовъ, а въ воскресные и праздничные дни произносилъ свои собственныя поученія, чѣмъ привлекалъ къ богослуженію много народа. Каждую зиму ѣзжалъ митрополитъ изъ Новгорода въ Москву со своими пѣвчими и служилъ съ ними въ придворной церкви. Царь былъ въ восторгѣ отъ пѣнія и одобрялъ благочиніе въ отправленіи богослуженія.

Въ 1650 году вспыхнулъ въ Новгородѣ страшный бунтъ. Это бѣдствіе вызвало Никона на новый подвигъ самоотверженія. Одинъ изъ посадскихъ людей возмутилъ чернь противъ нѣмецкихъ купцовъ, какъ друзей и лазутчиковъ ненавистнаго народу боярина Морозова, свояка царскаго: народъ напалъ на нихъ и разграбилъ ихъ имущества. Воевода новгородскій князь Хилковъ тщетно старался успокоить мятежниковъ. Они не только не послушали, но и хотѣли убить его, какъ измѣнника. Хилковъ принужденъ былъ скрыться на митрополичій дворъ. Озлобленные бунтовщики, вооружившись камнями и дубинами, устремились къ архіерейскому дому и стали силою ломиться туда, требуя выдачи воеводы. Тогда Никонъ вышелъ къ мятежникамъ и началъ увѣщевать ихъ сначала кротко, а потомъ грозить гнѣвомъ Божіимъ. Но разсвирѣпѣвшіе мятежники бросились на владыку, ударили его въ грудь, били безъ пощады кулаками, дубьемъ и каменьями и избили до полусмерти; но потомъ сами ужаснулись тому, что сдѣлали, и поспѣшно разошлись по домамъ. Пришедши въ себя, Никонъ, несмотря на крайнюю слабость свою, ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только объ усмиреніи мятежнаго народа, о возстановленіи законнаго порядка и объ избавленіи невинныхъ отъ напрасной погибели. Онъ исповѣдывался и, такимъ образомъ приготовившись къ смерти, велѣлъ благовѣстить и добрелъ съ нѣсколькими священниками до соборной церкви, съ вели-

кимъ трудомъ отслужилъ литургію, предалъ анаѳемѣ главныхъ зачинщиковъ мятежа и потомъ, несмотря на крайнее изнеможеніе, отправился съ крестнымъ ходомъ къ мятежникамъ. Самъ онъ не могъ уже итти: его везли на саняхъ, при чемъ кровь текла у него изо рта и ушей. Приказавъ поднять себя и собравшись съ силами, Никонъ обратился къ мятежникамъ.

„Дѣти! — возгласилъ онъ: — я всегда проповѣдывалъ правду безъ страха, а теперь еще дерзновеннѣе возвѣщу ее. Ничто земное не устрашаетъ меня, я укрѣпился святыми тайнами и готовъ умереть. Я, какъ пастырь, пришелъ спасти васъ отъ духа вражды и несогласія: успокойтесь, и лишите меня жизни, если знаете какую-либо вину или неправду мою противъ царя и государства! Я готовъ умереть съ радостію, но обратитесь къ вѣрѣ и повиновенію!“ Сими словами пораженные, мятежники отъ страха и стыда не смѣли возвести взоровъ на іерарха.

Мятежъ началъ мало-по-малу утихать. Мятежники толпами приходили къ Никону, просили у него прощенія и ходатайства предъ царемъ. Въ это время пришли двѣ грамоты отъ государя: одна Никону, гдѣ царь за его ревностныя и доблестныя услуги отечеству во время новгородскаго бунта называлъ его „новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ“; другая—ко всему народу новгородскому, гдѣ повелѣвалось немедленно выдать Никону всѣхъ зачинщиковъ мятежа и просить помилованія у своего пастыря. Никонъ поступилъ въ этомъ случаѣ великодушно: онъ забылъ свои обиды, принялъ незлобиво раскаявшихся мятежниковъ, а когда пришла изъ Москвы въ Новгородъ царская рать, онъ уговорилъ начальника ея, князя Хованскаго, не предпринимать противъ виновныхъ крутыхъ мѣръ, самъ ходатайствовалъ за нихъ передъ царемъ и всѣмъ испросилъ помилованье, кромѣ двухъ главныхъ зачинщиковъ мятежа. Такимъ образомъ, своимъ самопожертвованіемъ и великодушіемъ Никонъ возстановилъ въ Новгородѣ миръ и спокойствіе. Почти одно-

временно съ этимъ возникъ подобный же бунтъ во Псковѣ, но и тамъ онъ вскорѣ прекратился, благодаря вмѣшательству Никона. И мятежныхъ псковичей, послѣ того какъ они принесли свои вины, царь простилъ по ходатайству новгородскаго владыки.

Послѣ этихъ великихъ подвиговъ Никона царь сталъ питать еще больше расположенія къ новгородскому митрополиту. Государь позвалъ его въ Москву, желая лично изъявить ему монаршую признательность за усмиреніе новгородскаго бунта.

Въ это время въ Саввинскомъ звенигородскомъ монастырѣ назначено было торжественное открытіе мощей преп. Саввы. Государь пожелалъ, чтобы Никонъ непремѣнно участвовалъ въ этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ. 19-го января 1652 года открытіе мощей, въ присутствіи царя и многихъ вельможъ, съ великимъ торжествомъ по церковному обряду, совершено было патріархомъ Іосифомъ и митрополитомъ Никономъ съ прочимъ духовенствомъ.

Пользуясь этимъ случаемъ и благоволеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Никонъ просилъ его перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицкаго монастыря и мощи святителя Филиппа, митрополита московскаго, изъ Соловокъ.

Желая въ первопрестольномъ соборѣ соединить великихъ свѣтильниковъ россійской Церкви и ревнителей по вѣрѣ и отечеству, онъ представлялъ въ примѣръ греческаго царя Ѳеодосія, который перенесеніемъ изъ Коман святыхъ мощей Іоанна Златоустаго содѣлалъ имя свое въ Церкви незабвеннымъ, а матери своей Евдоксіи, виновницѣ изгнанія, заточенія и преждевременной кончины святителя, исходатайствовалъ прощеніе. Царь съ сердечнымъ утѣшеніемъ выслушалъ сіе умилительное для своего сердца моленіе Никона, тогда же не только изъявилъ свое согласіе, но и открылъ, что святитель Филиппъ нѣсколько разъ являлся

ему во снѣ и говорилъ: „Я долго лежу вдалекѣ отъ гробницъ собратій моихъ митрополитовъ, пошли за мною и перенеси меня въ ихъ среду". Потомъ царь присовокупилъ: „Давно уже имѣю желаніе мощи святого Филиппа оттуда взять и перенести въ Успенскій соборъ". Тогда же созванъ былъ духовный соборъ, на которомъ присутствовалъ святѣйшій патріархъ Іосифъ съ митрополитами, архіепископами и прочимъ духовенствомъ, и ему угодно было благочестивое желаніе царя, и соборъ просилъ государя исполнить сіе благое предпріятіе, какъ онъ пожелаетъ. Мощи святителей Гермогена и Іова тогда же были перенесены въ Успенскій соборъ, а за мощами святителя Филиппа государь назначилъ митрополита Никона съ нарочитою свитою духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій. Для прочтенія при всемъ народѣ предъ мощами святителя Филиппа, царь вручилъ Никону грамоту отъ своего лица, написанную въ подражаніе молитвенному посланію, какое нѣкогда греческій царь Ѳеодосій писалъ къ мощамъ св. Іоанна Златоуста, когда заблагоразсудилъ перенести ихъ изъ Команъ. Въ своей грамотѣ царь Алексѣй Михайловичъ обращался къ святителю Филиппу съ молитвою о пришествіи въ Москву. Въ этой грамотѣ царь писалъ:

„Ничто столько не печалитъ души моей, пресвятый владыко, какъ то, что ты не находишься въ нашемъ богохранимомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святой соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, вмѣстѣ съ бывшими до тебя и по тебѣ святителями, чтобы ради вашихъ совокупныхъ молитвъ всегда неподвижною пребывала святая соборная и апостольская Церковь и вѣра Христова, которою спасаемся.

„Молю тебя, святой отецъ, приди сюда и разрѣши согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я неповиненъ въ досажденіи тебѣ, но

-робъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, что ты со времени изгнанія твоего и доселѣ пребываешь вдали отъ твоей святительской паствы. Преклоняю предъ тобою санъ мой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, и да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, и пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ! Онъ раскаялся и тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію приди къ намъ, св. владыка! Оправдался евангельскій глаголъ, за который ты пострадалъ: „Всяко царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ“, и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ паствѣ твоей изобилуетъ; нѣтъ уже болѣе никакого раздѣленія; всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй своя желающимъ тебя, приди съ миромъ во-свояси, и свои тебя съ миромъ примутъ“. Подъ этой грамотой царь своею рукою приписалъ: „О, священная глава, святый владыка Филиппъ, пастырь, молимъ тебя, не презри нашего грѣшнаго молевія и приди къ намъ съ миромъ! Царь Алексѣй, желаю видѣть тебя и поклониться св. мощамъ твоимъ!“

Никонъ долженъ былъ прочесть эту грамоту передъ ракою святителя Филиппа, прежде чѣмъ поднять ее для перенесенія въ Москву.

Съ такимъ посланіемъ сначала по суху, потомъ по водамъ Бѣлаго моря, Никонъ отправился въ Соловецкій монастырь въ мартѣ мѣсяцѣ 1652 года и 3-го іюня прибылъ туда.

Царь Алексѣй Михайловичъ попрежнему не хотѣлъ долго оставаться безъ назидательныхъ бесѣдъ и мудрыхъ совѣтовъ знаменитаго митрополита и своего друга Никона. Онъ нѣсколько разъ въ это время писалъ къ Никону, и всѣ письма царя дышатъ сердечною любовью государя къ новгородскому митрополиту, какъ къ своему самому близкому и дорогому другу, глубочайшимъ къ нему уваженіемъ, дохо-

дящимъ до благоговѣнія. „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси, — такъ начинается одно изъ его писемъ, — великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому, отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, Богъ милуетъ. А я, грѣшный, твоими молитвами далъ Богъ здоровъ... Да пожаловать бы тебѣ, великому святителю, помолиться, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобъ, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ робеночкомъ; уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины; Бога ради, молись за нее...“

Въ другомъ письмѣ царь писалъ: „Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О, крѣпкій воинъ и страдалецъ Царя небеснаго, и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ; надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу такъ свѣтлосіяющему въ архіереяхъ, какъ солнцу, свѣтящему по всей вселенной, такъ и и тебѣ, сіяющему по всему нашему государству благими нравами и дѣлами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоемъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя, свѣта душевнаго нашего, Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій нарицаюсь,

а по своимъ злымъ, мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и грѣшенъ, а называюсь Его же Свѣтовъ рабъ, отъ кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью, и со всѣмъ государствомъ далъ Богъ здорово".

Во время этого путешествія Никона на Москвѣ произошло событіе, поразившее всѣхъ страшнымъ горемъ: 15 апрѣля скончался московскій патріархъ Іосифъ. Кому послѣ него быть на Москвѣ патріархомъ? И взоры всѣхъ невольно обращались къ соловецкому путнику, какъ единственному достойнѣйшему архипастырю на Руси — митрополиту Никону. До его возвращенія въ Москву не хотѣли и выбирать патріарха. Царь въ своихъ письмахъ къ нему выражалъ и это общее горе о смерти первосвятителя и намеки на его преемника.

„Мать наша, соборная и апостольская Церковь, — писалъ онъ Никону, — вдовствуетъ и слезно сѣтуетъ по женихѣ своемъ, а какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мать наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющая подружія: такъ и она, не имѣя жениха своего, печалится; и все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтямъ жить... И тебѣ потому великому господину челомъ бью: возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, выбирать на патріаршество, именемъ Θеогноста (извѣстнаго Богу), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся..." „Помолись, владыка святый, съ Васильемъ юродивымъ, иначе Вавилою (тѣмъ самымъ блаженнымъ, который у Никона распоряжался питаніемъ нищихъ), чтобы Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное (Θеогностъ), а ожидаемъ тебя, великаго святителя къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, и сказываютъ святъ мужъ".

Никонъ могъ понимать намеки царя, кого онъ разумѣетъ

подъ этимъ „извѣстнымъ Богу“ преемникомъ патріарха Іосифа.

Послѣ того, какъ покаянная грамота царя Алексѣя Михайловича была прочитана у гроба святителя Филиппа, мощи страдальца были подняты. Перенесеніе мощей, когда онѣ благополучно были перевезены черезъ море, совершалось съ большимъ благолѣпіемъ и торжественностью. Въ продолженіе всего пути къ Москвѣ, на встрѣчу св. мощамъ выходило изъ городовъ и селъ множество народа съ предшествіемъ духовенства съ крестнымъ ходомъ. И въ это время совершалось отъ св. мощей множество исцѣленій.

„6-го іюля св. мощи были принесены въ Сергіеву Троицкую лавру, гдѣ ихъ встрѣтило множество духовенства во главѣ съ Корниліемъ, митрополитомъ казанскимъ. Отсюда 9-го іюля Никонъ привезъ мощи въ Москву, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были встрѣчены горожанами, былъ поставленъ крестъ, который теперь стоитъ въ каменной часовнѣ у Троицкой заставы, получившей отъ этого названіе Крестовской. Въ Воскресенскихъ воротахъ, въ старину называвшихся Неглиненскими, св. мощи были встрѣчены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ многочисленнымъ духовенствомъ и дворомъ. Народу было такъ много при этомъ, какъ писалъ Алексѣй Михайловичъ, „что не вмѣстился отъ Тверскихъ воротъ до Неглиненскихъ, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть; нельзя ни пройти ни проѣхать“. Мощи святителя были пронесены на Лобное мѣсто, гдѣ подлѣ нихъ получила исцѣленіе одна дѣвица, потомъ на площадь, противъ Грановитой палаты, гдѣ опять было исцѣленіе, и въ Успенскій соборъ, гдѣ онѣ стояли 10 дней среди церкви для поклоненія молящихся. Множество больныхъ получило при этомъ исцѣленіе. Всѣ десять дней звонили въ колокола съ утра до вечера, какъ на Святой недѣлѣ. Религіозный царь съ этого времени сталъ еще болѣе оказывать свое расположеніе и любовь къ Никону, благодаря которому совершилось это святое и великое дѣло.

По окончаніи торжества перенесенія мощей, приступили къ избранію новаго патріарха, и Господь почтилъ этою величайшею славою Своего избранника, великаго митрополита новгородскаго Никона.

III.

Патріархъ Никонъ.

Избраніе и посвященіе въ патріархи всероссійскіе.

Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ, не желая видѣть Церковь вдовствующею безъ патріарха, разослалъ грамоты во всѣ концы своего государства, ко всѣмъ святителямъ, и, извѣщая ихъ о смерти патріарха Іосифа, приглашалъ ихъ собраться въ Москву для избранія новаго верховнаго пастыря. По зову царя въ Москву прибыли четыр митрополита: новгородскій Никонъ, казанскій Корнилій, ростовскій Варлаамъ, сарскій Серапіонъ и три архіепископа: вологодскій Маркеллъ, суздальскій Серапіонъ и рязанскій Мисаилъ, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и священниковъ, а прочіе архіереи, которые почему-либо не могли притти, прислали священному собору повольныя грамоты о своемъ согласіи. Собравшимся святителямъ царь приказалъ „ко избранію на патріаршескій престолъ написати двѣнадцать мужей духовныхъ“. Святители исполнили волю царя и, написавши, „прислаша къ нему имена 12-ти духовныхъ мужей“. Іюля въ 22-й день послалъ царь своего боярина Василія Васильевича Бутурлина да думнаго дьяка Волошенинова сказать святителямъ и всему собору, чтобы они изъ тѣхъ 12-ти мужей избрали одного достойнѣйшаго быть патріархомъ, „мужа благоговѣйнаго и преподобнаго“, и потомъ пришли въ Золотую палату извѣстить о томъ государю. Святители, со всѣмъ соборомъ, исполнили и эту царскую волю, и когда пришли въ Золотую палату, то казанскій митрополитъ Корнилій возвѣстилъ го-

сударю отъ лица всѣхъ, что они изъ 12-ти духовныхъ мужей избрали на патріаршій престолъ Никона, митрополита новгородскаго, а затѣмъ предложилъ государю итти, „для такова великаго дѣла“, въ соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Богъ, по предстательству Пресвятыя Богородицы и святыхъ чудотворцевъ московскихъ, „то великое дѣло совершилъ“. Государь велѣлъ впередъ итти въ соборную церковь святителямъ съ прочимъ духовенствомъ и, переговоривъ съ своими боярами объ избраніи патріарха, пошелъ туда и самъ. Никона на этомъ соборѣ не было: онъ оставался на своемъ новгородскомъ подворьѣ.

Въ церкви совершены были всѣмъ соборомъ молебствія: Пресвятой Троицѣ, духамъ безплотнымъ, Пресвятой Богородицѣ съ акаѳистомъ, святымъ апостоламъ и святымъ чудотворцамъ московскимъ—Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу. По окончаніи молебствій царь, посовѣтовавшись съ Корниліемъ казанскимъ и со всѣмъ соборомъ, послалъ „по новоизбраннаго патріарха“ на новгородское подворье митрополита сарскаго да архіепископа рязанскаго и съ нимъ боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодановскаго и думнаго дьяка Волошенинова. Никонъ не захотѣлъ итти въ соборную церковь, о чемъ послы и возвѣстили царю и всему собору. Посылали за Никономъ еще не однажды, не дважды, а много разъ. Никонъ не покорялся. Послалъ, наконецъ, царь главнѣйшихъ своихъ бояръ, митрополитовъ, архіепископовъ и другихъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, чтобы они взяли Никона противъ его воли и привели на соборъ: Никонъ былъ приведенъ.

И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять Никона, да будетъ патріархомъ въ Москвѣ и Россіи; но Никонъ не соглашался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и не могущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. „Нѣсть таковыя мѣры, да архипастыремъ буду“, отвѣчалъ Никонъ. Прошло много времени въ напрасныхъ мольбахъ. Наконецъ, царь и всѣ при-

сутствовавшіе въ церкви пали на землю передъ Никономъ и со слезами молили его принять патріаршество. И не вытерпѣлъ Никонъ при видѣ царя въ такомъ положеніи, заплакалъ самъ вмѣстѣ со всѣми. И вспомнилъ тогда, что „сердце царево въ рукѣ Божіей“, убоялся отреченія и обратился къ царю и ко всѣмъ находившимся въ церкви съ такими словами: „Вы знаете, что мы отъ начала приняли святое евангеліе, вѣщанія святыхъ апостоловъ, правила святыхъ отцовъ и царскіе законы изъ православной Греціи, и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ. Благочестивѣйшій государь, честніи бояре, освященный соборъ и всѣ христоименитые люди! Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и Его Пречистою Матерью, ангелами и всѣми святыми, что вы будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, въ такомъ случаѣ я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства“. Тогда царь и всѣ бояре и весь освященный соборъ произнесли предъ святымъ евангеліемъ и предъ святыми чудотворными иконами обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. И Никонъ, призвавъ во свидѣтели Господа, Пресвятую Богородицу, ангеловъ и святыхъ, изрекъ свое согласіе быть патріархомъ.

Іюля 23-го послѣдовало нареченіе Никона патріархомъ московскимъ, а 25-го Никонъ посвященъ былъ въ санъ патріарха казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ и другими архіереями въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи самого

царя. Самое посвященіе и постановленіе на патріаршій престолъ было совершено въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ Успенскомъ соборѣ, посреди церкви, устроенъ былъ высокій и широкій амвонъ о 12-ти ступеняхъ, „опричь верхней кровли“. Правая сторона его, которая предназначалась для царя, была обита „сукнами багрецовыми червчатыми“, а лѣвая, назначавшаяся для патріарха и начальнаго митрополита, была обложена „сукнами настрафильными лазоревыми“. На амвонѣ устроены были три сѣдалища: царское сѣдалище, которое было обито дорогимъ золотистымъ бархатомъ, изголовье его низано жемчугомъ, другое — митрополиту Корнилію и третье — новопоставляемому патріарху Никону. Послѣднія два обиты были „бархатомъ смирнымъ“. Отъ царскаго и святительскихъ мѣстъ внизъ по ступенямъ, до самой солеи, устроены были три пути: одинъ, по которому ходить царю, былъ устланъ атласомъ золотистымъ по червчатой землѣ, а другіе два — для начальнаго митрополита и новопоставляемаго патріарха — бархатами смирными гладкими, одинъ вишневымъ, а другой—темносинимъ. Прочіе же митрополиты и архіепископы сидѣли отъ царскаго и святительскихъ мѣстъ по обѣимъ сторонамъ по ступенямъ, черезъ ступень, а за ними архимандриты и игумены.

Передъ амвономъ, на церковномъ помостѣ, было сдѣлано изображеніе одноглаваго орла; для стереженія, чтобы кто-нибудь не наступилъ на него, приставлены были къ нему шесть человѣкъ „огненниковъ“. Такое же число „огненниковъ“ находилось и при новопоставляемомъ патріархѣ.

Въ назначенный для поставленія патріарха день, митрополиты, архіепископы и прочее духовенство съѣхались на патріаршемъ дворѣ въ крестовую палату и послали крутицкаго митрополита съ двумя архимандритами, чудовскимъ и спасскимъ, и игуменомъ пафнутьевскимъ — просить новопоставляемаго патріарха Никона въ Успенскій соборъ. По прибытіи въ соборъ, Никонъ, помолясь предъ святыми иконами и поклонясь гробамъ чудотворцевъ Петра, Іоны и Филиппа и

гробамъ патріарховъ, отошелъ въ придѣлъ Похвалы Пречистыя Богородицы и здѣсь ожидалъ прибытія митрополита Корнилія и всего освященнаго собора. Въ то же время соборный ключарь далъ знать собравшемуся въ патріаршей крестовой палатѣ духовенству о прибытіи въ соборъ новопоставляемаго патріарха, и начальный митрополитъ Корнилій съ прочими митрополитами, архіепископами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, въ предшествіи патріаршихъ подьяковъ въ стихаряхъ и свѣщеносцевъ съ горящими свѣтильниками, направились въ соборную церковь.

Новопоставляемый патріархъ Никонъ принялъ благословеніе отъ митрополита Корнилія, облачился въ священныя одежды въ придѣлѣ, посреди церкви, а митрополитъ Корнилій облачался на приготовленномъ для патріаршаго поставленія высокомъ амвонѣ, прочіе же архіереи облачались въ алтарѣ. Когда все было готово къ поставленію, по извѣщеніи о томъ царя, Алексѣй Михайловичъ явился въ церковь во всемъ царскомъ величіи, а за нимъ шли бояре и весь царскій синклитъ въ золотомъ платьѣ и черныхъ шапкахъ. Государь, помолясь предъ иконами и поклонясь предъ гробами чудотворцевъ и патріарховъ и принявъ благословеніе отъ митрополита Корнилія, взошелъ на устроенный высокій амвонъ и сѣлъ на своемъ царскомъ сѣдалищѣ, а за нимъ взошелъ митрополитъ Корнилій и сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ два протодіакона выводили изъ алтаря митрополитовъ, архіепископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ по-двое и сажали ихъ на уготованныхъ для нихъ мѣстахъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, тогда изъ придѣла Похвалы Богородицы приведенъ былъ протопопомъ Григоріемъ и протодіакономъ новонареченный патріархъ Никонъ и поставленъ былъ предъ амвономъ на орлѣ. Протопопъ подалъ Никону рукопись, и онъ, поклонясь царю и митрополиту, читалъ во всеуслышаніе, что онъ обѣщается содержать цѣло и нерушимо правую и непорочную вѣру христіанскую, „еже есть: Вѣрую во единаго Бога Отца“, и

прочиталъ символъ вѣры до конца, и соблюдать установленные семью вселенскими соборами каноны и уставы, обѣщается также въ страхѣ Божіемъ и „боголюбивымъ нравомъ“ ко всѣмъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ россійскимъ любовь духовную имѣть и „яко братію почитать“, а порученное ему отъ Бога стадо управлять и отъ всякаго лукаваго ученія соблюдать. Послѣ сего протопопъ Григорій снялъ съ новонареченнаго патріарха митру; царь и весь освященный соборъ встали, а митрополитъ Корнилій, обратясь къ Никону и осѣняя его рукою, говорилъ: „Благодать Пресвятаго Духа нашимъ смиреніемъ имѣетъ тя патріархомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и всего Россійскаго царства“. Тогда новопоставляемый патріархъ Никонъ возведенъ былъ протопопомъ и протодіакономъ на амвонъ къ царю и митрополиту Корнилію, который новопоставляемаго патріарха благословилъ и поцѣловалъ въ уста. Затѣмъ Никонъ сошелъ съ высокаго амвона и цѣловалъ въ уста митрополитовъ и архіепископовъ; потомъ, вставъ посреди церкви и сдѣлавъ поклонъ царю и митрополиту Корнилію, Никонъ опять былъ отведенъ и поставленъ на орлѣ. Корнилій, осѣнивъ его рукою, говорилъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою“. Протопопъ и протодіаконъ опять возвели Никона на высокій амвонъ и поставили его предъ царемъ и митрополитомъ; тутъ слѣдовали поздравленія и поздравительныя рѣчи, по окончаніи коихъ Никонъ опять былъ отведенъ въ придѣлъ Похвалы Богородицы, а царь, благословясь у митрополита Корнилія, сошелъ съ высокаго амвона и всталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ.

За симъ началась литургія. По выходѣ съ евангеліемъ, Никонъ изъ придѣла Похвалы Богородицы приведенъ былъ предъ царскія двери, гдѣ его приняли подъ руки два митрополита и привели предъ престолъ. Митрополитъ Корнилій прочиталъ надъ поставляемымъ во всеуслышаніе молитву: „Божественная благодать, яже всегда немощная исцѣляющая

и недостаточная исполняюще, поставляетъ бывшаго новгородскаго и великолуцкаго митрополита Никона, нынѣ же патріарха въ богохранимомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и всея Руссіи...“ Потомъ взялъ съ престола евангеліе и, возложивъ его на главу и на выю поставляемаго, Корнилій читалъ вторую молитву: „Владыко Господи Боже нашъ“. Затѣмъ крутицкій митрополитъ читалъ положенную на поставленіе ектенію, послѣ которой митрополитъ Корнилій, „имѣя на поставляемомъ патріаршѣ версѣ руку лежащу“, читалъ третью молитву и потомъ евангеліе и затѣмъ возгласилъ: „аксіосъ“, знаменуя рукою на главѣ поставляемаго. Наконецъ, Корнилій возложилъ на новопоставляемаго патріарха Никона саккосъ Петра митрополита, а протодіаконъ надѣлъ на него омофоръ и митру прежнихъ патріарховъ. Итакъ совершилось поставленіе Никона на патріаршій престолъ. Тогда новопоставленный патріархъ, вставъ въ царскихъ дверяхъ на орлецѣ, началъ дѣйствовать божественную литургію, которая продолжалась обычнымъ порядкомъ.

По совершеніи литургіи, патріархъ Никонъ поднесъ царю освященную просфору; митрополитъ Корнилій и патріархъ Никонъ возведены были на высокій амвонъ и посажены на ихъ сѣдалищахъ, первый — протодіакономъ и ризничимъ, а второй — двумя митрополитами, которые притомъ говорили: „исполла эти деспота“, а пѣвчіе пѣли патріарху многолѣтіе. Здѣсь патріархъ разоблачился, и ему поднесены были царскіе дары: клобукъ бѣлый, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями, золотая панагія, также съ дорогими камнями, и мантія бархатная съ источниками, и затѣмъ вручень былъ ему посохъ Петра митрополита. Тогда царь взошелъ на высокій амвонъ и сѣлъ на своемъ сѣдалищѣ; возлѣ него, по лѣвую сторону, сидѣлъ патріархъ Никонъ, а возлѣ Никона — митрополитъ Корнилій. Царь, вставъ, говорилъ Никону поздравительную рѣчь: „Всемогущій и вся содержащій въ Троицѣ славимый Богъ нашъ неизреченнымъ Своимъ человѣколюбіемъ устроля тебя, превысочайшаго святителя, намъ

и всѣмъ христоименитымъ людямъ пастыря и учителя, да будеши преемникъ святыхъ апостолъ и наслѣдникъ чудотворцевъ; нынѣ же ваше святительство рукоположеніемъ и освященіемъ преосвященнаго Корнилія, митрополита казанскаго и свіяжскаго, и прочихъ святыхъ отецъ митрополитовъ и архіепископовъ и всего освященнаго собора всего Россійскаго царствія на превысочайшій патріаршій престолъ возведенъ и освященъ еси; пріими, святѣйшій отче, прежде бывшихъ тебе святыхъ митрополитовъ и патріарховъ жезлъ пастырства и на сѣдалище старѣйшинства, яко отъ Господа пронареченъ и избранъ, да взыдеши, и твоя священныя молитвы ко Всемогущему Богу и Пречистѣй Его Матери и всѣмъ святымъ о насъ и о нашей благовѣрной царицѣ и о сострахъ нашихъ... и о всей нашей палатѣ и о всѣхъ людехъ державы нашея да приносиши, яко да святыхъ ради молитвъ вашихъ Господь Богъ подастъ намъ и всѣмъ нашимъ людемъ благая и полезная и царство наше соблюдетъ мирно и безмятежно и отъ враговъ ненавѣтно на вѣки". Патріархъ Никонъ, поклонясь, говорилъ обычную рѣчь царю: „Всемогущій и вся содержащій въ Троицѣ славимый Богъ нашъ да сохранитъ благочестивое и святое ваше царство мирно и ненавѣтно и да соблюдетъ лѣта живота вашего въ долготу дней. Мы же, аще и недостойни есми такого патріаршескаго престола, но обаче Божію званію повинувшеся должни есми о вашемъ государскомъ многолѣтномъ царствіи и о вашей государевѣ царицѣ и о сострахъ вашихъ и о всѣхъ, повинующеся вашему самодержавному царствію, молити Всемогущаго Бога, яко да тобою, пресвѣтлымъ государемъ, благочестивое ваше царство паки возпрославитъ и распространитъ отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя и расточенныя во благочестивое твое царство возвратитъ и соберетъ во едино и на первообразное и радостное возведетъ, во еже быти ти на вселеннѣй царю и самодержцу христіанскому и совозсіяти яко солнцу посреди звѣздъ, яже на пользу строенія и во благоденствіе душевне

и тѣлесне“. Послѣ того митрополитъ Корнилій съ прочими митрополитами, архіепископами и всѣмъ духовенствомъ и бояре приносили поздравленіе царю съ новопоставленнымъ патріархомъ, а потомъ поздравляли патріарха. Царь отправился въ свой дворецъ, а патріархъ Никонъ — на патріаршій дворъ въ сопровожденіи всего духовенства.

Торжество патріаршаго поставленія заключилось обѣденнымъ столомъ у царя, къ которому были приглашены патріархъ Никонъ и прочія власти и нѣкоторые бояре. За обѣдомъ патріархъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ царемъ, но поодаль, а прочее духовенство сидѣло за другимъ столомъ. Въ концѣ обѣденнаго стола, Никонъ, вставъ и поклонясь царю, пошелъ изъ царской палаты, Краснымъ крыльцомъ, къ Благовѣщенію и благовѣщенскою папертью къ „осляти“ и, по древнему обычаю, совершилъ шествіе на осляти вокругъ Кремля и Китая-города. По возвращеніи патріархъ веденъ былъ сопровождавшимъ его въ шествіи крутицкимъ митрополитомъ въ государевы палаты, а придя и поклонясь царю, Никонъ сѣлъ за столомъ на своемъ мѣстѣ; власти также заняли свои мѣста. По окончаніи стола, государь жаловалъ патріарха „своимъ государевымъ жалованьемъ“, которое представлялъ дьякъ при произнесеніи обычной рѣчи, и затѣмъ Никонъ отправился на патріаршій дворъ въ сопровожденіи властей, которыя, принявъ отъ него благословеніе, разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

Такъ окончилось празднованіе поставленія Никона на патріаршій престолъ.

IV.

Труды и подвиги патріарха Никона.

Дружба самая тѣсная соединяла новаго патріарха съ царемъ. Вмѣстѣ они молились, вмѣстѣ разсуждали о дѣлахъ, вмѣстѣ садились за трапезу, — такъ было почти каждый день. Патріархъ былъ воспріемникомъ дѣтей царскихъ. Ни

одно государственное дѣло не рѣшалось безъ участія въ немъ мысли Никона. И великій умъ, предпріимчивый, твердый характеръ Никона отпечатлѣны на тѣхъ немногихъ счастливыхъ годахъ отечества нашего, когда первосвятительскій жезлъ былъ въ рукахъ патріарха Никона (1652—1658 г.).

Съ высоты патріаршаго престола Никонъ обширнымъ, свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ ума своего окинулъ всю широту отечественной Церкви, ясно созналъ ея потребности и рѣшился дѣйствовать для блага ея съ полнымъ самоотверженіемъ. Лѣта дѣйствительнаго правленія его всероссійскою Церковью ознаменованы многочисленными и великими его заслугами для духовнаго просвѣщенія, общественнаго богослуженія и церковнаго управленія.

Заслуги Никона для духовнаго просвѣщенія.

Ко времени патріарха Никона духовное просвѣщеніе въ московской Руси стояло на низкой ступени развитія. Двумъ первымъ нашимъ патріархамъ — Іову и Гермогену—не было времени заботиться объ основаніи училищъ, когда надобно было поддерживать первыя основанія государства. Съ прекращеніемъ смутныхъ временъ, новые печальные опыты исправленія богослужебныхъ книгъ показали ясно, что спокойствіе Церкви, не огражденное истиннымъ просвѣщеніемъ, весьма ненадежно. И вотъ, въ первосвятительство третьяго патріарха всероссійскаго Филарета (1633 г.) является первое греко-латинское училище въ Москвѣ. Оно было устроено подлѣ патріаршаго двора, въ Чудовѣ монастырѣ, и получило названіе патріаршаго. Исторія сохранила имя перваго ближайшаго ея начальника и наставника: это былъ грекъ, по имени Арсеній. Царь и патріархъ, довольные его устройствомъ, имѣли намѣреніе завести греко-латинскія школы и во многихъ другихъ городахъ. Но невѣжество спѣшило подавить возникающее просвѣщеніе въ самомъ зародышѣ. При

патріархѣ Іосифѣ школа уже сдѣлалась предметомъ ненависти людей, защищавшихъ испорченность богослужебныхъ нашихъ книгъ. Самъ основатель ея и наставникъ подпалъ ненависти и гоненію патріарха за то, что былъ ревностнымъ обличителемъ неисправности тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ славянскихъ и дѣлалъ патріарху неоднократныя представленія сличить наши славянскія церковныя книги съ греческими и исправить первыя по тексту послѣднихъ. Такими представленіями онъ навлекъ на себя со стороны суевѣровъ подозрѣніе въ измѣнѣ православію и по ихъ настоянію сосланъ былъ патріархомъ въ Соловецкій монастырь для исправленія будто бы въ образѣ мыслей и поведенія. Свѣтъ просвѣщенія, едва начинавшій мерцать въ нашемъ отечествѣ, казалось, долженъ былъ теперь опять погаснуть надолго. Но доброе дѣло, начатое мудрымъ патріархомъ, не осталось въ забвеніи. Явился ревностный подражатель первосвятительскихъ подвиговъ Филарета,—явился Никонъ.

„Патріархъ Никонъ былъ пастырь, просвѣщеніемъ своимъ превышающій того вѣка людей“. Любя самъ просвѣщеніе и съ юныхъ лѣтъ воспитанный чтеніемъ слова Божія и писаній отеческихъ, Никонъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на погасавшее у насъ просвѣщеніе и искалъ способовъ возбудить въ соотечественникахъ охоту къ основательному изученію божественныхъ и священныхъ писаній и дать помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться. Еще среди подвиговъ управленія новгородскою паствою, онъ уже заботился о распространеніи въ самой Москвѣ средствъ къ духовному просвѣщенію. Не вступаясь въ дѣла патріаршаго чудовского училища, Никонъ нашелъ средство открыть въ Москвѣ новый разсадникъ для наукъ. Давно уже въ Кіевѣ процвѣтали ученыя братства, воспитывавшія, между прочимъ, защитниковъ православія для тамошняго края, тѣснимаго уніатами. Слава этихъ ученыхъ иноческихъ обителей извѣстна была и въ Москвѣ; но здѣсь боялись просвѣщенія

и не хотѣли заимствовать его ниоткуда. Чуждый предразсудковъ, Никонъ убѣдилъ царя пересадить сѣмена духовной мудрости изъ южнаго края отечества нашего на сѣверъ, и дать имъ здѣсь средство прозябнуть, возрасти и созрѣть къ славѣ и украшенію Церкви и государства. Въ 1649 году, въ то самое время, когда Арсеній-грекъ удаленъ былъ въ Соловецкій монастырь, возникающее просвѣщеніе нашло себѣ покровителя въ молодомъ любимцѣ и сверстникѣ царя, постельничемъ Ѳедорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ. По мысли и убѣжденію Никона, онъ устроилъ для наукъ на берегу Москвы-рѣки, близъ Воробьевыхъ горъ, у церкви св. апостола Андрея, монастырь во имя Преображенія Господня, какъ бы въ знакъ того, что отсюда теперь должно начаться преобразованіе духовной жизни нашего народа, какъ она нѣкогда была преобразована св. проповѣдью первозваннаго апостола. Сюда вызваны были ученые иноки Кіевопечерской лавры, Межегорскаго монастыря и другихъ малороссійскихъ обителей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Епифаній Славеницкій, „мужъ мудрый, искуснѣйшій, многоученый, въ философіи и богословіи изрядный дидаскалъ, искуснѣйшій въ еллиногреческомъ и славенскомъ діалектахъ“, успѣвшій показать еще въ Кіевѣ много опытовъ своихъ богословскихъ познаній. Въ то же время царь Алексѣй Михайловичъ требовалъ въ Москву отъ митрополита кіевскаго Сильвестра еще двухъ ученыхъ иноковъ изъ лавры: Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, „божественнаго писанія вѣдущихъ и еллинскому языку навычныхъ, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющихъ, и латинскую рѣчь достаточно знающихъ“. Цѣль ихъ призванія въ Москву была не только ученая, но и учебная. Занимаясь переводами „душеполезныхъ книгъ“ съ греческаго языка на славянскій, они должны были вмѣстѣ съ тѣмъ обучать московское юношество свободнымъ наукамъ. Такимъ образомъ составилось въ точномъ смыслѣ ученое братство съ училищемъ. Въ то же время Никонъ въ Хутынскомъ нов-

городскомъ монастырѣ устроилъ типографію для удобнѣйшаго распространенія ученыхъ трудовъ этого братства по всѣмъ краямъ обширнаго отечества нашего. Но вскорѣ Промыслу угодно было поставить Никона на болѣе обширное поприще просвѣщенной его дѣятельности.

Вступивъ, по смерти Іосифа, на патріаршій престолъ, Никонъ принялъ подъ свое непосредственное покровительство и Чудовское патріаршее училище. Начальникомъ его сдѣлался теперь Епифаній Славеницкій. Чтобы отнять у суевѣровъ всякое средство вредить просвѣщенію, Никонъ перенесъ самый печатный дворъ въ Чудовъ монастырь и отдалъ въ полное распоряженіе ученымъ инокамъ Преображенской и Чудовой обители. Главнымъ смотрителемъ и справщикомъ на печатномъ дворѣ опредѣленъ былъ тотъ же Епифаній Славеницкій. Среди такихъ распоряженій для пользы наукъ Никонъ не забылъ и Арсенія-грека, томившагося въ заточеніи на Соловецкомъ островѣ за ревность свою къ просвѣщенію. Арсеній возвращенъ былъ въ Москву и опредѣленъ помощникомъ Епифанію Славеницкому. Между тѣмъ зоркій взглядъ самого патріарха неусыпно наблюдалъ за дѣйствіями и успѣхами ученаго братства. Дѣятельность училищъ оживилась и принесла Церкви и отечеству вожделѣнные плоды. Много истинно полезнаго сдѣлано здѣсь для народнаго просвѣщенія, и еще больше обѣщали мудрость Никона, трудолюбіе ученыхъ и щедроты царя.

Первою и главною, по тому времени, заслугою этихъ училищъ было то, что они издавали богослужебныя книги въ исправнѣйшемъ видѣ, по сличеніи ихъ съ греческими подлинниками. Но, какъ бы не довольствуясь этимъ важнымъ трудомъ, они составляли новые переводы писаній отеческихъ и даже гражданскихъ сочиненій греческихъ и латинскихъ, полезныхъ въ общественномъ быту. Долго было бы исчислять подробно всѣ произведенія ихъ въ этомъ родѣ: они весьма многочисленны. Упомянемъ по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ. Тогда въ первый разъ переведены и изданы

въ свѣтъ: Скрижаль, въ которой помѣщено изъясненіе на литургію и ученіе о таинствахъ Церкви; многія слова Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго, Шестодневъ Василія Великаго, Богословіе Іоанна Дамаскина. Не забудемъ также о новомъ переводѣ новаго завѣта, о новомъ переводѣ полнаго собранія церковныхъ правилъ, о переводѣ космографіи и другихъ книгъ. Кромѣ того, переведено съ греческаго много церковныхъ службъ различнымъ святымъ, празднуемымъ Церковію, жизнеописавій святыхъ мужей и разныхъ другихъ сочиненій, относящихся къ церковной исторіи. Наконецъ, извѣстны и собственныя сочиненія ученыхъ иноковъ для пользы духовнаго просвѣщенія: такъ, явились тогда лексиконы—*греко-славено-латинскій*, какъ руководство для молодыхъ питомцевъ науки къ переводу сочиненій греческихъ на языкъ славянскій, и *филологическій*, или сводъ разныхъ мѣстъ изъ греческихъ отцовъ, служащій къ изъясненію священнаго писанія. Въ то же время составлено довольно новыхъ службъ нашимъ отечественнымъ святымъ, напримѣръ, св. Іакову боровицкому, св. Аннѣ, княгинѣ тверской, и др.

Между тѣмъ въ Москвѣ, которую, можетъ-быть, Никонъ хотѣлъ сдѣлать средоточіемъ духовной мудрости для всего отечества нашего, любознательность его собрала богатѣйшую, по своему времени, библіотеку. Сохранилось до насъ описаніе ея, составленное по повелѣнію самого царя Алексѣя Михайловича, послѣ удаленія Никона въ Воскресенскій монастырь. Въ этомъ описаніи значится книгъ болѣе 1000 томовъ. Тутъ встрѣчаются книги греческія, латинскія, нѣмецкія, писанныя и печатныя на бумагѣ и на пергаментѣ. Многія изъ нихъ выписаны изъ древнихъ нашихъ монастырей и еще большая часть съ Востока, куда патріархъ нарочито за ними посылалъ старца Арсенія Суханова. Въ составъ никоновской библіотеки вошли и ученые труды иноковъ андреевскаго и чудовского училищъ. Самымъ усерднымъ помощникомъ ему въ умноженіи библіотеки былъ

Арсеній-грекъ. Собраніе книгъ по содержанію ихъ было самое разнообразное. Кромѣ книгъ св. писанія и твореній св. отцовъ Церкви, упоминаются въ библіотекѣ Никона: Гомеръ, Софоклъ, Гезіодъ, Демосѳенъ, Аристотель, Геродотъ, Ѳукидидъ и другіе древніе греческіе писатели, подъ общимъ именемъ философовъ. Здѣсь же встрѣчаются различныя физики, географіи, грамматики, логики, космографіи, лексиконы, реторики, ландкарты.

Наставляя отечественное юношество въ училищахъ и собирая въ пособіе наставникамъ ихъ „превосходныя книги“, Никонъ въ то же время возстановилъ въ Церкви давно прекратившійся у насъ обычай общенародныхъ поученій посредствомъ живого пастырскаго слова. Вмѣсто живой устной проповѣди считали достаточнымъ читать уставныя чтенія изъ древнихъ учителей Церкви.

Никонъ сознавалъ потребность въ живой устной проповѣди, основанной на словѣ Божіемъ и писаніяхъ отеческихъ, и какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и своими предписаніями положилъ начало ея возстановленію послѣ вѣкового молчанія ея на нашихъ церковныхъ каѳедрахъ. Замолкшая въ XVI вѣкѣ, она теперь снова начала подавать свой голосъ. Никонъ, по своему времени, зналъ слово Божіе совершеннѣйшимъ образомъ. Онъ съ юныхъ лѣтъ вдохнулъ въ себя животворную силу небесной истины и всегда старался сохранять и возгрѣвать въ себѣ божественные дары ея. Чтеніе св. писанія и отцовъ Церкви было любимѣйшимъ его занятіемъ. Одаренный отъ природы силою и увлекательностію слова, напитанный чтеніемъ св. писанія и св. отцовъ, Никонъ не опускалъ ни одной божественной службы во храмѣ безъ живого назидательнаго собесѣдованія съ народомъ. Слово его было огнемъ, пожигающимъ упорныхъ грѣшниковъ и возгрѣвающимъ чувство умиленія и даръ слезъ въ сердцахъ, отверстыхъ для слышанія слова благодати. Бесѣда его была проста, естественна, для всѣхъ удобопріемлема, задушевна. Голосъ его былъ звученъ и пріятенъ,

Многочисленныя толпы народа стекались со всѣхъ сторонъ слушать живую устную и сладостную для христіанской души, воодушевленную бесѣду своего архипастыря. Нерѣдко слезы умиленія текли изъ очей слушателей; со взорами, исполненными слезъ, вѣщалъ имъ правду Божію и умиленный архипастырь.

Но храмъ Божій былъ для Никона не единственнымъ мѣстомъ и время общественнаго богослуженія — не единственнымъ временемъ проповѣданія слова Божія. Во всѣхъ случаяхъ жизни Никонъ обращался къ св. писанію и въ немъ искалъ изреченій, сообразныхъ съ тѣмъ или другимъ случаемъ. Приходилъ ли онъ въ темницу — онъ утѣшалъ узниковъ словомъ Божіимъ. Встрѣчалъ ли на пути нищаго — подавъ милостыню, подавалъ и наставленіе изъ слова Божія. Усматривалъ ли какой-нибудь порокъ — немедленно обличалъ его словомъ Божіимъ. Подавалъ ли кому совѣтъ въ уединеніи своей храмины или въ обществѣ другихъ людей — слово Божіе непремѣнно сопутствовало его слову. Нерѣдко уста Никона, какъ бы по невольному побужденію, произносили изреченія слова Божія и въ обыкновенныхъ частныхъ разговорахъ. Такъ была настроена душа Никона! Такъ она преизбыточествовала вѣдѣніемъ слова Божія и любовью къ нему! Тѣмъ отраднѣе было для паствы видѣть у себя такого архипастыря, что подчиненный ему клиръ не обладалъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Поучая въ храмѣ народъ, Никонъ поучалъ въ то же время и клиръ; поучалъ онъ своихъ сослужителей и въ частныхъ бесѣдахъ съ ними. Сотрудникомъ ему въ этомъ великомъ пастырскомъ трудѣ былъ ученѣйшій въ свое время Епифаній Славеницкій.

Время не сохранило до насъ церковныхъ поученій Никона. Можетъ-быть, онъ и совсѣмъ не писалъ ихъ, а произносилъ только устно. Осталось однакожъ нѣсколько другихъ его сочиненій, которыя служатъ для потомства памятникомъ глубокаго и свѣтлаго его ума, обширной начитанности, основательнаго знанія слова Божія, писаній отеческихъ и

правилъ церковныхъ, пастырской ревности о вразумленіи заблуждающихъ, любви къ просвѣщенію и особенно къ исторіи отечества. Изъ нихъ особенною извѣстностію пользуются:

1) Поученіе, или окружная грамота, патріарха Никона къ духовнымъ и мірскимъ всякаго состоянія людямъ о принятіи мѣръ предосторожности противъ моровой язвы.

2) Посланіе, или окружная грамота, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ о созиданіи Онежскаго крестнаго монастыря.

3) Рай мысленный. Одна часть этой книги составлена Стефаномъ Святогорцемъ, который собралъ въ ней „разные цвѣты о св. горѣ Аѳонской, о Иверскомъ монастырѣ на той же св. горѣ и о портаиской иконѣ“. Вторая написана Никономъ по подражанію первой. Въ ней содержится повѣствованіе „о монастырѣ Иверскомъ Святозерскомъ (Валдайскомъ) и о явленіи и перенесеніи мощей св. Іакова боровицкаго въ монастырь Иверскій.

4) Рѣчь къ собору 1654 года объ исправленіи богослужебныхъ книгъ.

5) „Никона, патріарха московскаго, вопрошеніе, кіими персты знаменати лице, къ патріархамъ: антіохійскому, сербскому и митрополиту никійскому“.

6) Переписка Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Особенно замѣчательны письма Никона во время путешествія его въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа митрополита.

7) Возраженіе на 27 вопросовъ, предложенныхъ бояриномъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрѣшневымъ газскому митрополиту Паисію Лигариду „о разореніи патріаршескихъ дѣлъ“, и на отвѣты ему Паисіевы.

8) Грамота къ Паисію Лигариду, митрополиту газскому, и

9) Грамота къ константинопольскому патріарху Діонисію.

Содержаніе этихъ двухъ грамотъ одно и то же. Никонъ излагаетъ въ нихъ исторію своего возведенія на патріарше-

ство, удаленія изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь и состояніе Церкви въ это бурное время.

Изъ сочиненій Никона, въ подлинности которыхъ сомнѣваются, особенно извѣстна „Лѣтопись русская“, подъ именемъ Никоновой, или по Никонову списку. Онъ представляетъ весьма полный сводъ многихъ русскихъ лѣтописей, степенныхъ книгъ и греческихъ хронографовъ, доведенный до 1360 года.

Такъ дѣйствовалъ Никонъ на пользу духовному просвѣщенію въ нашемъ отечествѣ! Но просвѣщенный взоръ его не могъ не видѣть и тѣхъ безпорядковъ, которые вкрались тогда въ богослуженіе и управленіе нашей Церкви. И Никонъ дѣятельно возстановлялъ упавшее благолѣпіе общественнаго богослуженія и благочиніе церковнаго управленія.

Пастырскіе труды патріарха Никона по благоустройству богослуженія.

Въ отечественной нашей Церкви господствовалъ тогда странный обычай, укоренившійся годами, — читать и пѣть при общественномъ богослуженіи для скорости въ два и три голоса въ одно и то же время. Всенощное и вечернее богослуженіе раздѣляли на нѣсколько частей и отправляли всѣ части вдругъ. Ектеніи и возгласы совершенно сливались съ пѣніемъ клира. Одинъ чтецъ начиналъ полунощницу съ каѳизмою; другой въ то же самое время читалъ символъ вѣры, тропари и такъ далѣе, до конца полунощницы. Одинъ дочитывалъ шестопсалміе, другой вмѣстѣ съ нимъ уже оканчивалъ каѳизмы, третій пѣлъ славу. И всѣ они старались превзойти другъ друга поспѣшностію, такъ что не было никакой возможности ни слушать ни понимать то, что читали. Въ церквахъ равнодушно было терпимо пѣніе нестройное, дикое, лишенное всякаго благообразія, производившееся притомъ въ одно и то же время на разные напѣвы и съ такимъ же безпорядкомъ, какъ и чтеніе. Отъ разности

нотныхъ знаковъ, которыхъ рабски держались, и отъ большаго или меньшаго умѣнья пѣть произошли и разности въ напѣвахъ. То растягивали слова до крайности продолжительною остановкою голоса на каждой буквѣ, то перемѣняли ударенія въ словахъ, отчего вмѣсто благочинія нерѣдко происходилъ въ церкви соблазнъ. Преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря, говорилъ знаменитому въ свое время уставщику Логгину: „Ты мастеръ всему, а что поешь и говоришь, того въ себѣ не разсудиши, како прямѣе надо въ пѣніи или въ говореніи разумѣти, чѣмъ ты и въ церкви Божіей братію смущаешь и въ смѣхъ вводишь“.

Но въ такомъ жалкомъ состояніи оставалось наше церковное чтеніе и пѣніе только до того времени, когда Никонъ, ревнитель благочинія церковнаго, родившійся съ дарованіемъ къ великимъ и славнымъ предпріятіямъ и въ недолгое время пастырства своего возстановившій такъ много порядковъ въ русской Церкви, явился на новгородской архипастырской каѳедрѣ. Сердце его возмущалось церковными безпорядками, и онъ вооружился противъ нихъ и словомъ и дѣломъ. Немедленно, по вступленіи на митрополію, онъ предписалъ — въ церквахъ, ввѣренныхъ его управленію, пѣть и читать въ одинъ только голосъ, безъ поспѣшности, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, чтобы богослуженіе имѣло важность и величіе, свойственныя его духу. Для большаго успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, онъ выписалъ изъ Кіева знатоковъ греческаго и кіевскаго напѣвовъ, равно какъ и партеснаго пѣнія, и поручилъ имъ обучать своихъ пѣвчихъ. При содѣйствіи этихъ учителей, онъ ввелъ у себя пріятное и согласное пѣніе. Но такое превосходство церковнаго пѣнія и отличный порядокъ при богослуженіи, установившійся вслѣдъ за уничтоженіемъ обычая читать въ одно и то же время въ нѣсколько голосовъ, встрѣтили въ современникахъ Никона вмѣсто признательности и уваженія негодованіе и явный ропотъ. Самъ патріархъ Іосифъ смотрѣлъ на все это

какъ на неумѣстное нововведеніе, и выражалъ неудовольствіе на Никона въ слухъ своихъ приверженцевъ. Несмотря однакожъ на неудовольствіе патріарха и на безразсудный ропотъ современниковъ, считавшихъ искорененіе безпорядковъ церковныхъ нарушеніемъ законнаго исполненія и восхищавшихся нестройнымъ чтеніемъ и пѣніемъ, Никонъ не прекращалъ своихъ полезныхъ трудовъ. Напротивъ, онъ болѣе и болѣе воспламенялся ревностію къ продолженію ихъ, одушевляемый особеннымъ благоволеніемъ царя. Каждый разъ, когда только Никонъ пріѣзжалъ изъ Новгорода въ Москву, царь приглашалъ его для священнослуженія ко двору. Никонъ служилъ въ придворной церкви съ новыми своими пѣвчими и по новому порядку чтенія, въ присутствіи самого государя, который съ удовольствіемъ слушалъ стройное пѣніе и одобрялъ благочиніе въ отправленіи богослуженія, установленное Никономъ. Никонъ умѣлъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ и одобреніемъ царя для своей цѣли. Онъ предложилъ ему совѣтъ установить подобное чтеніе и пѣніе во всей Россіи. Внявъ совѣту Никона, царь въ 1651 году составилъ въ своемъ дворцѣ соборъ, и здѣсь распространено было на всю Россію сдѣланное Никономъ улучшеніе въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Соборъ постановилъ: „по преданію св. апостолъ и св. и богоносныхъ отецъ и по уставу, пѣти во св. Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градамъ, единогласно, на вечерняхъ и на повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтирь говорить во одинъ голосъ тихо и исспѣшно, со всякимъ вниманіемъ... безъ всякаго зазора церковнаго“. Свитокъ соборнаго уложенія положено было, для общаго свѣдѣнія, прочитать во всѣхъ церквахъ съ амвона. Въ Москвѣ, по благочестивой ревности царя, вскорѣ послѣ того образовался даже пѣвческій хоръ. По совѣту Никона, царь вызвалъ изъ Кіева знатоковъ пѣнія и поручилъ имъ обучать московскихъ дьяковъ.

Такъ много еще въ санѣ митрополита новгородскаго сдѣ-

лалъ Никонъ въ пользу прекращенія безпорядочнаго чтенія въ церквахъ и для возстановленія стройнаго пѣнія. По вступленіи на патріаршій престолъ онъ съ большею ревностію продолжалъ довершать эти полезные труды свои для благочинія церковнаго богослуженія. По праву всероссійскаго патріарха, онъ, несмотря на мятежный ропотъ современниковъ, старался распространить и утвердить во всѣхъ россійскихъ церквахъ установленный имъ порядокъ чтенія и пѣнія. Для этой цѣли внушалъ епархіальнымъ архіереямъ ту же заботу, какою была объята его душа, чтобы они содѣйствовали его попеченіямъ, и убѣждалъ ихъ на этотъ трудъ именемъ преданія восточной Церкви. И отечественные пастыри, послушные первосвятителю, были вѣрными сотрудниками его въ св. дѣлѣ. Они строго преслѣдовали непослушаніе и упрямство, поддерживавшее въ церквахъ нестройное пѣніе и чтеніе, безпрестанно разсылали по своимъ епархіямъ грамоты о единогласномъ чтеніи и стройномъ пѣніи въ церквахъ. Кромѣ того, учреждали строгій надзоръ за исполненіемъ своихъ предписаній, угрожали ослушникамъ большими штрафами и жестокимъ наказаніемъ безъ всякой пощады.

Между тѣмъ самъ Никонъ принималъ мѣры, чтобы улучшить богослужебное пѣніе въ церквахъ московскихъ. Съ соизволенія государя, онъ выписывалъ знатоковъ греческаго напѣва изъ самой Греціи и вызывалъ лучшихъ знатоковъ кіевскаго напѣва и партеснаго пѣнія изъ Кіева и Новгорода. Въ ноябрѣ 1656 года пріѣхалъ въ Москву съ одобрительною грамотою отъ цареградскаго патріарха іеродіаконъ Мелетій для обученія греческому пѣнію московскихъ дьяковъ и подьяковъ. Въ томъ же году отправлено было посольство въ Кіевъ за однимъ изъ извѣстныхъ тамъ пѣвцовъ партеснаго пѣнія — Іосифомъ Зазвойскимъ, для управленія партеснымъ пѣніемъ въ Москвѣ. Въ октябрѣ того же года Никонъ писалъ новгородскому воеводѣ Голицыну — сыскать тамъ и выслать въ Москву регента изъ бѣлорусцевъ для

обученія москвичей кіевскому и партесному пѣнію. И заботы патріарха не остались безъ успѣха. Трудами его „пѣніе и знаніе“, скажемъ словами одного изъ его современниковъ, „распростреся отъ великаго Новаграда во всѣ грады и монастыри великороссійскія епархіи и во всѣ предѣлы ихъ“. Пастыри послѣдующихъ временъ восхищались напѣвами, которые были улучшены и введены въ церкви неутомимымъ стараніемъ Никона. „Кое есть погрѣшеніе, — говорилъ преемникъ его патріархъ Іоасафъ, обращаясь къ раскольникамъ, — яко или гречески, или болгарски, или малороссійски поется въ церкви? Вскую рцыте намъ противницы, неимамы любити ихъ сладкопѣнія? Еже ово сердце въ сокрушеніе приводитъ, ово умъ отъ уныніа на молитвѣ свобождаетъ, ово весело слышати церковнаго пѣнія увѣщаетъ. Воистину благая суть сія изводства, ибо и само есть благо“.

Но главнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ всей жизни и дѣятельности великаго патріарха было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ.

На Руси давно уже появилось, какъ въ богослуженіи, такъ и въ нѣкоторыхъ священныхъ обрядахъ, много разностей. Одни, напр., крестное знаменіе на себѣ во время молитвы изображали двумя перстами (указательнымъ и среднимъ); другіе — тремя перстами (большимъ, указательнымъ и среднимъ, которые соединялись вмѣстѣ). Въ однихъ монастыряхъ и церквахъ употреблялись для осѣненія народа кресты четырехконечные, въ другихъ — шестиконечные, осьмиконечные. Въ однихъ монастыряхъ пѣли „аллилуія“ дважды и затѣмъ прибавляли „слава Тебѣ, Боже“, а въ другихъ — трижды и потомъ „слава Тебѣ, Боже“. Въ однихъ совершали хожденіе (крестные ходы кругомъ храмовъ, великіе и малые выходы) по солнцу, а въ другихъ противъ солнца. Въ разныхъ церквахъ проскомидію совершали не на одинаковомъ числѣ просфоръ. Имя „Іисусъ“ писалось въ нѣкоторыхъ священныхъ книгахъ „Исусъ“. Осьмой членъ

символа вѣры въ нѣкоторыхъ книгахъ исправильно писался съ привнесеніемъ слова „истиннаго“: „и въ Духа Св. Господа истиннаго...“ Много было и другихъ разногласій, неправильностей, искаженій. Они произошли оттого, что до времени Ивана Грознаго у насъ книги не печатались, а писались. Переписчики дѣлали ошибки, а многіе изъ нихъ бывали настолько невѣжественны, что прямо не понимали нѣкоторыхъ выраженій, и сами замѣняли ихъ невѣрными и неточными словами, которыя давали рѣчи совсѣмъ другой смыслъ, несогласный съ истиннымъ ученіемъ Христовымъ. Когда введено было у насъ книгопечатаніе, эти ошибки и искаженія, по недостатку образованныхъ справщиковъ и печатниковъ, вошли и въ печатныя богослужебныя книги. По недостатку просвѣщенія, долго всего этого не замѣчали; но потомъ стали обращать вниманіе, и при патріархѣ Филаретѣ, а затѣмъ при Іосифѣ, предшественникѣ Никона, рѣшились приняться за исправленіе ошибокъ въ священныхъ богослужебныхъ книгахъ. При патріархѣ Іосифѣ справщиками, которымъ было поручено это дѣло, были: царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ, юрьевскій протопопъ Аввакумъ, муромскій Логгинъ, попы Лазарь, Никита, Даніилъ. Представлялось, что это были болѣе надежные люди для такого важнаго дѣла, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Но оказалось, что они были люди невѣжественные. Имъ недоставало самаго существеннаго требованія при этомъ дѣлѣ — знанія греческаго языка, потому что испорченныя русскія богослужебныя книги было необходимо провѣрить съ греческими рукописными и печатными, съ которыхъ онѣ было переведены, и съ древними славянскими, съ которыхъ онѣ были неправильно списаны. По незнанію греческаго языка и неимѣнію древнихъ славянскихъ книгъ, они исправляли книги по собственному мудрованію и вмѣсто исправленія только еще прибавляли ошибки. Особенная бѣда была въ томъ, что, полагаясь на

свою начитанность, справщики думали, что исполнили свое дѣло въ совершенствѣ, поэтому напечатали въ такомъ искаженномъ видѣ богослужебныя книги для всеобщаго употребленія въ большомъ количествѣ, и въ этихъ книгахъ свои мнѣнія о сугубой аллилуіи, о хожденіи по́солонь, о крестномъ знаменіи и многія другія возвели на степень неприкосновеннаго и неизмѣннаго ученія Церкви.

Но вотъ, въ 1649 году, пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ замѣтилъ, что въ московской Церкви есть разныя нововведенія, которыхъ нѣтъ въ греческой Церкви, и особенно сталъ порицать двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи. Царь Алексѣй Михайловичъ очень встревожился этими замѣчаніями и отправилъ троицкаго келаря Арсенія Суханова на Востокъ за свѣдѣніями. Но пока Арсеній странствовалъ на Востокѣ, Москву успѣли посѣтить другія греческія духовныя особы и также дѣлали замѣчанія о несходствѣ русскихъ церковныхъ обрядовъ съ греческими, а на Аѳонѣ монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати, какъ противныя православному чину богослуженія. Патріархъ Іосифъ былъ сильно озабоченъ своимъ положеніемъ и даже боялся, чтобы его не лишили сана за неосторожность въ избраніи справщиковъ книгъ. Съ этою безотрадною мыслію онъ и умеръ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ до вступленія Никона на патріаршество. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ прежде всего обратилъ на него особенное вниманіе, какъ на дѣло исключительной важности и не терпящее отлагательства.

Но при всемъ томъ, Никонъ началъ дѣло книжнаго исправленія съ осторожностью и благоразуміемъ. Около двухъ лѣтъ медлилъ онъ приступать къ этому трудному дѣлу, позволяя даже печатать книги въ прежнемъ, неисправленномъ видѣ. Сознавая всю важность и трудность исправленія книжнаго, онъ не хотѣлъ и не могъ принять на одного себя всю его отвѣтственность. Онъ призвалъ къ участію

въ столь важномъ церковномъ дѣлѣ и верховную власть государя, покровителя вѣры и Церкви, и соборную власть пастырей Церкви не только русской, но и греческой, отъ которой русская приняла вѣру и богослуженіе.

Приступивъ къ провѣркѣ напечатанныхъ іосифовскими справщиками богослужебныхъ книгъ, Никонъ скоро замѣтилъ, что онѣ испорчены. На это указывало сравненіе ихъ съ греческими и древними славянскими церковными книгами, на это же ранѣе указывали восточные патріархи и греческіе духовные, на это же обратилъ вниманіе Никона кіевскій ученый, старецъ Епифаній Славеницкій. Въ то же время онъ обратилъ вниманіе на вынизанный жемчугомъ на саккосѣ митрополита Фотія символъ вѣры и удивился несходству его съ напечатаннымъ въ новыхъ печатныхъ книгахъ. Тогда Никонъ прежде всего рѣшился собрать какъ можно болѣе древнѣйшихъ списковъ богослужебныхъ книгъ, и для этого послалъ на Востокъ троицкаго келаря Арсенія Суханова для пріобрѣтенія древнѣйшихъ греческихъ рукописей. Въ то же время патріархъ удалилъ прежнихъ невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ справщиковъ и на мѣсто ихъ поставилъ ученыхъ монаховъ андреевскаго и чудовскаго училищъ. Къ этому же дѣлу былъ приставленъ и одинъ ученый грекъ, монахъ Арсеній, обладавшій рѣдкимъ знаніемъ славянскаго и греческаго языковъ. Арсеній Сухановъ объѣздилъ Востокъ, былъ на Аѳонѣ, въ Константинополѣ, въ Іерусалимѣ, вездѣ наблюдалъ, какъ совершаются тамъ богослуженіе и церковные обряды. Въ Александріи онъ получилъ отъ патріарха Іоанникія разрѣшеніе на многіе вопросы, а въ Іерусалимѣ списалъ подробно весь чинъ богослуженія. Арсеній Сухановъ привезъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, гдѣ описываетъ все, что видѣлъ и слышалъ, какъ тамъ живетъ духовенство и какъ совершается богослуженіе. Между прочимъ о крестномъ знаменіи онъ писалъ, что оно совершается на Востокѣ тремя перстами. Сверхъ того, Арсеній привезъ съ собою отъ восточныхъ

патріарховъ и другихъ архіереевъ до 200 рукописей, да самъ, не жалѣя издержекъ, собралъ около пятисотъ древнихъ греческихъ рукописей (преимущественно изъ аѳонскихъ монастырей), изъ которыхъ иныя были писаны за 500, 600 и даже 700 лѣтъ до тогдашняго времени, а одно евангеліе — за 1050 лѣтъ.

Не довольствуясь этимъ, патріархъ Никонъ собралъ еще въ самой Россіи много древнихъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго языка за 800 лѣтъ. Съ ними вмѣстѣ были вытребованы описи древнѣйшимъ рукописямъ, хранившимся въ 39 монастыряхъ, въ особенности изъ Троицкаго Сергіева монастыря, Кирилло-Бѣлозерскаго и Волоколамскаго.

Когда, такимъ образомъ, столько было собрано древнѣйшихъ рукописей, сообразно съ которыми нужно было вести исправленіе богослужебныхъ книгъ, и онѣ отданы были на разсмотрѣніе ученыхъ справщиковъ, — Никонъ убѣдилъ царя созвать соборъ изъ русскихъ пастырей, чтобы съ ихъ согласія рѣшить дѣло исправленія книгъ. Въ 1654 году, во дворцѣ, состоялся въ присутствіи царя соборъ русскихъ іерарховъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Никонъ произнесъ рѣчь, въ которой ясно показалъ несогласіе бывшихъ тогда въ употребленіи церковно-богослужебныхъ книгъ и предложилъ на соборное рѣшеніе вопросъ: „новымъ ли печатнымъ служебникамъ слѣдовать или же руководствоваться древнимъ греческимъ и славянскимъ текстомъ?“ За исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ членовъ, соборъ отвѣчалъ утвердительно: „достойно и праведно исправлять сообразно старымъ харатейнымъ и греческимъ спискамъ“.

Такъ было начато дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Соборное опредѣленіе немедленно отправили въ Константинополь. Въ томъ же году собравшійся въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Паисія, соборъ греческихъ архіереевъ подтвердилъ рѣшеніе московскаго собора. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха Паисія. Паисій извѣщалъ, что онъ

созывалъ соборъ въ Константинополѣ, гдѣ и были составлены отвѣты на представленные Никономъ 26 вопросовъ, касавшихся разныхъ вопросовъ богослуженія. Паисій во всемъ одобрялъ Никона и затѣянное имъ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ путемъ сличенія съ древними греческими и славянскими книгами признавалъ необходимымъ. „Вижу,— писалъ между прочимъ Паисій, — въ грамотахъ преблаженства твоего, что ты жалѣешь о несогласіяхъ, возникшихъ по поводу нѣкоторыхъ церковныхъ чиновъ, и думаешь, что это различіе чиновъ растлѣваетъ вѣру нашу. Хвалимъ твою мысль: кто бережется малаго преступленія, тотъ соблюдается отъ великаго. Еретиковъ и раздорниковъ слѣдуетъ убѣгать, если они соглашаются въ самыхъ важныхъ предметахъ, но не вполнѣ согласны съ православіемъ и придерживаются чего-нибудь своего, чуждаго церковной и соборной мысли...“ Изложивши далѣе подробное объясненіе литургіи, константинопольскій патріархъ продолжалъ: „именемъ Іисуса Христа молимъ твое преблаженство, утоли эти распри твоимъ разумомъ; не подобаетъ ссориться рабамъ Господнимъ, а наипаче въ вещахъ неважныхъ и несущественныхъ; увѣщавай ихъ принять сей чинъ, который мы пишемъ тебѣ, котораго держится вся Восточная Церковь. Изначала у насъ, по преданію, онъ сохраняется; ни въ единой вещи не было измѣненія; за это намъ хвала, потому что прочія Церкви, отдѣлившись отъ насъ, приняли многія нововведенія, а мы — ничѣмъ не растлѣваемся“. Впрочемъ, онъ просилъ Никона быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждаются не въ существенныхъ догматахъ вѣры, а въ нѣкоторыхъ лишь предметахъ внѣшнихъ, чтобы черезъ это легче привлечь ихъ въ союзъ церковный; такихъ же, какъ епископъ коломенскій Павелъ и другіе ослушники московскаго собора 1654 г., совѣтовалъ отлучить, если они не примутъ нелицемѣрно все такъ, какъ держитъ Церковь.

Получивъ одобрительный отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха, Никонъ собралъ снова соборъ, на которомъ,

кромѣ русскихъ архіереевъ, присутствовали: антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій—Гавріилъ и митрополиты никейскій и молдавскій. На этомъ соборѣ, по прочтеніи грамоты константинопольскаго патріарха, положили держаться того, что рѣшено было на предшествовавшемъ московскомъ соборѣ и какъ велитъ константинопольскій патріархъ, т. е. исправлять богослужебныя книги согласно съ древними греческими и славянскими. При этомъ, въ примѣръ отступленій отъ православной древности въ новопечатныхъ при Іосифѣ книгахъ, патріархъ Никонъ представилъ ученіе о сугубой аллилуія и особенно двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія. Никонъ ранѣе и самъ крестился двумя перстами, въ бытность новгородскимъ митрополитомъ; но его упрекали за это бывшіе въ Москвѣ ранѣе патріархи константинопольскій Аѳанасій и іерусалимскій — Паисій, и въ справедливости этихъ упрековъ онъ впослѣдствіи убѣдился лично. Указавъ эти отступленія отъ православной древности, Никонъ предложилъ на соборное разсмотрѣніе вновь исправленный служебникъ. Соборъ разсматривалъ его внимательно и призналъ служебникъ исправленнымъ вѣрно и достойнымъ напечатанія. При этомъ патріархъ Макарій торжественно возвысилъ голосъ въ защиту троеперстія, какъ принятаго по преданію изначала вѣры отъ св. апостоловъ, св. отецъ и семи соборовъ. Соборъ и это принялъ. Не дали согласія только немногіе, въ томъ числѣ непокорный Павелъ, епископъ коломенскій.

Послѣ этого дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ пошло еще успѣшнѣе. Новоисправленные служебники были разосланы по епархіямъ. Кипучая дѣятельность началась между учеными справщиками; каждый годъ выходила или исправленная или вновь переведенная книга. Весьма важнымъ изданіемъ переводчиковъ была Скрижаль, которая объясняла богослуженіе и давала истинное направленіе внѣшнимъ подвигамъ благочестія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ Служебника и Скрижали, изданы были слѣдующія книги: Тріодь

постная, Сборникъ молитвъ и Часословъ, Ирмологъ, Требникъ и Слѣдованная псалтирь. Въ этихъ книгахъ были тщательно и добросовѣстно исправлены всѣ тѣ искаженія и ошибочныя мнѣнія, которыя были внесены въ прежнія книги и возведены въ нихъ на степень неприкосновеннаго и неизмѣннаго ученія Церкви. А чтобы предотвратить поводы къ появленію въ книгахъ новыхъ неисправностей, Никонъ подчинилъ типографію своему личному надзору и запретилъ приступать къ печатанію ново-исправленныхъ книгъ безъ особеннаго отъ него разрѣшенія.

Въ апрѣлѣ 1656 года святѣйшій патріархъ Никонъ созвалъ новый соборъ для разсмотрѣнія исправленныхъ книгъ. Соборъ одобрилъ представленныя ему книги и велѣлъ вводить ихъ по всѣмъ церквамъ вмѣсто старыхъ, наполненныхъ ошибками.

Ободренный этимъ рѣшеніемъ московскаго собора, Никонъ приказалъ новоисправленныя книги разослать по всѣмъ церквамъ, а прежнія велѣлъ тотчасъ же вездѣ отбирать.

Эти мѣры вызвали противодѣйствіе со стороны невѣжественнаго духовенства и народа. Противодѣйствіе доходило иногда до грубаго упорства, которое поддерживалось въ народѣ слѣпою приверженностью къ старинѣ. „Что старо — то свято“, такъ тогда разсуждалъ народъ. Этимъ воспользовались люди неблагонамѣренные, ненавидѣвшіе Никона. Употребляя во зло невѣжество народа, они называли книги Никона новыми, по времени ихъ явленія, и коварно скрывали ихъ совершенное сходство съ древними греческими и славянскими рукописями, отъ которыхъ, напротивъ, отступали такъ называемыя старыя книги предшествовавшихъ временъ. Этими первыми виновниками, возбудившими неудовольствіе новопечатными книгами, были извѣстные невѣжественные справщики іосифовскаго времени и личные враги Никона. Стефанъ Вонифатьевъ и Иванъ Нероновъ, какъ люди, имѣвшіе больше вѣса въ обществѣ, возстали противъ Никона открыто въ столицѣ; протопопы: муромскій Логгинъ,

юрьевскій Аввакумъ, костромской Даніилъ, попы Никита (Пустосвятъ) и Лазарь романовскій смущали народъ въ своихъ городахъ. Вездѣ открылись страшные мятежи, явились фанатичные, озлобленные отщепенцы отъ православной Церкви, мнимые ревнители старины. По своимъ ограниченнымъ понятіямъ о вѣрѣ, они подняли безумный вопль, что отъ исправленія книгъ поколебалась самая вѣра, что Никонъ съ своими справщиками не книги правитъ, а вѣру портитъ, что греки подъ турецкимъ владычествомъ измѣнили православной вѣрѣ. Въ своемъ ослѣпленіи они говорили, что наступили послѣднія времена, что духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ на погибель, началъ возмущать Церковь Христову, называли Никона антихристомъ и произносили хулы даже на святую Церковь русскую и греческую. Такія волненія почти сразу начались повсемѣстно; особенно сильны они были въ Новгородѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ почти всѣ иноки, во главѣ съ архимандритомъ Иліею, согласились скорѣе претерпѣть лютую смерть, чѣмъ принять новоисправленныя церковно-богослужебныя книги.

Противъ такого опаснаго волненія, охватившаго всю Россію, грознаго и для Церкви и для государства, были предприняты мѣры крутыя и рѣшительныя. Строгій и настойчивый Никонъ не могъ равнодушно относиться къ такимъ противникамъ и, по совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, началъ поступать съ ними рѣшительно: Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ, Нероновъ сосланъ въ Вологодскій монастырь, Аввакумъ, самый задорнѣйшій изъ расколоучителей, былъ сосланъ въ Сибирь, Логгинъ и Даніилъ были посажены въ тюрьму и по однимъ сказаніямъ тамъ умерли, а по другимъ, болѣе достовѣрнымъ, умерли въ ссылкѣ: первый въ Муромѣ отъ моровой язвы, второй въ Астрахани, отъ чего — неизвѣстно. Стефанъ Вонифатьевъ раскаялся и былъ прощенъ. Онъ ходатайствовалъ за Неронова, и тотъ также былъ прощенъ и постригся

въ монахи подъ именемъ Григорія. Были наказаны и нѣкоторые другіе мятежники и расколоучители.

Устроивая чинъ общественнаго богослуженія, оглашая храмы Божіи стройнымъ и умилительнымъ пѣніемъ, внятнымъ и благообразнымъ чтеніемъ и очищая богослужебныя книги отъ вкравшихся въ нихъ погрѣшностей, Никонъ въ то же время обращалъ пастырскую попечительность свою и на внѣшнее украшеніе храмовъ, чтобы сдѣлать ихъ достойнымъ мѣстомъ особеннаго благодатнаго присутствія Божія и совершенія спасительнаго таинства тѣла и крови Господа. Благочестіе нашихъ предковъ издревле любило величественно украшать храмы Божіи. Но никогда такъ богато и такъ великолѣпно не украшались въ нашемъ отечествѣ храмы Божіи, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ Никонъ въ высшей степени любилъ красоту внѣшняго благолѣпія церковнаго. Въ санѣ новгородскаго митрополита, онъ великолѣпно устроилъ и украсилъ св. Софію въ Новгородѣ и церковь св. Никиты, епископа новгородскаго, въ Москвѣ, при новгородскомъ подворьѣ. Золото, серебро и драгоцѣнные камни блистали на св. иконахъ, священныхъ сосудахъ и святительскихъ облаченіяхъ, которыми украшался Никонъ, подобно Аарону, по собственнымъ его словамъ. Та же ревность къ достойному украшенію св. храмовъ Божіихъ перешла съ нимъ и на патріаршій престолъ. Тогда въ Москвѣ величественно украсился первопрестольный храмъ; царь устроилъ въ немъ новый иконостасъ, въ которомъ деисусы, праздники, пророки, праотцы и мѣстныя иконы обложены чеканнымъ серебромъ съ позолотою. Никонъ самъ торжественно освятилъ его.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ, однакожъ, видѣлъ Никонъ, что искусство иконописанія въ нашемъ отечествѣ далеко не соотвѣтствовало достойному изображенію священныхъ лицъ и предметовъ. Наше иконописаніе, которое пользовалось нѣкогда уваженіемъ и въ иностранныхъ земляхъ, было въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству очевидца, жалкимъ и безоб-

разнымъ подражаніемъ греческой живописи. Не таковъ былъ Никонъ, чтобы равнодушно терпѣть это неустройство въ святилищѣ Божіемъ. Надобно было возбудить въ соотечественникахъ охоту, усердіе и любовь къ иконописанію и дать имъ всѣ средства къ правильному и успѣшному образованію своихъ художественныхъ дарованій. Для этой цѣли, въ счастливые годы первосвятительства Никона, лучшіе иконописцы изъ всѣхъ городовъ вызываемы были въ Москву для обновленія и украшенія московскихъ храмовъ. Розбужденное такимъ образомъ соревнованіе приносило свои плоды, полезные для успѣховъ художества. Многіе изъ иконописцевъ содержались при царскомъ и патріаршемъ дворахъ и получали богатое содержаніе. Наконецъ, Никонъ просилъ царя возвысить иконописцевъ на степень первыхъ художниковъ въ отечествѣ. Покровительствуя такимъ образомъ художникамъ, Никонъ самъ непосредственно наблюдалъ за произведеніями ихъ кисти, одобрялъ, что было въ нихъ хорошаго, и исправлялъ недостатки. Въ этомъ отношеніи онъ заботился не только о приличіи и красотѣ изображенія, но и о правильности самаго рисунка.

Съ начала XVII столѣтія особенно славились у насъ иконописаніемъ двѣ школы: Московская и Строгоновская. Многіе св. храмы величественно украсились произведеніями ихъ кисти. Различаясь между собою только нѣкоторыми частными чертами въ изображеніи священныхъ ликовъ, онѣ сохраняли вначалѣ общій стиль — византійскій. Но одна изъ нихъ скоро измѣнила нашъ древній православный типъ священныхъ изображеній. Въ половинѣ XVII вѣка Строгоновская школа уклонилась къ западному — фряжскому стилю иконописанія. И многіе изъ нашихъ бояръ стали покупать образа этой живописи и украшать ими свои домовые храмы. Въ то же время другіе изъ бояръ привезли съ собой изъ польскаго похода иконы латинскаго письма. Отъ наблюдательнаго взора Никона не укрылось это распространеніе въ его паствѣ неправославныхъ иконъ. Строгій поборникъ священной древности,

переданной намъ съ Востока вмѣстѣ съ вѣрою, Никонъ велѣлъ отобрать иконы новой живописи и велѣлъ стрѣльцамъ носить ихъ по улицамъ города съ такимъ объявленіемъ: „Кто впредь будетъ писать иконы не по старинѣ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію“. Затѣмъ эти иконы собраны были въ соборной церкви, и два патріарха, всероссійскій Никонъ и антіохійскій Макарій, бывшій тогда въ Москвѣ, торжественно произнесли отлученіе отъ Церкви на тѣхъ, кто впредь будетъ писать иконы въ духѣ новой школы „на манеръ франковъ и поляковъ“. Никонъ хотѣлъ потомъ сжечь эти иконы, но царь предложилъ зарыть ихъ въ землю. Это опять совершено было двумя патріархами. Наконецъ, окружной грамотой предписалъ отечественнымъ иконописцамъ слѣдовать въ изображеніи священныхъ лицъ и предметовъ древней византійской живописи и угрожалъ строгимъ наказаніемъ тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣлились бы впредь писать иконы не по древнему преданію Восточной Церкви.

Былъ обычай у нашихъ предковъ того времени приносить въ церковь свои домашнія иконы, ставить ихъ на отдѣльномъ какомъ-либо мѣстѣ, возжигать предъ ними, и только предъ ними, свѣчи, — тогда какъ мѣстныя иконы оставались какъ бы въ пренебреженіи, — имъ только молиться при богослуженіи, и даже называть ихъ „свояси боги“. Въ Свѣтлый праздникъ, равно какъ и въ другіе великіе праздники, прихожане, принесшіе эти иконы въ церковь, опять выносили ихъ изъ церкви домой и, подержавъ ихъ въ продолженіе праздничнаго времени, снова возвращали въ церковь. Никонъ запретилъ этотъ неблагочинный обычай и постановилъ, чтобы или совсѣмъ не приносили своихъ домашнихъ иконъ въ церковь для подобнаго чествованія, или, если кто принесетъ въ церковь икону, чтобы не считалъ уже ея своею, но отдалъ священнику для общаго христіанскаго ея чествованія.

Но, тогда какъ искусные иконописцы величественно расписывали священными изображеніями св. храмы, царь для

патріарха-друга не щадилъ своихъ сокровищъ, золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и тканей на украшеніе св. иконъ, священныхъ сосудовъ и облаченій церковныхъ. Никонъ въ то же время самъ умножалъ богатство и число великолѣпныхъ украшеній на собственные келейные доходы. Лучшія изъ древнихъ патріаршихъ облаченій, сохраняющихся въ московской ризницѣ, — богатѣйшія панагіи, саккосы и митры, принадлежатъ патріарху Никону. „Никонъ, — говоритъ митр. Платонъ, — былъ пышенъ по внѣшности даже до возбужденія зависти".

Особеннымъ великолѣпіемъ внѣшнихъ украшеній отличался Иверскій монастырь, предметъ особенныхъ попеченій Никона въ первые годы его патріаршества. Никонъ устроивалъ его такъ, чтобы онъ былъ „въ подивленіе всѣмъ зрящимъ". Наконецъ, не былъ забытъ Никономъ и скитъ Анзерскій — первое училище иноческихъ его подвиговъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы безмятежной жизни. Кромѣ ходатайства предъ царемъ о милостынѣ на благоустроеніе и содержаніе Анзера, Никонъ и самъ, посылая прежнему настоятелю своему, старцу Елеазару, „рыбку бѣложку", въ то же время пожаловалъ монастырю богатые оклады на св. иконы. Но вѣнцомъ пастырской мудрости Никона въ украшеніи св. Божіихъ храмовъ служитъ воздвигнутый имъ храмъ Воскресенія Христова въ новомъ Іерусалимѣ, возбуждавшій во всѣ времена удивленіе и соотечественниковъ и иностранцевъ.

Пастырскіе труды Никона по благоустройству церковнаго управленія.

Никонъ, благоговѣвшій къ памяти мудраго, искушеннаго въ многочисленныхъ опытахъ, патріарха Филарета Никитича, не хотѣлъ видѣть никакихъ перемѣнъ въ учрежденныхъ имъ, по духовному вѣдомству, приказахъ. Тѣмъ горестнѣе смотрѣлъ онъ на жалкую особенность, какая возникла въ церковномъ управленіи при кроткомъ, но слабомъ

его предшественникѣ патріархѣ Іосифѣ. Эта особенность касалась пространства и предѣловъ церковнаго суда. Древнее вселенское право Церкви имѣть свой судъ надъ священными лицами и посвященными Богу предметами было утверждено въ нашемъ отечествѣ законами еще первыхъ нашихъ великихъ князей и потомъ неоднократно подтверждалось послѣдующими великими князьями. Но въ XIV вѣкѣ стали являться у нашего духовенства такъ называемыя несудимыя грамоты, которыя освобождали церкви и монастыри, имѣвшіе эти грамоты, отъ суда епископскаго и поставляли въ зависимость отъ одного государя. Многіе изъ богатыхъ монастырей и церквей съ усиліемъ домогались этой чести. Причиной такого желанія духовныхъ избавиться отъ суда святительскаго было то, что судъ низшихъ епархіальныхъ чиновниковъ былъ иногда стѣснителенъ и тяжекъ. Поэтому-то случалось, что и тѣ церкви, которыя не хотѣли или не могли избавиться отъ суда святительскаго, просили у своихъ архіереевъ несудимой грамоты, чтобы завсегдатъ отъ нихъ самихъ непосредственно, а не отъ десятильниковъ и имъ подобныхъ чиновниковъ. Но тогда же многіе іерархи и вѣнценосцы сознавали несообразность съ церковными законами такого порядка дѣлъ, и Стоглавый соборъ подчинилъ все духовенство суду своихъ епископовъ. „Государевымъ дворецкимъ и дьякамъ“ дозволено было наблюдать только за монастырской экономіею и монастырской казною и вѣдать судомъ монастырскихъ крестьянъ. Въ такомъ именно видѣ учрежденъ былъ впослѣдствіи, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и монастырскій приказъ. Онъ завѣдывалъ не болѣе какъ „расправою мірскихъ обидныхъ дѣлъ, давалъ судъ на приказчиковъ и крестьянъ монастырскихъ“ и собиралъ съ монастырскихъ вотчинъ царскія подати. Но уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича подчинены суду монастырскаго приказа и всѣ духовныя лица, со всѣми принадлежащими имъ людьми, „во всякихъ истцовыхъ искѣхъ“. Засѣдали въ этомъ приказѣ окольничій и два дьяка. Такимъ образомъ управле-

ніе монастырскими имѣніями и самый судъ надъ духовными лицами перешли въ вѣдѣніе чиновниковъ гражданскихъ. Этого мало: чиновники, засѣдавшіе въ монастырскомъ приказѣ, пользуясь неопредѣленностію правилъ уложенія, установившихъ права и обязанности этого приказа, и опираясь на общія постановленія о судѣ, начали мало-по-малу переходить отъ разбора мірскихъ (истцовыхъ) дѣлъ въ церковныхъ вотчинахъ къ завѣдыванію въ нихъ духовными дѣлами, присвоили себѣ право избирать и поставлять священнослужителей и причетниковъ въ монастырскія села и начали распоряжаться по своему произволу опредѣленіемъ и отрѣшеніемъ отъ мѣста самихъ настоятелей монастырей. Кроткій, но слабый старецъ, патріархъ Іосифъ, не полагалъ никакихъ препятствій такому расширенію власти монастыркаго приказа.

Отъ дальновиднаго и проницательнаго ума Никона не укрылся этотъ безпорядокъ церковный, хотя онъ прикрывался именемъ государственнаго уложенія. Съ полнымъ уваженіемъ къ царю, Никонъ дерзновенно однакожъ возсталъ противъ монастырскаго приказа, какъ только посвященъ былъ на митрополію новгородскую. Отправляясь въ свою паству, Никонъ представилъ царю, что въ словѣ Божіемъ и въ канонахъ Церкви нѣтъ основанія для духовной власти монастырскаго приказа, хотя уложеніе и основывало свои постановленія, между прочимъ, на „правилахъ св. апостолъ, св. отецъ и на градскихъ законахъ благочестивыхъ греческихъ государей“. Благочестивый царь, котораго сердце было отверсто для всѣхъ внушеній закона евангельскаго, призналъ справедливымъ это представленіе Никона и далъ ему несудимую грамоту на митрополію новгородскую. Несмотря, однакожъ, на несудимую грамоту, полученную Никономъ отъ царя, воевода новгородскій дерзнулъ вмѣшаться въ церковныя дѣла. Никонъ, въ бытность свою въ Москвѣ, опять обратился къ царю съ горькою жалобою на вмѣшательство свѣтскихъ властей въ дѣла управленія церковнаго

Царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ воеводѣ не вмѣшиваться въ дѣла новгородской митрополіи. Съ тѣхъ поръ Никонъ уже спокойно управлялъ ввѣренною ему паствою. Но вотъ Никона избираютъ въ патріархи всероссійскіе. И что же онъ полагаетъ главнымъ и непремѣннымъ условіемъ *своего согласія на избраніе?* Въ первопрестольномъ храмѣ Москвы, въ присутствіи собора духовныхъ и гражданскихъ властей, царь проситъ Никона принять въ свои руки жезлъ св. Петра митрополита. Никонъ, не смущаясь, поставляетъ какъ бы торжественный завѣтъ между собою и будущею паствою своею въ томъ, что она будетъ покорна заповѣдямъ Христовымъ и правиламъ церковнымъ. Не называя по имени монастырскаго приказа, Никонъ уже самою покорностію правиламъ церковнымъ обязывалъ царя и бояръ если не совершенно закрыть этотъ приказъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничить права его или отнять у него средство къ злоупотребленію своими правами. Царь, искренно желавшій видѣть Никона на патріаршемъ престолѣ и находившій требованіе его совершенно справедливымъ, клятвою подтвердилъ свою покорность правиламъ Церкви. Бояре и народъ послѣдовали примѣру царя. Тогда только Никонъ принялъ въ свои руки жезлъ св. Петра митрополита и твердо держалъ его въ продолженіе всѣхъ дней своего славнаго служенія Церкви и отечеству въ санѣ первосвятителя русской Церкви. Правда, монастырскій приказъ при немъ закрытъ не былъ, но онъ приведенъ былъ въ такіе предѣлы, какіе первоначально назначила ему мудрость патріарха Филарета Никитича и царя Михаила Ѳеодоровича. Патріархъ самъ сталъ теперь управлять церковными *имѣніями и принадлежащими* къ нимъ церковными лицами. Монастырскому приказу предоставлено было право разбирать только гражданскія дѣла между крестьянами въ монастырскихъ вотчинахъ. И такой порядокъ управленія наблюдалъ, охранялъ и поддерживалъ Никонъ во всѣ счастливые годы своего патріаршества.

Въ связи съ пастырскими трудами Никона въ защиту

правъ и преимуществъ церковнаго суда, была у него забота о сохраненіи и увеличеніи церковныхъ имѣній. Ни одинъ изъ отечественныхъ архипастырей никогда не обладалъ такими огромными вотчинами, какъ Никонъ. Много земель и деревень имѣлъ при себѣ новгородскій архіерейскій домъ; но при Никонѣ богатства его увеличились еще болѣе. Много вотчинъ имѣлъ и московскій патріаршій домъ; но при Никонѣ число ихъ весьма значительно умножилось. Наконецъ, Никонъ построилъ три монастыря. Царь пожаловалъ имъ богатѣйшія вотчины. Никонъ прибавилъ къ нимъ много своихъ, купленныхъ на келейныя и казенныя монастырскія деньги. Скажемъ болѣе: заботливость Никона о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ не ограничивалась только предѣлами собственной его епархіи. Онъ охранялъ, защищалъ и утверждалъ права и другихъ архипастырей и подвѣдомыхъ имъ монастырей на владѣніе церковными помѣстьями и на пріобрѣтеніе новыхъ — покупкою ихъ или вкладомъ отъ усердія благотворителей. Стóитъ особеннаго замѣчанія что во всѣ годы славнаго служенія Никона Церкви (1652—1658 г.) не видно ни одной царской грамоты, которая бы ограничивала права церквей на пріобрѣтеніе вотчинъ. Никонъ имѣлъ столько мудрости, что въ его правленіе Церковію, по его же внушенію, видѣли въ достояніи Церкви—достояніе Божіе, и потому не только считали церковныя вотчины неприкосновенными, но и не полагали преградъ къ ихъ умноженію. Тѣмъ не менѣе Никонъ охотно и щедро жертвовалъ богатствами монастырей и церквей для государственной пользы. Во время войны царя съ Польшею и Литвою Никонъ самъ разсылалъ грамоты въ богатѣйшіе монастыри съ предписаніемъ отправлять къ царю въ военное поле людей, лошадей, хлѣбъ и военные снаряды, которыми богаты были нѣкоторые изъ тогдашнихъ монастырей. Антіохійскій патріархъ Макарій, бывшій въ 1655 году въ Москвѣ, спросилъ однажды Никона: „Сколько войска отправилось съ царемъ въ походъ противъ поляковъ?“ — „До трехсотъ тысячъ человѣкъ, —

отвѣчалъ Никонъ и прибавилъ: — я самъ выставилъ десять тысячъ воиновъ, и такое же число получено отъ монастырей, смотря по богатству и доходамъ каждаго изъ нихъ". Объ одномъ только заботился Никонъ: „да не мірская власть извѣтомъ нѣкіимъ влѣзетъ въ ня" (церковныя имѣнія).

При патріархѣ Іосифѣ въ первый разъ напечатано было собраніе церковныхъ правилъ, подъ названіемъ Кормчей книги. Но въ это время издатели церковныхъ книгъ вносили въ нихъ свои заблужденія, искажали во многихъ мѣстахъ смыслъ въ пользу своихъ предразсудковъ и помѣщали статьи подложныя. Такой же участи подверглась и Кормчая книга. Никонъ, вступивъ на патріаршій престолъ, разсмотрѣлъ ее и нашелъ въ ней, кромѣ множества самыхъ грубыхъ типографскихъ ошибокъ, нелѣпое смѣшеніе понятій, превращеніе смысла, пропуски, лишнія вставки, многія главы совершенно неизвѣстнаго происхожденія, а сверхъ всего этого—нѣсколько маѣній прямо раскольническихъ. Въ такомъ видѣ издатели успѣли уже выпустить нѣсколько сотъ экземпляровъ. Но Никонъ остановилъ выходъ прочихъ экземпляровъ, подвергъ Кормчую разсмотрѣнію соборному и, по указанію собора, сдѣлалъ въ ней исправленія. При этомъ снесено было нѣсколько старыхъ списковъ церковныхъ правилъ, и все изданіе повѣрено по списку древней греческой Кормчей патріарха Паисія іерусалимскаго, который былъ въ то время въ Москвѣ. Соображаясь съ потребностями своего времени и съ значеніемъ самой Кормчей книги, Никонъ исключилъ изъ нея статьи, которыя признавалъ несовременными или излишними, и включилъ на мѣсто ихъ то, что находилъ или особенно приличнымъ для самой книги или полезнымъ для церковнаго управленія въ его времена. Такъ, онъ исключилъ предисловіе, которое было помѣщено въ Кормчей патріарха Іосифа, и включилъ *сказаніе о патріаршемъ поставленіи* и, кромѣ того, статью *о римскомъ отпаденіи*, *грамоту императора Константина къ папѣ Сильвестру* и еще *послѣсловіе*, которое объясняетъ значеніе

Кормчей книги и излагаетъ исторію ея исправленія. Никонъ считалъ уложеніе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ Россіи краеугольнымъ камнемъ въ основаніи самостоятельнаго іерархическаго управленія отечественной Церкви. Поэтому ему весьма естественно было притти къ мысли — помѣстить это уложеніе въ Кормчую книгу. Суевѣры негодовали на него за сближеніе съ греческою Церковію; но Никонъ находилъ для себя сильное оправданіе въ уложеніи о патріаршествѣ въ Россіи, гдѣ выставляется на видъ нашимъ патріархамъ сохранять единство съ греческою Церковію не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ Церкви. Всѣ эти причины вмѣстѣ расположили мудраго патріарха исключить изъ Кормчей излишнее предисловіе и на его мѣсто поставить опредѣленіе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ Россіи,—поставить то, что должно было составлять во всѣ послѣдующія времена отечественной Церкви основаніе и начало церковнаго управленія. По такимъ же требованіямъ своего времени, Никонъ внесъ въ Кормчую книгу грамоту, данную императоромъ Константиномъ Великимъ римскому папѣ Сильвестру. Она необходима была для постоянной цѣли Никона—возвысить православную Церковь. На основаніи этой грамоты Никонъ получилъ отъ царя тѣ великія права и преимущества, какими владѣлъ въ счастливые годы своего патріаршества. Конечно, первою виною всѣхъ этихъ преимуществъ была дружеская любовь царя къ Никону; но юридическимъ основаніемъ ихъ служила именно эта самая грамота. Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ ревновалъ Константину Великому въ усердіи къ Церкви Божіей. Не одно предположеніе высказываемъ въ этомъ случаѣ, но истину, засвидѣтельствованную врагами Никона и подтвержденную имъ самимъ. Враги Никона прямо говорятъ, что „государь-царь на письмѣ подалъ многія привилегіи Никону такожде, якоже Константинъ Великій, вельми почитаючи папу римскаго Сильвестра, вручилъ ему, папѣ, многія привилегіи“. Никонъ, отвѣчая на эти слова

враговъ своихъ, не только не отвергаетъ подлинности самой грамоты, на которую ссылаются враги его, но и доказываетъ, что государь далъ ему правъ менѣе, чѣмъ сколько дано было Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру. Такимъ образомъ самъ Никонъ признаетъ, что грамота Константина Великаго служила основаніемъ той обширной церковно-гражданской власти, которою пользовался онъ къ славѣ Церкви и ея служителей. Наконецъ, Никонъ внесъ еще въ Кормчую книгу статью о римскомъ отпаденіи. Нельзя не предположить съ достовѣрностію, что и эта статья направлена была Никономъ противъ духа его времени. Во времена Никона обнаруживалось въ нашихъ предкахъ стремленіе къ сближенію съ латинами. Надобно же было показать сынамъ православной Церкви неправду Церкви римской и правду въ отношеніи къ ней Церкви каѳолической восточной и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ заблужденій чуждой Церкви. Итакъ труды патріарха Никона по законодательству церковному свидѣтельствуютъ о его пастырской ревности и мудрости.

Ограждая такимъ образомъ права и преимущества отечественной Церкви отъ вмѣшательства въ нихъ постороннихъ людей, Никонъ хотѣлъ видѣть въ подчиненномъ ему духовенствѣ достойныхъ служителей святой Церкви и алтаря Господня. Поэтому, возвышая внѣшнее состояніе духовенства и значеніе его въ обществѣ, Никонъ въ то же время употреблялъ строгія мѣры, чтобы возвысить и нравственное состояніе лицъ освященныхъ.

Понимая свѣтлымъ и обширнымъ умомъ своимъ, что уваженіе народа къ вѣрѣ и Церкви весьма тѣсно связано съ уваженіемъ къ служителямъ вѣры и Церкви, Никонъ имѣлъ особенное попеченіе о томъ, чтобы представить въ духовенствѣ образецъ благочестія для народа и тѣмъ возбудить въ паствѣ искреннее уваженіе къ своимъ пастырямъ. Внимательное избраніе людей на церковныя степени и строгій надзоръ надъ избранными и посвященными, —

вотъ средства, какія употреблялъ онъ къ достиженію этой цѣли.

Въ тѣ малопросвѣщенныя времена отечества нашего, когда еще боялись ученія и училищъ, были нерѣдко поставляемы на служеніе Церкви люди грубые, безъ правилъ жизни, безъ знанія обязанностей священнаго сана, безъ свѣдѣній, нерѣдко и въ главныхъ истинахъ вѣры и благочестія христіанскаго. Такому нравственному и умственному состоянію священнослужителей соотвѣтствовала и самая внѣшняя ихъ жизнь. Но Никонъ, самъ съ низшихъ степеней церковнаго служенія возвысившійся до патріаршаго престола и вездѣ показавшій въ себѣ образецъ исправности, могъ ли равнодушно взирать на неисправныхъ служителей Церкви Божіей? Онъ старался пресѣчь въ самомъ корнѣ недостатки современныхъ ему пастырей. И прежде него чувствовали потребность исправленія духовнаго чина. Но всѣ средства, какія употреблялись для этой цѣли, относились не къ первому источнику зла, а только къ послѣдствіямъ, отъ него происходящимъ, и потому, останавливая на болѣе или менѣе продолжительное время тѣ или другіе безпорядки, не уничтожали ихъ совершенно въ самомъ зародышѣ. Никонъ восполнилъ то, чего недоставало въ распоряженіяхъ его предшественниковъ. Хорошо зная, что внѣшнее поведеніе человѣка зависитъ отъ внутренняго настроенія его души, Никонъ предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ посвящать на священныя степени только людей „учительныхъ“ и строго воспрещалъ принимать кого бы то ни было въ причтъ церковный безъ предварительнаго испытанія образа его мыслей, знанія имъ вѣры и правилъ Церкви и безъ свидѣтельства отца духовнаго о благочестивой его жизни. Никонъ хотѣлъ, чтобы пастыри стояли всегда выше своихъ пасомыхъ по уму, образованному и воспитанному чтеніемъ слова Божія, и по жизни, оправдывающей въ себѣ чистоту вѣры, твердость надежды и теплоту любви въ сердцѣ пастыря. А чтобы всегда имѣть людей достойныхъ такого избранія,

патріархъ вмѣнялъ епархіальнымъ архіереямъ въ непремѣнную обязанность, какъ мы уже видѣли, заводить училища. Самъ, между тѣмъ, подавалъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ прочемъ, примѣръ прочимъ архипастырямъ. Онъ никого не рукополагалъ ни на одну церковную степень безъ личнаго испытанія его и безъ свидѣтельства посторонних достовѣрныхъ людей о благочестивой его жизни. Такъ же поступать предписывалъ онъ и своимъ намѣстникамъ, при назначеніи ими людей на церковныя должности. Такимъ избраніемъ естественно предотвращалось опредѣленіе на священныя мѣста людей недостойныхъ столь высокаго служенія. Но наблюдая за внимательнымъ избраніемъ священнослужителей Церкви, Никонъ неослабно смотрѣлъ и за вѣрнымъ прохожденіемъ ими своего служенія. Для этой цѣли онъ начертывалъ духовные уставы. Тѣхъ. которые оказывались неисправными и даже дѣлались поводомъ къ соблазну своей паствы, Никонъ предписывалъ епископамъ и своимъ намѣстникамъ удалять отъ служенія Церкви и поставлять на мѣсто ихъ достойнѣйшихъ. Въ случаѣ, если бы кто изъ клира не захотѣлъ слушаться поставленной надъ нимъ церковной власти, Никонъ позволялъ своимъ намѣстникамъ и епископамъ просить помощи отъ гражданской власти и дѣйствовать на непокорныхъ страхомъ стрѣльцовъ и пушкарей Между тѣмъ самъ онъ былъ неумолимо строгъ къ священнослужителямъ, преступно нарушавшимъ правила Церкви. Призванные къ личному его суду, они подвергались жестокому истязанію по законамъ, иногда заключенію въ темницу, тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь или въ отдаленный монастырь на заточеніе. „Никонъ тотчасъ по возвышеніи своемъ, — говоритъ одинъ очевидецъ,— употребилъ въ дѣло полновластіе, которое исходатайствовалъ себѣ у царя. Всѣ испугались его. Отъ него въ страхѣ — главы духовенства, архимандриты, священники, даже люди. которые пользуются властію и находятся въ царской службѣ. Никакое заступленіе не имѣетъ надъ ними дѣйствія. Виновнаго въ невоз-

держности, пьянствѣ, буйствѣ онъ тотчасъ наказываетъ ссылкою. У него есть своя стража, которая беретъ священниковъ и монаховъ, замѣченныхъ въ такихъ проступкахъ. Мы видѣли тюрьмы, наполненныя этими несчастными, которыхъ обременяютъ тяжелыми цѣпями и деревянными колодками на шеѣ и на ногахъ". Впрочемъ, строгій къ упорнымъ и безстрашнымъ нарушителямъ законовъ, Никонъ съ кротостію любвеобильнаго отца принималъ возвращающихся отъ заблужденія къ раскаянію въ своихъ проступкахъ. Онъ забывалъ въ этомъ случаѣ и тѣ оскорбленія, какія наносили ему виновные грубыми укоризнами въ прежнемъ строгомъ обращеніи съ ними. „По грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я; простите, Господа ради!" — отвѣчалъ имъ Никонъ на всѣ укоризны. Возвращая Церкви раскаявшагося Ивана Неронова, Никонъ плакалъ.

Но не одно духовенство составляло предметъ пастырской заботливости Никона. „Патріархъ, — говорилъ Никонъ, — есть живъ и одушевленъ образъ Христа, дѣлы и словесы живописуя въ себѣ истину. Первѣе убо (онъ долженъ) ихже отъ Бога пріятъ, во благочестіи и чистотѣ житіе сохранити". Какъ понималъ Никонъ служеніе первосвятителя, такъ и самымъ дѣломъ проходилъ его. По долгу верховнаго пастыря, онъ зорко наблюдалъ за духовнымъ состояніемъ всѣхъ своихъ пасомыхъ и, по мѣрѣ пріемлемости ихъ, неослабно внушалъ имъ и словомъ и примѣромъ своей жизни понятіе о жизни христіанской, богоугодной. Но большая часть людей того времени требовала, по духовному своему состоянію, млека, а не брашна. Поэтому, съ пастырскимъ благоразуміемъ снисходя къ дѣтской немощи своихъ пасомыхъ и желая возводить ихъ отъ видимаго къ невидимому, Никонъ, поучая ихъ вѣрѣ и христіанскимъ добродѣтелямъ, требовалъ отъ нихъ по крайней мѣрѣ непремѣннаго исполненія обрядовъ Церкви и всѣхъ ея постановленій, опредѣляющихъ внѣшнее благоповеденіе христіанина. Примѣромъ благоговѣйнаго сохраненія христіанскихъ правилъ жизни

всегда служилъ для паствы Никона собственный домъ его. Самъ строго соблюдая всѣ уставы Церкви, Никонъ и окружалъ себя людьми, подобными ему по ревности къ благочестію, и ихъ-то употреблялъ въ орудіе для надзора за благоповеденіемъ своихъ пасомыхъ. Но, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ нашего отечества не было тогда должнаго повиновенія уставамъ церковнымъ. Своеволіе недавно тогда минувшихъ лѣтъ — временъ самозванства, заразившее собою всѣ стороны жизни — общественной, гражданской и церковной, также близкое и легковѣрное знакомство съ иновѣрными народами, особенно во время войнъ съ Польшей, наконецъ, постоянное пребываніе въ Россіи множества иностранцевъ, — внесло и въ нашу отечественную Церковь, издревле твердую въ православіи и заботливую о благочиніи церковномъ, различные безпорядки въ дѣлахъ благочинія церковнаго. Во многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ того времени не было уже такого усердія къ храмамъ и богослуженію, какимъ всегда отличались древніе наши предки. Св. посты, которые такъ строго были хранимы въ прежнія времена, теперь свободно нарушались. Священнѣйшій долгъ христіанина — исповѣдь и пріобщеніе св. Христовыхъ таинъ — во многихъ мѣстахъ былъ неисполняемъ; даже умирали безъ покаянія въ грѣхахъ. Не говоримъ уже о томъ равнодушіи, съ какимъ взирали на св. тайны, когда ихъ несъ служитель алтаря въ домъ того или другого больного. Житейскія занятія во дни воскресные и праздничные теперь открыто совершались, тогда какъ прежде считались за тяжкій грѣхъ. Не было должнаго благочинія и въ самыхъ храмахъ при богослуженіи: здѣсь не молились, а смѣялись, переходили съ мѣста на мѣсто, озирались и бесѣдовали о суетныхъ предметахъ. Пастырскія грамоты того времени исполнены жалобами на это несоблюденіе христіанскихъ правилъ жизни. Не было строгой христіанской жизни и въ самыхъ обителяхъ. Такъ была велика нравственная болѣзнь того вѣка! Но могъ ли на все это равнодушно смотрѣть Никонъ,

строгій блюститель порядка во всѣхъ его видахъ и особенно ревностнѣйшій поборникъ правилъ вѣры и благочинія церковнаго? Онъ всею силою власти своей возсталъ противъ безстрашныхъ нарушителей порядка въ храмѣ Божіемъ и острымъ словомъ своимъ, не разбирая сана и званія лицъ, обличалъ, не смущаясь, въ церкви при народѣ. Ревность его о домѣ Божіемъ доводила его иногда и до того, что онъ считалъ себя въ правѣ, какъ самъ говорилъ, подражать, при видѣ неблагочинія церковнаго, Самому Іисусу Христу, изгнавшему торжниковъ изъ храма бичомъ изъ вервія. Преслѣдуя безчинія въ храмахъ, Никонъ устремлялъ внимательный взоръ свой и въ домы своихъ пасомыхъ, и отсюда удалялъ предметы, несообразные, по мнѣнію, съ духомъ православной Церкви. Боярамъ, бывшимъ въ польскомъ походѣ, весьма понравились въ римскихъ костелахъ органы. Они завели ихъ у себя въ домахъ. Никонъ немедленно приказалъ отобрать у нихъ органы. Потомъ, когда собралась царская дума, и явились сюда, между прочимъ, и тѣ, у кого найдены были и отобраны органы, Никонъ предъ лицомъ царя и всего собранія громко обличалъ ихъ, называя каждаго по имени. Не говоримъ уже о томъ, какъ строго наблюдалъ Никонъ за соблюденіемъ постовъ и прочихъ уставовъ церковныхъ. Грамоты его объ этомъ предметѣ неоднократно призывали всѣхъ христіанъ къ храненію постановленій православной Церкви и обязывали духовныхъ пастырей внимательнѣе смотрѣть за христіанскою жизнію своихъ пасомыхъ. За людьми, близкими къ себѣ, Никонъ, не разбирая гражданскаго значенія ихъ, строго наблюдалъ самъ. Упорные говорили ему: „силой говѣть не заставишь“. Но и нехотя упорные говѣли, пока Никонъ имѣлъ силу. Такъ дѣйствовалъ Никонъ въ защиту, охраненіе и утвержденіе въ жизни христіанъ постановленій православной Церкви.

Особенное вниманіе обратилъ Никонъ на истребленіе умножившихся въ отечествѣ татей и разбойниковъ. Въ

1655 году, когда государь находился на ратномъ полѣ, а внутри Россіи свирѣпствовала моровая язва, воры и разбойники находили просторъ для своихъ преступленій и не знали имъ мѣры. Никонъ издалъ противъ нихъ сперва милостивое опредѣленіе: приказалъ воеводамъ созвать всѣхъ преступниковъ въ города на площади, обнадеживъ ихъ совершенною безопасностію, и, когда они соберутся, предложить имъ раскаяться въ своихъ винахъ предъ Богомъ и государемъ — съ тѣмъ, что послѣ этого раскаянія, они получатъ прощеніе безъ всякаго наказанія. Но этотъ указъ Никона не имѣлъ успѣха. Итакъ, желая образумить упорныхъ, Никонъ запретилъ священникамъ исповѣдывать и причащать ихъ, когда они будутъ пойманы, уличены и приговорены къ смертной казни. Никонъ надѣялся, что страхъ отойти въ загробную жизнь безъ напутствія тѣломъ и кровію Христовою и даже безъ исповѣданія грѣховъ предъ духовнымъ отцомъ вразумитъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ заблудившихся отъ пути спасенія. Но мы увидимъ, какъ строго былъ онъ самъ наказанъ судомъ восточныхъ патріарховъ за такое постановленіе о разбойникахъ.

Искореняя нравственное зло въ своей паствѣ строгими постановленіями противъ него, Никонъ въ то же время старался насаждать и возвышать въ Церкви христіанское благочестіе. Лучшимъ средствомъ для него къ развитію и утвержденію въ отечественной Церкви истинно христіанскаго благочестія служила его благотворительность, частная и общественная. „*О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*“ (Іоан. 13, 35), сказалъ Спаситель ученикамъ Своимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ. Никонъ старался развить и распространить эту высокую христіанскую добродѣтель во ввѣренномъ его попеченію народѣ примѣромъ собственной благотворительности. И въ этомъ отношеніи, онъ является величайшимъ первосвятителемъ нашей Церкви. Дѣла благотворительности съ древнихъ временъ въ нашей Церкви на-

ходились въ распоряженіи церковныхъ властей. Но никто никогда не оказывалъ столько благотвореній, частныхъ и общественныхъ, бѣднымъ и сиротамъ, какъ патріархъ Никонъ. Еще въ санѣ новгородскаго митрополита онъ былъ истиннымъ отцомъ своей паствы. Никогда онъ не выходилъ изъ дому, не взявъ съ собою достаточнаго числа монетъ для раздачи бѣднымъ и нищимъ, съ которыми могъ встрѣтиться на дорогѣ. Кошелекъ его былъ отверстъ для нуждающихся. Такъ онъ дѣлалъ каждый разъ, когда показывался гдѣ бы то ни было народу и особенно, когда въ день недѣльный или праздничный шелъ въ храмъ Божій возносить „милость мира, жертву хваленія“. Нерѣдко изъ храма направлялъ онъ путь свой къ домамъ убогихъ и къ темницамъ, и вездѣ слово утѣшенія и милостыня ожидали и встрѣчали тогда печальныхъ. Но и двери архипастырскаго дома его не были закрыты для меньшихъ его братій о Христѣ. Во время чрезвычайной дороговизны хлѣба въ Новгородѣ отъ неурожая, когда граждане, томившіеся голодомъ, безпрестанно стекались къ нему толпами для испрошенія помощи, архипастырь, не щадя ни хлѣба ни денегъ, учредилъ въ своемъ домѣ постоянную раздачу милостыни, по воскресеньямъ деньгами, а ежедневно—хлѣбомъ. „Въ каждый день воскресный собирались къ Никону убогіе старцы и старицы, сирые отроки и младенцы и всѣ безпріютные и безпомощные“. Душа Никона радовалась при видѣ утѣшенныхъ печальныхъ, и вмѣстѣ смущалась мыслію о бѣдности человѣческаго рода. „Старымъ давалъ онъ по двѣ деньги, средовѣчнымъ по одной, малымъ и младенцамъ по полуденьгѣ“. Утромъ каждаго дня въ его же домѣ происходила раздача хлѣба: всякій бѣднякъ получалъ на день изъ рукъ митрополита укрухъ хлѣба, достаточный для дневного пропитанія. Между тѣмъ голодъ объялъ и многія другія мѣста его паствы, кромѣ Новгорода. Настала вездѣ чрезвычайная скудость и дороговизна хлѣба. Слава благотворительности митрополита собрала къ нему многочисленныя толпы на-

рода со всѣхъ концовъ обширной его паствы. Ожиданія пришельцевъ, томимыхъ голодомъ, исполнились. Никонъ приказалъ отдѣлить въ своемъ домѣ особенную обширную комнату и питать въ ней всѣхъ, кто придетъ искать убѣжища отъ истомленія голодомъ. Болѣе 100 человѣкъ, а иногда болѣе 300, питались здѣсь каждый день отъ щедротъ митрополита, благодаря Бога, даровавшаго имъ столь милостиваго архипастыря. Въ 1651 году Никонъ, по волѣ государя, отправлялся изъ Новгорода въ Москву. Путь свой ознаменовалъ онъ благотвореніями. Проживая въ Москвѣ, онъ благодѣтельствовалъ нищимъ щедрою рукою: кромѣ того, что подавалъ имъ милостыню „врозь“ деньгами, онъ нерѣдко въ праздничные дни покупалъ у продавцовъ хлѣбы, калачи и платье и отправлялъ въ богадѣльни и тюрьмы.

И на высотѣ патріаршаго всероссійскаго престола, среди ревностнаго исполненія всѣхъ видовъ многосложнаго своего долга, Никонъ находилъ довольно времени, чтобы позаботиться объ утѣшеніи несчастныхъ страдальцевъ бѣдности, безпомощной старости и сиротства. Никонъ и въ санѣ патріарха не измѣнилъ своего благого нрава. Расходныя книги патріаршаго приказа несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что никто изъ патріарховъ не расходовалъ столько на милостыню нищимъ и никто не дѣлалъ столько пособія нуждающимся, какъ патріархъ Никонъ. При каждомъ выходѣ своемъ на служеніе онъ подавалъ нищимъ изъ своихъ рукъ деньги. Изъ церкви нерѣдко, какъ и въ Новгородѣ, направлялъ путь свой къ тюремнымъ узникамъ въ Черной палатѣ, на Варварскомъ крестцѣ, въ Разбойномъ и другихъ приказахъ. Въ праздничные дни онъ допускалъ и пѣвцовъ Лазаря въ свою столовую палату за трапезу, и самъ раздѣлялъ съ ними пищу.

Никонъ не позволялъ и другимъ дѣлать какія бы то ни было притѣсненія и обиды людямъ бѣднымъ. Самою искреннею, сердечною любовію къ беззащитнымъ бѣднякамъ проникнуты грамоты Никона, въ которыхъ онъ дѣлаетъ подчинен-

нымъ себѣ властямъ вразумленія касательно обхожденія съ крестьянами. „Я слышалъ, — пишетъ онъ, напримѣръ, архимандриту Иверскаго монастыря Іакову, — что де скорбятъ крестьяне и плотники: могорпа мало даешь; и тебѣ бъ отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ и даромъ бы не много нудить. Бога ради, будь милостивъ ко братіи и ко крестьяномъ и ко всѣмъ, живущимъ въ обители той". Неоднократно, кромѣ того, Никонъ давалъ своимъ крестьянамъ разныя льготы, по случаю неурожаевъ, наводненій и другихъ бѣдственныхъ случаевъ. Онъ былъ попечительный отецъ своей области.

Но для Никона не довольно было одной частной благотворительности. Онъ хотѣлъ, чтобы престарѣлые и увѣчные имѣли постоянный кровъ и призрѣніе. Для этой цѣли онъ, когда еще былъ митрополитомъ, испросилъ у государя позволенія построить въ Новгородѣ богадѣльни для безпріютныхъ старцевъ и увѣчныхъ. Добрый и мудрый царь, сочувствовавшій всѣмъ пастырскимъ предначертаніямъ своего друга Никона, къ славѣ Божіей и пользѣ государства, одобрилъ и подтвердилъ его намѣреніе касательно устройства богадѣленъ. Пользуясь такимъ позволеніемъ, Никонъ устроилъ въ Новгородѣ четыре богадѣльни въ различныхъ концахъ города, испросилъ для нихъ у государя опредѣленный окладъ денегъ и хлѣба для содержанія и принялъ ихъ подъ свое особенное покровительство. Успокоенные въ нихъ старцы, убогіе и сироты весьма часто видѣли среди себя своего благодѣтеля и покровителя съ архипастырскимъ благословеніемъ мира и любви, словомъ утѣшенія и богатою милостынею. Никонъ проводилъ здѣсь по нѣскольку часовъ въ утѣшительныхъ и назидательныхъ бесѣдахъ.

Когда Господу угодно было воззвать его на московскій первосвятительскій престолъ, онъ и здѣсь не только благотворилъ въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ и не только поддерживалъ богоугодныя заведенія своихъ предшественниковъ, но и строилъ новыя нищепитательницы, и

самъ надзиралъ за призрѣніемъ въ нихъ нищихъ и увѣчныхъ. Съ давнихъ временъ при патріаршемъ домѣ въ большіе праздники и дни поминовенія государей и святителей, патріархи обыкновенно раздавали значительную милостыню нищимъ, а въ день каѳедральнаго праздника Успенія Богоматери питали при своемъ домѣ до 2,500 бѣдныхъ людей всякаго званія. При патріаршей каѳедральной церкви содержалось 12 нищихъ, называемыхъ богородицкими, которые получали каждый день по 25 копеекъ. На иждивеніи патріаршаго казеннаго приказа содержались богадѣльни, состоявшія въ разныхъ частяхъ города, и назывались домовыми, келейными богадѣльнями патріарха. Никонъ въ первый же годъ вступленія своего на первосвятительскій престолъ умножилъ число ихъ построеніемъ на собственное иждивеніе двухъ новыхъ богадѣленъ. Время открыло ему нужду и способы къ сооруженію еще новыхъ богадѣленъ, и Никонъ построилъ ихъ много.

Распространяя въ паствѣ своей любовь къ ближнимъ примѣромъ собственной благотворительности, частной и общественной, Никонъ въ то же время утверждалъ въ ней любовь къ Богу сооруженіемъ св. обителей. Благоустроенные монастыри всегда служили въ Церкви Христовой училищемъ благочестія для народа. Никонъ построилъ ихъ три: Иверскій, Крестный и Воскресенскій.

Воспоминанія о блаженныхъ дняхъ жизни на островѣ Анзерѣ всегда наполняли собою благочестивое сердце Никона. Объятый такими воспоминаніями, онъ однажды на пути изъ Новгорода въ Москву, въ 1651 году, увидѣлъ около Валдая величественное озеро, усѣянное прекрасно расположенными на немъ островами. Въ душѣ Никова возгорѣлся огнь любви къ жизни пустынной, всегда составлявшей предметъ его сердечныхъ желаній и стремленій. Онъ тогда же положилъ намѣреніе построить здѣсь на одномъ изъ острововъ св. обитель. Съ этою мыслію прибылъ онъ въ Москву и открылся царю. Благочестивый государь похва-

лилъ святое намѣреніе своего друга. Но Никонъ вскорѣ отозванъ былъ къ другому дѣлу, не менѣе важному и святому. Онъ отправился въ Соловецкій монастырь для перенесенія оттуда въ Москву св. мощей митрополита Филиппа. На этомъ пути, занятый мыслію о предполагаемой имъ обители и размышляя о подвигахъ страдальцевъ за вѣру Христову и Церковь, Никонъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ предсталъ ему святитель Филиппъ и одобрилъ его намѣреніе касательно новой обители. При видѣ Соловецкихъ острововъ, Никонъ оживилъ въ себѣ воспоминанія о своей пустынной жизни и еще болѣе утвердился въ мысли воздвигнуть монастырь на островѣ Валдайскаго озера. Съ этою рѣшимостію возвратился онъ въ Москву изъ своего святого путешествія и вступилъ на патріаршій престолъ. Между тѣмъ, еще въ бытность свою митрополитомъ новгородскимъ, онъ много слышалъ о чудесахъ Иверской иконы Божіей Матери на Аѳонѣ. Нерѣдко доходила до слуха его и слава аѳонскихъ подвижниковъ. Никонъ хотѣлъ теперь соединить воспоминанія о скитѣ Анзерскомъ съ благоговѣйными представленіями о св. Аѳонѣ и сталъ „благоумильно“ просить царя о позволеніи построить желаемый монастырь. Царь изъявилъ согласіе на прошеніе патріарха. Обрадованный исполненіемъ своего желанія, Никонъ немедленно отправилъ на мѣсто, избранное имъ для Иверской обители, надежнѣйшихъ изъ близкихъ къ себѣ иноковъ, далъ имъ въ распоряженіе множество людей и поручилъ вести работы сколько возможно поспѣшнѣе. Соотвѣтственно мѣстоположенію Анзерскаго скита и посвященію новой обители имени Богоматери, грамотою царя отъ 6 мая 1654 года озеро Валдайское было переименовано Святымъ озеромъ, село Валдай — Богородицкимъ и самый монастырь — Святоезерскимъ. Но въ расположеніи зданій монастыря Никонъ подражалъ расположенію Иверскаго монастыря Аѳонской горы. Дѣятельность въ производствѣ работъ была самая быстрая. Въ четыре года (1653 — 1657) на дикомъ островѣ, покрытомъ густымъ лѣ-

сомъ, явился величественный монастырь, со многими каменными церквами, прекрасно устроенными, келліями и разными службами монастырскими, окруженный большою каменною оградою. Никонъ принималъ самъ во всѣхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу непосредственное участіе и нерѣдко лично посѣщалъ производившіяся постройки. Между тѣмъ въ Иверскій аѳонскій монастырь отправлены были нарочитые люди съ тѣмъ, чтобы они принесли снимокъ съ чудотворной тамошней иконы Богоматери. Когда этотъ снимокъ былъ принесенъ въ Москву, Никонъ съ церковнымъ торжествомъ встрѣтилъ его за городомъ, и потомъ самъ отправился съ нимъ въ созидавшуюся обитель. Въ то же время онъ принесъ сюда части мощей св. отечественныхъ первосвятителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Еще прежде, по его порученію, новгородскій митрополитъ Макарій перенесъ въ новую обитель мощи св. Іакова боровицкаго. Тогда какъ Никонъ обогащалъ свою обитель христіанскою святынею, царь обогатилъ ее въ разныя времена обширными вотчинами и разными угодьями и пожаловалъ несудимою грамотою. Устроивъ такимъ образомъ свою обитель, Никонъ ввелъ въ нее строгій общежительный порядокъ и великолѣпіе въ богослуженіи, такъ что эта обитель была въ тѣ времена отлична отъ обыкновенныхъ. Въ 1657 году Никонъ просилъ уже самого государя удостоить посѣщеніемъ Иверскій монастырь, устроенный съ большимъ великолѣпіемъ, и послалъ въ монастырь слѣдующее распоряженіе о встрѣчѣ:

„Намъ, великому государю, устроить мѣсто за лѣвымъ клиросомъ... по нашему, великаго государя, достоинству. Все убрать въ церкви изрядно и дивно, чтобъ къ царскому и нашему пришествію пристойно было и въ подивленіе всѣмъ зрящимъ. Да выбрати бы вамъ изъ братіи по партесу пѣвцевъ добрыхъ и красногласныхъ. Да и все бъ у васъ въ монастырѣ было чисто, пригоже и стройно, и кельи также всѣ были стройны и совсѣмъ уряжены и въ кельяхъ бы было убрано. Да вамъ же бы Иверскаго монастыря изъ

братьи убрать двѣнадцать братовъ, предъ царемъ и передъ нами орацію говорить краткую и богословену и похвальную, за его къ вамъ царское посѣщеніе, и намъ, великому государю, орацію изготовить по тому же; да убрать младенцевъ дванадесять же, или и множае, колько обрящется, и выучить также къ царскому и нашему пришествію орацію говорить краткую и богословскую и похвальную; такожъ изготовить бы вамъ орацію и къ царскому и нашему изъ Иверскаго монастыря отшествію, и убрать тѣхъ младенцевъ также хорошенько, по обычаю, какъ у епископовъ священосцы бываютъ, золотными или иными какими платкы лично, чтобъ было вельми дивно".

Самъ патріархъ въ окружномъ своемъ посланіи къ православнымъ христіанамъ о созиданіи Крестнаго монастыря излагаетъ причины, расположившія его къ этому святому дѣлу. „Въ минувшемъ 1639 лѣтѣ, — говоритъ онъ, — мы, будуще іеромонахомъ, творихомъ шествіе по морю изъ скита Анзерскаго и во время то отъ великаго волненія морскаго едва непотопихомся; но уповающе на силу божественнаго и животворящаго креста, спасеніе получихомъ предъ Онежскимъ устьемъ, къ пристанищу, къ Кію острову, и славу воздахомъ распеншемуся на крестѣ Господу нашему Іисусу Христу о ономъ избавленіи. Будучи же тогда на томъ островѣ, на воспоминаніе того своего спасенія водрузихомъ на томъ мѣстѣ святый и животворящій крестъ. Послѣ этого событія, — продолжаетъ онъ, — сердце наше стало болѣе разгораться любовію ко кресту Христову и расположило насъ создать на островѣ Кіи иноческую обитель. Но прежде, нежели мысль эта пришла въ совершеніе, Господь на пути моемъ, — говоритъ Никонъ, — въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа, судилъ мнѣ увидѣть, спустя 17 лѣтъ, крестъ, поставленный на островѣ Кіи, совершенно цѣлымъ, и услышать, что сила Божія чрезъ него спасаетъ многихъ отъ опасности потопленія. Тогда, — заключаетъ свою грамоту Никонъ, — я утвердился въ намѣреніи

воздвигнуть здѣсь монастырь". И вотъ, въ 1656 году, когда сооруженіе Иверскаго монастыря приходило уже къ концу, Никонъ испросилъ у царя грамоту на построеніе другого монастыря — Крестнаго, на островѣ Кіи, въ заливѣ Бѣлаго моря. Въ то время Никонъ обнародовалъ отъ себя окружную грамоту о созиданіи этого монастыря и призывалъ всѣхъ сыновъ отечественной Церкви къ пожертвованіямъ въ пользу созидаемой вновь обители. Между тѣмъ въ Москвѣ приказалъ онъ устроить для обители величественный крестъ изъ кипариснаго дерева, по высотѣ и широтѣ подобный, какъ говоритъ Никонъ, кресту Христову, украсилъ его серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, сокрылъ въ немъ до 300 частицъ св. мощей, также кровь многихъ св. мучениковъ и части св. камней палестинскихъ. На сторонахъ этого креста изображены: вверху — равноапостольные Константинъ и Елена, а у подножія — царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинична и патріархъ Никонъ, въ молитвенномъ положеніи, съ преклоненными колѣнами и главами. Торжественно отправлялъ Никонъ этотъ крестъ изъ Москвы къ мѣсту его назначенія. Послѣ молебнаго пѣнія въ соборной церкви онъ самъ, при собраніи многочисленнаго московскаго духовенства и народа, сопровождалъ его за Срѣтенскія ворота, до того мѣста, гдѣ стоялъ Филипповъ крестъ. Здѣсь опять совершивъ молебное пѣніе, Никонъ отпустилъ святыню на предназначенное ей мѣсто и, благословивъ людей, имѣвшихъ отправиться съ нею въ дальнѣйшій путь, возвратился въ Москву. Съ тѣхъ поръ пастырскій взоръ его постоянно слѣдилъ за ходомъ и успѣшностію сооруженія новой обители. Царь приписалъ къ ней богатыя вотчины. Въ 1661 году Никонъ имѣлъ уже утѣшеніе видѣть воздвигнутую новую свою обитель и освятить въ ней церкви.

Въ 1657 году Никонъ предпринялъ построить третій монастырь близъ села Воскресенскаго, въ 47 верстахъ отъ Москвы. Это село было прежде куплено имъ для обители Иверской. При частыхъ своихъ путешествіяхъ въ ново-

устроявшуюся тогда Иверскую обитель, Никонъ неоднократно останавливался въ селѣ Воскресенскомъ для отдыха отъ пути и каждый разъ утѣшался красотою его мѣстоположенія. Сердечная любовь его къ жизни иноческой указала ему и здѣсь воздвигнуть обитель. Царь позволилъ сооруженіе ея, и Никонъ, не любившій напрасно терять времени, въ томъ же году самъ указалъ для нея мѣсто и открылъ работы. Мѣсто было выбрано гористое, окруженное рѣкою Истрою. Никонъ выровнялъ его насыпью, съ трехъ сторонъ выкопалъ рвы, вокругъ обнесъ деревянною оградою съ 8 башнями и внутри на первый случай соорудилъ теплую деревянную церковь во имя Вознесенія Господня, съ трапезою и прочими монастырскими службами. Государь самъ прибылъ на ея освященіе, которое совершалъ патріархъ. Отправляясь обратно въ Москву, въ сопровожденіи патріарха, царь остановился въ верстѣ отъ монастыря на одномъ возвышеніи, чтобы отсюда обозрѣть прекрасную мѣстность, избранную Никономъ для обители. Обозрѣвая ее, онъ и самъ столько плѣнился ея красотою, что, обратясь къ патріарху, сказалъ ему: „Самъ Богъ изначала опредѣлилъ это мѣсто для обители; оно прекрасно какъ Іерусалимъ“. Съ восторгами радости принялъ Никонъ эти слова государя и назвалъ новую обитель Новымъ Іерусалимомъ. Изъ Москвы прислалъ государь дружеское письмо Никону и опять называлъ въ немъ новую обитель именемъ Іерусалима. Снова обрадованный патріархъ положилъ это письмо царя-друга въ серебряномъ ковчежцѣ подъ престоломъ и утвердилъ за обителію названіе Новаго Іерусалима. Въ соотвѣтствіе такому названію обители, и всѣ мѣста, прилежащія къ ней, получили новыя названія, перенесенныя на нихъ съ св. палестинскихъ мѣстъ. Гору, съ которой царь обозрѣвалъ мѣстность монастыря, патріархъ назвалъ Елеономъ; рѣка Истра, окружающая монастырь, получила имя Іордана; изъ прочихъ мѣстъ одно названо Назаретомъ, другое — селомъ Скудельничимъ, иное — Ѳаворомъ и Ермономъ, Рамою и т. п. Въ довершеніе подо-

бія новаго нашего отечественнаго Іерусалима древнему палестинскому, Никонъ предпринялъ обширное намѣреніе — воздвигнуть посреди своей обители большую каменную церковь во имя Воскресенія Христова, во всемъ сходную съ іерусалимскимъ храмомъ. Для этой цѣли онъ отправилъ въ Іерусалимъ уже знакомаго съ нимъ келаря Троицкой лавры Арсенія Суханова съ тѣмъ, чтобы онъ снялъ и привезъ въ Москву вѣрные планы и модели съ іерусалимской и виѳлеемской церквей. Арсеній возвратился въ Москву въ слѣдующемъ 1658 году, въ январѣ. Въ апрѣлѣ того же года Никонъ положилъ первый камень въ основаніе знаменитаго новоіерусалимскаго храма, доставившаго славу своему сооружителю не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ отдаленныхъ чужихъ странахъ.

Но, сохраняя въ благочестіи и чистотѣ житіе тѣхъ, „ихже отъ Бога пріятъ“, Никонъ ревностно заботился и о томъ, чтобы „невѣрные подражатели сотворити вѣрѣ“. По собственнымъ его словамъ, это — второй существеннѣйшій долгъ пастыря.

Среди многочисленныхъ, многосложныхъ и многотрудныхъ подвиговъ къ устроенію внутренняго благосостоянія отечественной Церкви, Никонъ не уступалъ ни одному изъ ревностнѣйшихъ отечественныхъ первосвятителей въ пастырскомъ попеченіи объ обращеніи ко Христу людей, чуждыхъ намъ по вѣрѣ, но соединенныхъ съ нами гражданскими узами.

Сибирь была главной обширнѣйшей и плодоноснѣйшей нивой, гдѣ пастыри наши, начиная съ конца XVI вѣка, насаждали православную вѣру. Покореніе Сибири Іоанномъ Грознымъ открыло туда первый путь вѣрѣ Христовой. Самъ Іоаннъ предписывалъ вологодскому епископу послать въ Сибирь священниковъ для распространенія христіанства. Въ царствованіе Годунова, и особенно царя Михаила Ѳеодоровича, христіанство довольно уже утвердилось въ Сибири, даже въ отдаленныхъ ея концахъ. Здѣсь были поселены

русскіе переселенцы, построены новые города, основаны церкви и монастыри. Патріархъ Филаретъ Никитичъ открылъ уже отдѣльную сибирскую епархію. Патріархъ Никонъ утвердилъ вѣру Христову въ самой столицѣ сибирскихъ остяцкихъ князей и основалъ здѣсь разсадникъ св. вѣры для всѣхъ прочихъ племенъ сибирскихъ и вмѣстѣ пріютъ для обращенныхъ ко Христу. Въ городкѣ Кондѣ, столицѣ остяцкихъ князей, первый лучъ вѣры возсіялъ еще въ концѣ XVI вѣка. Князь ихъ Алачевъ былъ христіанинъ. Въ то же время устроены были здѣсь церкви, и многіе изъ остяковъ крестились. Но время упразднило церкви и остановило дальнѣйшее распространеніе св. вѣры. Въ патріаршество Никона опять возсіялъ свѣтъ благодати въ сердцахъ остяковъ. Архіепископъ Симеонъ прислалъ царю просьбы отъ 14 остяцкихъ волостей о присылкѣ къ нимъ священниковъ и иноковъ для просвѣщенія ихъ св. крещеніемъ. Никонъ сдѣлалъ больше. По настоянію его, царь повелѣлъ архіепископу устроить въ Кондѣ монастырь и полный причтъ церковный, чтобы отсюда распространился свѣтъ вѣры Христовой и къ другимъ сибирскимъ племенамъ. Кондскій монастырь съ тѣхъ поръ служилъ разсадникомъ св. вѣры въ Сибири, главнымъ пристанищемъ для проповѣдниковъ и убѣжищемъ для обращающихся ко Христу.

Простирая взоры пастырской попечительности на отдаленныя страны отечества и насаждая въ нихъ св. вѣру, Никонъ не оставлялъ безъ пастырскаго попеченія и ближайшихъ къ намъ по мѣсту иновѣрныхъ соотечественниковъ. Въ страны приволжскія, занятыя татарами, черемисами и мордвою, началъ проникать свѣтъ Христовой вѣры еще во время порабощенія Россіи монголами. Въ 1264 году была уже открыта сарайская епархія. Съ теченіемъ времени трудами нѣкоторыхъ русскихъ подвижниковъ и пастырей Церковь пріобрѣла въ тѣхъ странахъ многихъ членовъ. При первыхъ патріархахъ нашихъ дѣятельно совершалось обращеніе къ вѣрѣ Христовой татаръ и мордвы. Но патріархъ

Никонъ заботился сдѣлать болѣе. Онъ, когда еще былъ новгородскимъ митрополитомъ (1651 г.), просилъ патріарха Іосифа посвятить Мисаила на рязанскую архіепископскую каѳедру. Впослѣдствіи же, когда самъ сталъ патріархомъ, Мисаилъ былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ ему въ дѣлѣ обращенія ко Христу мордвы и татаръ. Никонъ послалъ его обращать къ св. вѣрѣ мордву и татаръ въ Шацкомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ. Мисаилъ, съ Божіею помощію, успѣлъ крестить 4,200 человѣкъ. Извѣщая объ этомъ Никона, онъ просилъ патріаршаго благословенія снова отправиться въ Касимовъ, Шацкъ и Тамбовъ для проповѣди. Никонъ благословилъ ревность св. архипастыря. Мисаилъ, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, въ святительской одеждѣ, убѣждалъ иновѣрцевъ принять св. вѣру Христову. Въ одномъ селѣ обращено имъ было разомъ 315 человѣкъ мордвы съ женами и дѣтьми. Но тогда же упорнѣйшіе изъ суевѣровъ собрались толпой, и стрѣлы посыпались въ святителя. Пронзенный ими, Мисаилъ скончался мученикомъ вѣры. Но и среди предсмертныхъ мученій не переставалъ вразумлять заблуждающихъ обратиться къ вѣрѣ во Христа Спасителя. Тогда Никонъ открылъ другой путь къ распространенію святой вѣры среди иновѣрныхъ соотечественниковъ.

Вятская область принадлежала тогда къ епархіи патріаршей. Никонъ зналъ, что она очень обширна, и среди множества населяющаго ее народа есть много язычниковъ, и у самыхъ христіанъ тамошнихъ остается еще не мало языческихъ суевѣрій. Между тѣмъ отдаленность ея отъ первопрестольнаго города патріаршей епархіи не позволяла самимъ первосвятителямъ со всею точностью наблюдать за состояніемъ вѣры въ тѣхъ странахъ. Никонъ открылъ средство помочь этому неудобству. Вблизи самой Москвы существовала самостоятельная епархія коломенская. Никонъ, съ согласія царя и по рѣшенію собора, упразднилъ ее, а вмѣсто нея открылъ новую епископію — вятскую и великопермскую. Епископъ Александръ былъ первымъ святителемъ

на новооткрытой каѳедрѣ. Никонъ опредѣлилъ ей изъ своихъ патріаршихъ доходовъ въ тѣхъ странахъ такой же окладъ содержанія, какимъ пользовался прежде епископъ коломенскій въ своей епархіи. Въ то же время царь приписалъ къ ней изъ ближайшихъ селеній столько же душъ крестьянъ, сколько принадлежало епископіи коломенской. „И сіе дѣло,—говорилъ Никонъ,—сдѣлано къ божественной славѣ и Божіимъ людемъ ко спасенію".

Въ самой Москвѣ Никонъ, какъ попечительный пастырь, дѣятельно заботился объ обращеніи иновѣрцевъ въ нѣдра православной Церкви. И пастырская заботливость его не оставалась безплодною. Въ лѣтописи своей онъ говоритъ о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ: „Многія языки приведе въ православную вѣру, многія поганы къ вѣрѣ приведе". То же надобно сказать и о самомъ Никонѣ. Онъ крестилъ многихъ изъ жидовъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Москвѣ. Для ближайшаго наблюденія за благочестіемъ новокрещенныхъ, онъ однихъ держалъ при своемъ патріаршемъ домѣ, другихъ помѣщалъ въ благоустроенные монастыри. Нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ воспринималъ отъ купели крещенія и оставлялъ при себѣ, какъ духовныхъ своихъ дѣтей.

Наконецъ, когда Господь возвратилъ Россіи древнія ея православныя области, отторгнутыя отъ нея Литвою и Польшею и обращенныя въ унію, Никонъ началъ снова возстановлять въ нихъ св. православную вѣру. Неизвѣстно, какими успѣхами увѣнчались пастырскія попеченія его объ этомъ святомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что намѣстнику своему въ Полоцкѣ и Витебскѣ онъ предписывалъ: „Елико мощно, сопротивныхъ свѣтомъ непорочныя нашея вѣры обогащати и уніятскихъ поповъ принимати въ православіе, испытавше ихъ опасно и повелѣвъ имъ римское и латинское недугованіе прокляти".

Такими-то пастырскими трудами ознаменовалъ Никонъ свое служеніе отечественной Церкви. Но, мудрый и ревно-

стный первосвятитель, Никонъ былъ мудрымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ царя-друга и въ управленіи государственномъ.

Труды патріарха Никона на пользу государства.

Мы уже видѣли, какъ въ званіи новоспасскаго архимандрита Никонъ служилъ царю вѣрнымъ вѣстникомъ правды и искреннимъ другомъ бѣдныхъ. Но въ особенно величественномъ видѣ открылъ Никонъ свою преданность царю и отечеству при укрощеніи народнаго возмущенія въ Новгородѣ.

Правосудный государь вполнѣ оцѣнилъ заслуги Никона, который съ самоотверженіемъ истиннаго пастыря дѣйствовалъ къ усмиренію этого страшнаго новгородскаго возстанія. „Избранному и крѣпкостоятельному пастырю, — писалъ впослѣдствіи царь къ Никону, — милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, но и паче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ; о крѣпкій воине и страдальче Царя небеснаго, о возлюбленный мой любимиче и содружебниче, святый владыко! пишу тебѣ свѣтлосіяющему во архіереѣхъ, аки солнцу сіяющу по всей вселеннѣй, тако и тебѣ сіяющу по всему нашему государству благими нравы и дѣлы добрыми... собинному нашему другу душевному и тѣлесному“.

Вѣрный и доблестный помощникъ царю въ дѣлахъ внутренняго государственнаго правленія, Никонъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ славы царя и отечества и въ сношеніяхъ Россіи съ иноземными державами. Такъ, блистательнѣйшее изъ внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ царствованія Алексѣя Михайловича — присоединеніе Малороссіи къ Россіи и возвращеніе нѣкоторыхъ другихъ древнихъ отечественныхъ владѣній, отторгнутыхъ отъ насъ нѣкогда Польшею и Литвою, было плодомъ великой мысли Никона.

Въ брестскомъ храмѣ св. Николая 9 октября 1596 года провозглашена унія. Немедленно послѣ того начались ужасныя страданія православныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Украйнѣ за твердость въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Эти страданія напоминаютъ собою мученичество первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ предводитель казаковъ Богданъ Хмельницкій отправилъ пословъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ прошеніемъ покровительства и защиты малороссійскому народу и предлагалъ вступить въ подданство Россіи со всею Украйною. Это было въ февралѣ 1651 года, при патріархѣ Іосифѣ. Царь предложилъ просьбу Хмельницкаго на разсужденіе собора духовныхъ и гражданскихъ особъ. Соборъ, соразмѣряя силы государства, постепенно возстановлявшіяся послѣ величайшихъ государственныхъ бѣдствій, хотя полагалъ согласиться на просьбу Хмельницкаго, но полагалъ боязливо и потому ничего не сдѣлалъ. Въ Москвѣ боялись войны съ Польшею. Начались переговоры и пересылки изъ Москвы въ Украйну. Патріархъ Іосифъ, какъ ни желалъ мира Церкви православной, но не имѣлъ столько силы въ совѣтѣ, чтобы склонить государя и бояръ принять свое мнѣніе. Послы Хмельницкаго возвратились къ нему съ нерѣшительнымъ отвѣтомъ отъ московскаго царя. Но Хмельницкій не терялъ надежды на православнаго государя.

Въ 1652 году онъ возобновилъ свое ходатайство предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Малороссіи въ подданство Россіи и, между прочимъ, извѣщалъ, что если православный царь откажетъ Малороссіи въ ея просьбѣ, то она признаетъ надъ собою власть султана, но никакъ уже не останется подъ властію польскаго сейма. Состояніе Малороссіи становилось теперь тѣмъ опаснѣе, что ханъ крымскій намѣренъ былъ помогать польскому королю въ порабощеніи Украйны. Между тѣмъ Хмельницкому извѣстна была сила предъ царемъ патріарха Никона. Поэтому, испра-

шивая себѣ подданства у царя, Хмельницкій послалъ особую грамоту къ Никону, умоляя его быть ходатаемъ предъ царемъ о присоединеніи единовѣрныхъ къ единовѣрнымъ. Положеніе дѣлъ было очень затруднительное для Россіи. Принять Малороссію въ свое подданство — значило объявить войну Польшѣ. Но если бы Малороссія отдалась на волю султана, въ такомъ случаѣ къ Москвѣ придвинулись бы татары и султанъ. Но Никонъ не любилъ отступать назадъ при видѣ опасности. Многіе изъ бояръ разсуждали и теперь, какъ въ 1651 г. Но Никонъ убѣдилъ царя принять подъ свою высокую защиту единовѣрную и единоплеменную намъ Малороссію и яркими красками изобразилъ царю страданія въ Украйнѣ православной Церкви. Въ то же время онъ замѣтилъ царю, что казаки защитятъ и себя и Москву отъ поляковъ, если только царь православный приметъ ихъ подъ свое покровительство. Никонъ зналъ благодарность и храбрость доблестныхъ сыновъ Украйны. Итакъ, по настоянію Никона, въ апрѣлѣ 1653 года отправлены были въ Польшу русскіе послы съ требованіемъ покоя Малороссіи, прежде нежели Москва подниметъ въ защиту ея свое оружіе. Въ сентябрѣ возвратились наши послы и донесли царю, что польское правительство не приняло посредничества Россіи въ дѣлѣ Малороссіи.

Октября 1 того же года (1653) государь собралъ въ Грановитой палатѣ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и предложилъ ему на разсужденіе настоящее положеніе дѣлъ Россіи съ казаками и Польшею. На предложеніе царя послѣдовалъ единодушный отвѣтъ духовныхъ и земскихъ чиновъ: „Для православныя христіанскія вѣры и св. Божіихъ церквей, гетмана со всѣмъ войскомъ принять въ подданство Россіи“. Тогда же назначены были къ отправленію въ Малороссію тверской намѣстникъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, муромскій намѣстникъ Иванъ Васильевичъ Алферьевъ и думный дьякъ Иларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ, чтобы привести всѣхъ жителей Малороссіи къ присягѣ на подданство пра-

вославному государю. Октября 5, послѣ молебна въ большомъ Успенскомъ соборѣ, принявъ благословеніе отъ патріарха и бывъ у руки царской, они отправились въ свой путь.

Января 8-го 1654 года, „благодаря патріарху Никону", совершилось въ Чигиринѣ торжество соединенія Малороссіи съ государствомъ московскимъ.

Съ какою любовію малороссіяне обратились тогда къ Никону, показываетъ письмо къ нему Ивана Выговскаго и примѣръ игумена Іоиля Турцевича. Приглашенный въ 1654 г. въ Иверскій монастырь, Іоиль на дорогѣ заболѣлъ, но просилъ перенесть, по крайней мѣрѣ, тѣло его туда, куда стремилась любовь его,—въ Иверскій монастырь, воздвигнутый Никономъ: „азъ,—говорилъ онъ,—послушаніе мое къ пастырю и по смерти сохраню".

Но поляки не хотѣли добровольно уступить Россіи Малороссію, и вотъ теперь неизбѣжна была война Россіи съ Польшею. Октября 23-го 1653 года, послѣ молебна въ большомъ Успенскомъ соборѣ, царь торжественно объявилъ всему своему народу, что, „прося у Бога милости и заступленія у всѣхъ святыхъ, идетъ на недруга своего, короля польскаго, мстить многія неправоты его". Никонъ благословилъ благочестивѣйшаго государя на защиту православной Церкви, страждущей въ Украйнѣ отъ насилія ляховъ. Съ того дня начались въ войскахъ нашихъ приготовленія къ походу и продолжались до слѣдующей весны. Апрѣля 26-го 1654 года выступилъ изъ Москвы съ отрядомъ войска князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. Войско проходило мимо дворца, „подъ переходами", гдѣ стояли царь, царица и патріархъ. Никонъ кропилъ воиновъ св. водою. Мѣстомъ собранія всего войска, назначеннаго въ походъ противъ поляковъ, былъ избранъ городъ Вязьма. Сюда-то мая 15, въ Троицынъ день, государь отправилъ икону Иверской Божіей Матери, присланную Никону константинопольскимъ патріархомъ Паѳеніемъ. Изъ Успенскаго собора до монастыря

Донского провожалъ ее самъ царь съ патріархомъ, предшествуемые крестами, священными хоругвями и св. иконами, при стеченіи всего московскаго народа. Въ тотъ же день отправленъ въ Вязьму Одоевскій съ передовымъ войскомъ. Никонъ, опять стоя съ царемъ на переходахъ, кропилъ войско святою водою. Мая 16 отправился туда же князь Яковъ Черкасскій. Никонъ служилъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ молебенъ въ присутствіи царя и окропилъ войско святою водою. Наконецъ, мая 18, выступилъ въ походъ и самъ царь. Войска собрались на Красную площадь ко дворцу. Патріархъ Никонъ изъ окна царской столовой благословилъ воиновъ и окропилъ св. водою. Затѣмъ царь вышелъ изъ своего дворца къ войску и торжественно отправился съ нимъ изъ Москвы. У всѣхъ воротъ, чрезъ которыя надлежало проходить войску, пристроены были по обѣимъ сторонамъ воротъ возвышенныя ступени („рундуки большими ступеньями"), обитыя краснымъ сукномъ. На этихъ возвышеніяхъ стояли духовные со св. крестами въ рукахъ и окропляли св. водою воиновъ, предводимыхъ самимъ царемъ.

Въ Москвѣ остались правителями бояре: князь Михаилъ Петровичъ Пронскій, князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ, и окольничіе: князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій, и думный посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ. Ко дворцу царицы опредѣлены были окольничіе: Иванъ Андреевичъ Милославскій и Прокопій Ѳеодоровичъ Соковнинъ. Но главный надзоръ за благоустройствомъ государства и попеченіе о семействѣ царя любовь и дружба государя предоставили патріарху Никону; безъ совѣта съ Никономъ ничего не могли ни сдѣлать ни предпринять бояре.

Положившись совершенно на Никона въ дѣлахъ внутренняго правленія государствомъ, царь Алексѣй Михайловичъ могъ теперь свободно и смѣло спѣшить въ непріятельскую землю, чтобы нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Посолъ

за посломъ спѣшили отъ царя къ Никону съ извѣстіемъ о взятіи городовъ. Между тѣмъ Никонъ, заботясь не только о внутреннемъ благосостояніи государства, но и о продовольствіи войскъ, бывшихъ съ царемъ въ походѣ, самъ распоряжался своевременною доставкою къ нимъ хлѣба и ружейныхъ запасовъ. Получая такимъ образомъ всѣ средства къ счастливому продолженію войны, государь августа 16 въ ночь сдѣлалъ приступъ къ Смоленску, который считался вратами для вступленія во всѣ владѣнія Польши. Сентября 23-го 1654 года князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій посланъ былъ въ Москву съ извѣстіемъ о сдачѣ царю Смоленска. Никонъ торжествовалъ съ народомъ въ храмѣ Божіемъ побѣды царя молитвами къ Царю царей, Своею силою веселящему царей и Своимъ спасеніемъ радующему ихъ въ самые дни брани. Разосланы были грамоты и по всѣмъ церквамъ Россіи съ извѣстіемъ о побѣдахъ православнаго царя нашего, и на необъятномъ пространствѣ всего отечества вознеслась къ Господу силъ жертва хвалы и благодаренія за царя отъ вѣрныхъ сыновъ Богомъ хранимаго и Богомъ прославляемаго царства.

Но въ то самое время, когда счастіе блистало царю со всѣхъ сторонъ въ его войнѣ съ Польшею, грозныя тучи бѣдствій сконлялись надъ первопрестольнымъ городомъ нашего отечества. Въ Москвѣ появилась моровая язва. Опасная зараза эта, усиливаясь постепенно, обратилась, наконецъ, въ настоящую чуму и погубляла множество народа. Никонъ извѣстилъ царя о бѣдствіи, постигшемъ отечество. Царь отписалъ, чтобы патріархъ принялъ на себя попеченіе объ охраненіи его семейства. Поручивъ завѣдываніе церковными дѣлами крутицкому митрополиту, Никонъ самъ выѣхалъ съ семействомъ царя изъ столицы въ лавру богоноснаго Сергія, такъ многократно спасавшаго отечество наше отъ бѣдствій молитвами своими предъ Богомъ. Отсюда послалъ онъ грамоту въ Калязинъ монастырь съ приказаніемъ приготовить тамъ со всею осторожностію келліи, службы и все

нужное къ пріѣзду царицы. Между тѣмъ въ Москву отправлены были изъ Сергіевой лавры всѣ чудотворныя иконы, какъ надежнѣйшее средство къ спасенію отъ заразы. Особою грамотою по этому случаю патріархъ просилъ жителей Москвы принять посылаемыя иконы съ полнымъ благоговѣніемъ и въ молитвѣ къ Богу искать избавленія отъ постигшихъ бѣдствій. Касательно охраненія царскаго двора отъ язвы посланъ былъ боярамъ приказъ: „Въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двери и окна замазать, чтобы въ тѣ мѣста вѣтеръ не проходилъ; а на дворцѣ пріѣзжія ворота замкнуть, чтобы черезъ дворецъ отнюдь никто не проходилъ; а въ которыхъ дворахъ учинилось на Москвѣ моровое повѣтріе, и изъ тѣхъ дворовъ достальныхъ людей выпускать не велѣть, и велѣть тѣ дворы завалить, и приставить къ тѣмъ воротамъ сторожи крѣпкіе, чтобы изъ тѣхъ дворовъ отнюдь никто не выходилъ, и съ Москвы по деревнямъ и въ города ихъ не отпускать; а на Москвѣ и въ слободахъ, въ которыхъ дворахъ до нынѣшняго числа мороваго повѣтрія не было, всякихъ чиновъ людямъ велѣть сказать, будетъ тѣ люди похотятъ ѣхать съ Москвы въ подмосковныя и въ дальнія деревни и въ города, и тѣмъ бы людямъ съ Москвы ѣздить не запрещать“. Но язва день ото дня распространяла свои опустошенія. Въ донесеніи царю отъ 3 сентября Михаилъ Петровичъ Пронскій писалъ, что послѣ Семенова дня (1 сентября) зараза усилилась съ такою жестокостію, что всѣ шесть приказовъ стрѣлецкихъ были совершенно истреблены, всѣ церкви, кромѣ Большого собора, лишились священниковъ, такъ что некому уже было погребать умирающихъ; ихъ закапывали въ тѣхъ домахъ, гдѣ приключилась ихъ смерть. „Всѣ приказы, — говоритъ онъ, — заперты; дьяки и подьячіе умерли, всѣ бѣгутъ изъ Москвы, опасаясь заразы; я же безъ твоего государева указа покинуть города не смѣю“. Избѣгая близкой опасности, патріархъ съ семействомъ царя направилъ путь изъ Сергіевой лавры въ

Калязинъ монастырь, самъ лично наблюдая за безопасностію дороги. На пути узналъ онъ, что въ Москвѣ, къ увеличенію народнаго бѣдствія, распущены суевѣрами вредные слухи о причинахъ появленія моровой язвы. Суевѣрамъ хотѣлось прекратить печатаніе исправленныхъ Никономъ церковныхъ книгъ, и потому они начали распускать слухи о видѣніяхъ, въ которыхъ будто бы Господь Богъ требовалъ прекращенія книгопечатанія. Тогда, говорили они, прекратится и язва, которая теперь потому именно посылается на людей, что измѣнили будто бы богослужебныя книги. Но Никона трудно было обмануть въ такихъ дѣлахъ. Со стана въ Троицкомъ селѣ на Нерли, именемъ царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича, онъ отписалъ оставшемуся въ Москвѣ боярину Михаилу Петровичу Пронскому: „Вы писали къ намъ и прислали распросныя рѣчи о видѣніи жонки Стефанидки Колуженки да брата ея Тережки; и та жонка съ братомъ своимъ Тережкою въ рѣчахъ своихъ рознилися: жонка Стефанидка указывала въ видѣньи на образъ великомученицы Прасковіи, нареченныя Пятницы, а братъ ея Тережка указывалъ на образъ пречистыя Богородицы; да жонка жъ сказывала, что тотъ ея братъ отъ роду былъ нѣмъ, а Тережка самъ про себя сказалъ, что онъ говорилъ нѣмо, а не нѣмъ былъ; и то знатно, что они солгали, и вы бъ впредь такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили; и что они жъ въ своихъ рѣчахъ говорили, чтобъ запечатать книги, и печатный дворъ запечатанъ давно, и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ“. Но эта грамота не застала уже въ живыхъ князя Пронскаго: сентября 11 и онъ сдѣлался жертвою смертоносной заразы. Хилковъ извѣстилъ объ этомъ царицу и царевича. Тогда Никонъ принялъ на себя все попеченіе о семействѣ царя и объ отечествѣ. Зараза перешла между тѣмъ и во многіе другіе города, кромѣ Москвы, и вездѣ производила страшныя опустошенія. Никонъ, оставаясь въ безопасномъ до времени Калязинѣ, разсылалъ отсюда именемъ царицы и царевича

Алексѣя Алексѣевича, въ тотъ же годъ родившагося, грамоты по всѣмъ городамъ объ употребленіи строгихъ мѣръ предосторожности: предписано было ограждать зараженныя мѣста крѣпкими заставами, жечь костры для очищенія воздуха; донесенія, переходившія зараженными мѣстами, списывать со словъ у костра, а подлинники сжигать. „Тѣ села и деревни, въ которыхъ моровое повѣтріе объявится, отъ здоровыхъ мѣстъ засѣкать кругомъ, чтобъ изъ тѣхъ заморныхъ селъ и изъ деревень крестьяне и всякіе жилецкіе люди здоровыхъ селъ и деревень съ крестьяны жъ и со всякими жилецкими людьми не сходились ни которыми дѣлы, а у засѣкъ велѣть ставить изъ здоровыхъ селъ и деревень по скольку человѣкъ пригоже; а на большихъ проѣзжихъ дорогахъ учинить заставы крѣпкія, а малыя и проселочныя дороги велѣть всѣ засѣчь“. Но, какъ ни строги были предпринимаемыя мѣры противъ распространенія моровой язвы, она начала угрожать и Калязинскому монастырю. Никонъ принялъ намѣреніе отправиться съ семействомъ царя по направленію къ Новгороду и уже сдѣлалъ распоряженіе о безопасности дороги. Дворянину Добровскому данъ былъ наказъ: „Въ селѣ Порѣчьѣ и въ деревняхъ сыскать всякихъ чиновъ людьми на крѣпко: въ которомъ мѣстѣ черезъ большую дорогу тѣло Ивановой жены Гавренева перевезли, и сыскавъ допряма, на томъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ стороны дороги, сажень по десяти и больше, накласть дрова и выжечь то мѣсто гораздо, и уголье съ тое дороги и пепелъ съ землею велѣть свезть, и на то мѣсто насыпать новыя земли; а въ ширину выжигать ту дорогу на сторону сажень по десяти и больши, и землю, которую засыпать, имѣть издали, а не близко тое дороги“. Но, тогда какъ производились эти распоряженія, язва въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ начала мало-по-малу прекращать свои опустошенія.

Царь, получивъ извѣстіе объ уменьшеніи язвы внутри Россіи, поспѣшилъ увидѣть свое семейство. Октября 5 онъ

оставилъ Смоленскъ и выѣхалъ въ Вязьму. Октября 21 онъ прибылъ въ Вязьму. Сюда явилось и семейство его въ сопровожденіи патріарха. Никонъ передалъ царю дорогое для сердца его семейство совершенно невредимымъ. Царь искренно благодарилъ патріарха-друга за попеченіе о государствѣ и своемъ домѣ. Давно уже царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ управляли государствомъ какъ бы вмѣстѣ, подобно Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его, патріарху Филарету Никитичу. Давно уже царь питалъ къ Никону сыновнія чувствованія, какъ къ отцу. Теперь, въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, желая утвердить и увѣковѣчить свою сердечную расположенность къ Никону, онъ почтилъ его титуломъ *великаго государя*, какъ назывался великій дѣдъ царя, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Никонъ съ своей стороны весьма не желалъ такой почести, какъ бы предчувствуя опасность, какою угрожаетъ ему этотъ почетный титулъ. Но, по настоянію царя, титулъ великаго государя остался за Никономъ во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ. Несравненно цѣннѣе, выше и пріятнѣе была для Никона другая награда. Царь „за доброопасное тщаніе“ Никона въ сохраненіи царскаго семейства, далъ жалованную грамоту Иверскому монастырю на богатыя вотчины, съ освобожденіемъ притомъ этихъ вотчинъ отъ подсудимости свѣтскому начальству. Но Никонъ спѣшилъ раздѣлить скорби первопрестольнаго города своей паствы. Передавъ царю семейство его и оставивъ ихъ въ безопасной Вязьмѣ, самъ отправился въ Москву узнать, въ какой степени опасно тамъ моровое повѣтріе. Отсюда извѣстилъ онъ государя, что моровое повѣтріе въ Москвѣ утихаетъ, но совершенно еще не прекратилось. Между тѣмъ со всею внимательностію наблюдалъ за исполненіемъ мѣръ предосторожности и съ точностію изслѣдовалъ случаи смерти, казавшіеся продолженіемъ язвы. Царь и семейство его оставались въ Вязьмѣ до февраля 1655 года. Наконецъ февраля 10 возвратился и самъ царь изъ Вязьмы въ Москву. Никонъ торжественно встрѣ-

тилъ побѣдителя со св. иконами и крестами, при стеченіи многочисленнаго народа, государственныхъ чиновъ и всего духовенства. Московскіе жители, при видѣ царя, забыли бѣдствія, недавно ихъ поражавшія. Не долго однакоже оставался царь въ мирномъ кругу своихъ вѣрноподданныхъ.

Труды и опасности, понесенные для пользы отечества, служатъ сами собой для великихъ душъ пріятнѣйшею наградою. Одушевляясь такимъ чувствомъ, ревностнѣйшій ко благу своихъ подданныхъ царь Алексѣй Михайловичъ предпринялъ 11 марта того же 1655 года второй походъ противъ поляковъ. Отслуживъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ молебенъ, который совершалъ самъ патріархъ, царь отправился „въ отчину свою — Смоленскъ для своего государева и земскаго дѣла“. Въ Москвѣ остались начальниками: бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ и окольничіе: князь Даніилъ Степановичъ Великаго-Гагинъ, Тимоѳей Ивановичъ Щербатовъ и думный посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ. Мая 24 государь двинулся изъ Смоленска „на недруга своего польскаго короля Яна Казимира“. Слава и побѣды опять сопровождали русское оружіе. Но, къ крайней горести своей, по взятіи Шилова, государь узналъ, что въ Астрахани опять появилось моровое повѣтріе. Немедленно отправилъ онъ туда князя Волконскаго для принятія нужныхъ мѣръ, чтобы повѣтріе не распространилось далѣе. Но Господу угодно было снова посѣтить бѣдствіемъ первопрестольный нашъ городъ Москву. Въ іюнѣ проникла зараза и во внутреннія области Россіи; попрежнему стали происходить опустошенія въ Москвѣ. Но царь вполнѣ надѣялся на мудрость и попечительность патріарха, испытанную во время недавно минувшаго общественнаго бѣдствія. Итакъ, оставивъ попеченіе о Москвѣ Никону, самъ царь возвратился къ войску. Никонъ опять принялъ на себя заботы о внутреннемъ благосостояніи государства. Попрежнему онъ отправился изъ Москвы съ семействомъ царя въ Калязинъ монастырь и отъ имени царевича разсылалъ указы о мѣрахъ

предосторожности противъ распространявшейся заразы. Но особенныя обстоятельства этого времени потребовали отъ него и особенныхъ мѣръ въ сравненіи съ прежнимъ годомъ. Суевѣріе и злонамѣренность стали болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя для общественнаго спокойствія мысли о происхожденіи язвы, которыя начали являться въ народѣ въ прошедшій годъ. Патріархъ написалъ и разослалъ отъ своего имени пространную окружную грамоту, въ которой вразумлялъ суевѣровъ и невѣждъ. Убѣждая переносить несчастіе съ терпѣніемъ, укрѣпляться молитвою и постомъ, онъ совѣтовалъ беречься сообщенія съ зараженными, запрещалъ вѣрить ложнымъ толкамъ суевѣровъ, которые разглашали, что никто не долженъ избѣгать этой язвы, какъ посланной гнѣвомъ Божіимъ. Первосвятитель училъ, что каждый отвѣчаетъ за свои грѣхи, что по наставленію пророковъ, Спасителя и апостоловъ спасаться отъ смерти не грѣшно, а напротивъ, кто не хочетъ избѣгать видимой опасности и безъ нужды подвергаетъ ей себя, тотъ долженъ быть признаваемъ самоубійцею. „Иные, — говорилъ патріархъ, — не слушая добрыхъ совѣтовъ, сами погибли и другихъ погубили. Они повѣрили сказкамъ сновидцевъ, которые говорили, будто Богъ открылъ имъ, когда и какъ прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковѣрныхъ, а отъ нихъ переходила на другихъ; христіане умирали безъ приготовленія христіанскаго. Будемъ ниневитяне, а не содомляне; оставимъ злобу, да не погибнемъ отъ злобы“, заключалъ пастырь. Между тѣмъ не оставлялъ онъ безъ попеченія и войскъ, находившихся въ походѣ съ царемъ. Многочисленными грамотами воеводамъ и монастырямъ онъ предписывалъ посылать царю на войну служилыхъ людей, хлѣбъ, оружіе, лошадей. „Указалъ государь царь и мы, великій государь“, такъ начинались его грамоты. Но, тогда какъ Никонъ благоустроялъ внутреннее состояніе государства, русскія войска, предводимыя самимъ царемъ, переходили отъ побѣды къ побѣдамъ. По взятіи Вильны царь

немедленно отправилъ въ Москву стольника Ивана Колычева извѣстить о побѣдѣ царицу, царевенъ и Никона. Хмельницкій въ то же время съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Волынь и Галицію до самаго Люблина. Изгнанный изъ королевства Янъ Казимиръ прибѣгнулъ къ великодушію россійскаго государя и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили въ Вильнѣ 24 октября 1655 года мирный договоръ, блистательный для Россіи. Побѣдоносный царь прибылъ въ Вязьму. Сюда же, по его желанію, отправился съ царевичемъ и патріархъ. Царь опять искренно благодарилъ здѣсь друга своего и истиннаго святителя, спасавшаго отечество и Церковь. Государь принялъ титулъ „самодержца великія и малыя и бѣлыя Россіи“. Какъ сотрудникъ царя въ дѣлахъ государственнаго правленія, особенно въ эту печальную годину (1654—1655 г.), и Никонъ получилъ титулъ патріарха великія и малыя и бѣлыя Россіи. Такъ слава царя возвышала славу патріарха, и доблести патріарха возвышали славу царя!

Слава побѣдъ царя Алексѣя Михайловича въ Польшѣ и Литвѣ достигла слуха и молдавскаго воеводы Стефана. Знали въ Молдавіи и силу патріарха Никона при царѣ, равно какъ и готовность Никона, по долгу пастыря, покровительствовать церквамъ православнымъ. Присоединеніе Малороссіи къ православной Россіи обнадеживало и православныхъ жителей Молдавіи, что русскій царь приметъ ихъ подъ свою высокую защиту и освободитъ отъ ига турецкаго. И вотъ въ началѣ 1656 года воевода молдавскій Стефанъ прислалъ въ Москву митрополита Гедеона и посла, логоѳета Григорія, которые „били челомъ тайно“, чтобы государь „пожаловалъ, призрѣлъ на него, Стефана воеводу, своею государскою милостію и принялъ, какъ и гетмана Богдана Хмельницкаго, подъ свою высокую руку, дабы надо всѣми православными былъ онъ одинъ благочестивый государь“. Никонъ убѣдилъ государя принять это предло-

жснiс молдавскаго воеводы, *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Никонъ съ душевнымъ восторгомъ представлялъ себѣ славу Церкви православной среди славянскихъ народовъ, когда она вся будетъ подъ державой одного православнаго государя! Желанія и ожиданія его начали уже исполняться. Царь принялъ предложеніе молдавскихъ посланниковъ. Никонъ самъ въ соборной церкви, въ алтарѣ предъ престоломъ, привелъ митрополита Гедеона къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи, которую онъ давалъ отъ имени всего духовенства Молдавіи. Въ то же время крутицкій митрополитъ и соборный протоіерей принимали присягу среди храма отъ логоѳета Григорія, который читалъ ее отъ имени всего народа молдавскаго. Торжественный столъ въ чертогахъ царскихъ заключилъ присоединеніе Молдавіи къ Россіи. Но какъ предложеніе сдѣлано было „тайно“, то и послѣдующая исторія этого присоединенія осталась тайною. Извѣстно только то, что хотя Молдавія причислена была къ владѣніямъ царя, но не была совершенно удержана. Вѣроятно, послѣдующія смуты политическія въ Россіи и самой Молдавіи не позволили ни намъ утвердить права на владѣніе Молдавіей, ни жителямъ Молдавіи — отторгнуться совершенно отъ турокъ и пристать къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ россіянамъ.

V.

Патріархъ Никонъ удаляется изъ Москвы.

Такъ жилъ и подвизался патріархъ Никонъ на высотѣ первосвятительскаго престола, возвеличенный многочисленными и величайшими заслугами своими для Церкви и государства, необыкновенными душевными дарованіями, обширнымъ, дальновиднымъ, зоркимъ и многообъемлющимъ умомъ, непоколебимо твердою и постоянно дѣятельною волею, всегда жаждавшею счастія православныхъ соотечественниковъ, наконецъ, превознесенный искреннею дружбою государя.

Недолго, однако, управлялъ Церковью патріархъ Никонъ: всего шесть лѣтъ. Но надобно удивляться, какъ и шесть лѣтъ могъ онъ устоять на высотѣ своей святительской каѳедры. Съ самаго вступленія на нее онъ принялся за исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ на основаніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей и велъ дѣло съ такою горячею ревностію и непреклонностью воли. Но истинное значеніе этого дѣла, его важность и настоятельную нужду для Церкви понимали тогда у насъ вполнѣ весьма немногіе. Нѣкоторые же тотчасъ открыто возстали противъ предпріятія Никона и говорили, что наши церковныя книги, изданныя при прежнихъ патріархахъ, вовсе не требуютъ исправленій и содержатъ истинную православную вѣру, которою спасались наши предки, что Никонъ не правитъ, а портитъ книги, искажаетъ старую вѣру и вводитъ новую, что онъ еретикъ — врагъ Божій. Неудивительно, если въ средѣ этихъ ожесточенныхъ враговъ Никона весьма рано возникла мысль, какъ бы свергнуть его съ патріаршаго престола, и если главнѣйшій изъ нихъ, Нероновъ, имѣвшій большія связи въ самой Москвѣ и даже при дворѣ государевомъ, еще 1654 году съ увѣренностію произнесъ въ Вологдѣ о Никонѣ: „да будетъ время, и самъ изъ Москвы побѣжишь никѣмъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ; да и нынѣ всѣмъ вамъ говорю, что онъ насъ посылаетъ вдаль, а вскорѣ и самому ему бѣгать“.

Кромѣ этихъ общихъ причинъ, возбуждавшихъ болѣе или менѣе всѣхъ противъ Никона, духовенство и бояре имѣли еще особыя побужденія питать къ нему чувство непріязни. Надъ духовенствомъ Никонъ властвовалъ съ неограниченною волею. Онъ держалъ себя высоко и малодоступно по отношенію не только къ низшему клиру, но и къ самимъ архіереямъ. Съ безпощадною строгостію и суровостію преслѣдовалъ всѣхъ, въ средѣ бѣлаго и монашествующаго духовенства, кого считалъ виновными въ чемъ-либо. Всѣ страшились его, трепетали передъ нимъ и, безъ сомнѣнія,

были бы рады какъ-нибудь освободиться изъ-подъ его тяжелаго ига. Для бояръ невыносимымъ казалось уже то, что Никонъ возвышался надъ всѣми ими своею близостію къ государю, своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ совѣтахъ государя, своею необычайною властію, какою облекъ его государь. Еще въ бытность его новгородскимъ митрополитомъ, они говорили: „николи-де такого безчестія не было, что нынѣ государь выдалъ насъ митрополитомъ“. Что же должны были они чувствовать, когда Никонъ сдѣлался патріархомъ и вторымъ „великимъ государемъ“, началъ давать свои приказы и указы, особенно въ отсутствіе государя, заставлялъ ихъ стоять предъ собою и съ покорностію выслушивать его волю, при всѣхъ обличалъ ихъ за то или другое, не щадя ихъ имени и чести? Могли ли они не употреблять всѣхъ своихъ усилій, чтобы свергнуть Никона?

Все могущество Никона основывалось на благоволеніи къ нему государя. И враги употребили всѣ средства, чтобы отнять отъ Никона это благоволеніе и возбудить противъ него немилость царя. И они достигли своей цѣли, и противъ Никона началось гоненіе, окончившееся его низложеніемъ съ патріаршаго престола.

По окончаніи литовской войны, царь, по словамъ Никона, „нача по малу гордѣти и выситися и нами глаголемая отъ заповѣдей Божіихъ презирати и во архіерейскія дѣла вступатися“. Можно судить, какъ должны были подѣйствовать на гнѣвнаго царя слова, которыя сказалъ ему въ началѣ 1657 года Пероновъ въ Успенскомъ соборѣ, указывая на Никона: „Доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слыхать, — отъ него, врага, всѣмъ страхъ“. И вотъ съ началомъ 1658 года „нача быти безсовѣстіе и раздоръ между благочестивѣйшимъ царемъ и святѣйшимъ патріархомъ Никономъ“.

Въ 6-й день іюля царь Алексѣй Михайловичъ давалъ торжественный обѣдъ въ честь прибывшаго въ Москву

грузинскаго царевича Теймураза и, противъ обыкновенія, не удостоилъ позвать на этотъ обѣдъ Никона съ духовными властями, чѣмъ явно показалъ свое къ нему неблаговоленіе. Никонъ послалъ своего боярина, князя Димитрія Мещерскаго, наблюсти, при встрѣчѣ царевича, среди собравшейся толпы, „чинъ церковный“, т. е. чтобы кто-либо изъ духовенства не произвелъ какого-либо безчинія. Царскій окольничій и родственникъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, расчищавшій путь для царевича, можетъ-быть ненамѣренно, ударилъ въ толпѣ этого боярина палкою по головѣ безъ попады. „Напрасно ты бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ, — сказалъ патріаршій бояринъ: — мы пришли сюда не просто, а съ дѣломъ“. — „Да кто ты такой?“ спросилъ окольничій. „Я — патріаршій человѣкъ и посланъ съ дѣломъ“, отвѣчалъ князь Димитрій. Тогда Хитрово закричалъ: „Не величайся“, и ударилъ его по лбу такъ, что причинилъ ему большую язву. Боярин поспѣшилъ къ патріарху, показалъ ему свою язву и со слезами жаловался на Хитрово. Никонъ написалъ къ царю своею рукою и просилъ наказать виновнаго, а иначе грозилъ отмстить ему своею духовною властью. Царь также прислалъ Никону собственноручное письмо съ Аѳанасіемъ Матюшкинымъ и, когда Никонъ не удовлетворился, прислалъ ему и другое письмо и обѣщалъ лично увидѣться съ патріархомъ. Но свиданія не послѣдовало. Черезъ два дня, 8 іюля, наступилъ праздникъ въ честь Казанской иконы Богоматери. Въ прежніе годы на этотъ праздникъ царь всегда бывалъ, со всѣмъ своимъ синклитомъ, въ Казанскомъ соборѣ за вечерней, утреней и литургіей. Ожидали, что будетъ и теперь. И когда зазвонили къ вечернѣ, Никонъ, отправившись самъ въ соборъ, послалъ, по обычаю, одного изъ пресвитеровъ извѣстить государя о церковной службѣ; но царь къ вечернѣ не пришелъ. Не пришелъ потомъ ни къ заутренѣ ни къ литургіи, несмотря на такія же приглашенія со стороны патріарха. Никонъ понялъ, что царь на него „озлобися“. Спустя еще два дня, 10 іюля, насталъ

другой праздникъ — въ честь Ризы Господней, въ который прежде государь также всегда присутствовалъ, съ своимъ синклитомъ, на всѣхъ церковныхъ службахъ въ Успенскомъ соборѣ. Послалъ и теперь Никонъ предъ началомъ вечерни доложить о ней государю; но государь не пожаловалъ къ вечернѣ. Послалъ Никонъ къ царю и передъ заутреней, но царь и къ заутренѣ не захотѣлъ притти. Только послѣ заутрени прислалъ къ Никону князя Юрія Ромодановскаго, который сначала сказалъ ему: „Царское величество на тебя гнѣвенъ, потому и къ заутренѣ не пришелъ и не велѣлъ ждать его и къ литургіи“. А потомъ прибавилъ уже именемъ самого государя: „Ты пренебрегъ царское величество и пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь — царь“. Никонъ отвѣчалъ: „Я называюсь великимъ государемъ не собою; такъ повелѣлъ называться и писаться мнѣ его царское величество; на это мы имѣемъ свидѣтельство — грамоты, писанныя его царскою рукою“. Князь Юрій продолжалъ: „Царское величество почтилъ тебя, какъ отца и пастыря; но ты не уразумѣлъ. И нынѣ царское величество повелѣлъ сказать тебѣ, чтобы впредь ты не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впредь не будетъ“. Такимъ образомъ Никону прямо было объявлено, за что гнѣвается на него царь и чего отъ него требуетъ. И Никонъ, видя несправедливость царскаго гнѣва, рѣшился отказаться торжественно, предъ всею Церковію, отъ своей каѳедры, разсчитывая, что самъ царь вспомнитъ его заслуги и станетъ просить и умолять его не отказываться.

Утромъ того же 10 іюля дьякъ патріарха Никона Иванъ Калитинъ какъ-то узналъ о намѣреніи его оставить патріаршую каѳедру и началъ было говорить ему, чтобъ не оставлялъ, но Никонъ не захотѣлъ и слушать. Калитинъ поспѣшилъ извѣстить служившаго прежде въ боярахъ у патріарха Никона и глубоко преданнаго ему боярина Никиту Алексѣевича Зюзина, и послѣдній велѣлъ его именемъ ска-

зать патріарху, „чтобы онъ отъ такого дерзновенія пересталъ и великаго государя не прогнѣвилъ, а буде пойдетъ (съ каѳедры) неразсудно и неразмысля дерзко, то впредь, хотя бы и захотѣлъ возвратиться, будетъ невозможно: за такое дерзновеніе надобно опасаться великаго государя гнѣва“. Никонъ было поколебался отъ этихъ словъ и сталъ что-то писать, но, написавъ немного, разорвалъ бумагу и сказалъ: „Иду-де“. Начался благовѣстъ къ обѣднѣ. Духовныя власти, по обычаю, пришли въ крестовую патріарха, чтобы встрѣтить его и провожать въ соборную церковь. Никонъ велѣлъ притти и иподіаконамъ и подьякамъ въ новыхъ большихъ стихаряхъ и сказалъ: „Пусть проводятъ меня въ послѣдній разъ“. Потомъ, взявъ посохъ Петра чудотворца, пошелъ въ церковь и потребовалъ здѣсь, чтобы его облачили въ саккосъ святителя Петра и омофоръ шестого собора, которые не были приготовлены, а находились на царево-борисовскомъ дворѣ въ палатахъ. Иподіаконы много разъ бѣгали туда, но приносили все не тотъ саккосъ и омофоръ. Никонъ, вмѣстѣ со властями, ждалъ, пока не принесено было требуемое имъ облаченіе. Облачившись, онъ совершилъ литургію вмѣстѣ съ двумя митрополитами (крутицкимъ Питиримомъ и сербскимъ Михаиломъ), однимъ архіепископомъ (тверскимъ Іоасафомъ), архимандритами, игуменами и протопопами. Пока шла литургія, въ алтарѣ уже перешептывались, что патріархъ оставляетъ каѳедру, такъ какъ, по приказанію его, еще утромъ иподіаконъ Иванъ Тверицинъ купилъ для него простую поповскую ключку и разсказалъ о томъ своему товарищу. Во время св. причащенія патріархъ цѣловалъ властей и всѣхъ служащихъ въ уста. Причастившись, сѣлъ на свое сѣдалище и писалъ что-то, вѣроятно, посланіе къ царю, отправленное послѣ, и приказалъ ключарю поставить сторожей у церковныхъ дверей, чтобы никого не выпускали изъ церкви: поученіе будетъ. По заамвонной молитвѣ, Никонъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ и сначала, по обычаю, прочелъ по-

ложенное поученіе изъ бесѣдъ св. Златоуста, касавшееся значенія пастырей Церкви, а затѣмъ повелъ рѣчь отъ себя. Никонъ говорилъ: „Свидѣтельствую предъ Богомъ, предъ Святою Богородицею и всѣми святыми, если бы великій государь царь не обѣщался непреложно хранить св. евангеліе и заповѣди св. апостолъ и св. отецъ, то я не помыслилъ бы принять таковой санъ; но великій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ предъ Господомъ Богомъ, предъ святымъ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы и предъ всѣми святыми, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, предъ своимъ царскимъ синклитомъ и всѣми людьми, и поколику царское величество пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, повинуясь святой Церкви, мы терпѣли; теперь же, когда великій государь измѣнилъ своему обѣщанію и на меня гнѣвъ положилъ неправедно, якоже вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и градъ сей и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву“. Окончивъ свою рѣчь, Никонъ сталъ своими руками разоблачаться: снялъ съ себя митру, омофоръ, саккосъ. Многіе со слезами молили его: „Кому ты оставляешь насъ, сирыхъ?“ Онъ отвѣчалъ: „Кого Богъ вамъ дастъ и Пресв. Богородица изволитъ“. Подьяки принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, но власти мѣшокъ отняли и не дали патріарху надѣть это платье. Онъ пошелъ въ ризницу, надѣлъ тамъ черную мантію съ источниками (архіерейскую) и черный клобукъ, поставилъ посохъ Петра чудотворца на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую клюку и пошелъ изъ церкви. Но православные всѣхъ чиновъ люди соборную церковь заперли и изъ церкви его не пустили, а послали крутицкаго митрополита Питирима съ другими властями извѣстить о всемъ государя. Никонъ, дошедши до своего облачальнаго мѣста среди церкви, сѣлъ на послѣдней его ступени лицомъ къ западнымъ дверямъ и дожидался, что будетъ. Государь, выслушавъ докладъ Питирима, отправилъ въ соборъ своего знатнѣйшаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкого. Боярин, какъ свидѣтельствуютъ въ

своихъ сказкахъ митрополиты крутицкій и сербскій, прежде всего просилъ благословенія у патріарха; но патріархъ боярина не благословилъ, сказавъ: „Прошло де мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ“. Бояринъ: „Въ чемъ твое недостоинство, и что ты сдѣлалъ?“ Патріархъ: „Если тебѣ нужно, я стану тебѣ каяться“. Бояринъ: „То не мое дѣло, не кайся“. Подтверждая это въ своей сказкѣ, самъ бояринъ, князь Трубецкой, показалъ еще слѣдующее: „Я спросилъ патріарха Никона, для чего онъ оставляетъ патріаршество, не посовѣтовавшись съ великимъ государемъ, и отъ чьего гоненія, и кто гонитъ“. И патріархъ отвѣчалъ: „Я оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьего и ни отъ какого гоненія, и государева гнѣва никакого на меня не бывало. А о томъ я прежде билъ челомъ великому государю и извѣщалъ, что мнѣ больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть“. Затѣмъ далъ мнѣ патріархъ письмо и велѣлъ поднесть великому государю, да приказывалъ бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему келлію. Про все то я великаго государя извѣстилъ, и онъ послалъ меня къ патріарху въ другой разъ, велѣлъ отдать ему письмо назадъ и сказать, чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ попрежнему; а келлій на патріаршемъ дворѣ много, въ которой онъ захочетъ, въ той и живи. Никонъ, принявъ письмо, отвѣчалъ: „Я слова своего не перемѣню, да и давно де у меня о томъ обѣщаніе, что патріархомъ мнѣ не быть“. И пошелъ изъ соборной церкви вонъ“.

Ошибся Никонъ въ своихъ расчетахъ — не пришелъ къ нему въ церковь самъ царь, не умолялъ его, вмѣстѣ съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ, не покидать каѳедры, а прислалъ только своего боярина сказать ему, чтобы онъ патріаршества не оставлялъ. Не совсѣмъ понятными кажутся слова Никона Трубецкому: „о томъ я прежде билъ челомъ великому государю и извѣщалъ, что мнѣ больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть“. Впослѣдствіи, въ

одномъ изъ писемъ своихъ къ царю (отъ 25 декабря 1671 года), Никонъ писалъ: „Въ прошломъ 160 (т. е. 1652) году, Божію волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ, и всего освященнаго собора избраніемъ, былъ я поставленъ на патріаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ челомъ билъ, что меня на такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, но ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь". Но извѣстно, что происходило при избраніи Никона, и какъ превозмогъ тогда царскій глаголъ: царь униженно умолялъ тогда Никона принять патріаршество. Подобное повторилось и спустя три года, когда Никонъ вздумалъ проситься въ монастырь,— царь не оставилъ его, а, навѣрно, умолилъ его остаться еще на три года, потому что въ это-то время онъ и сказалъ царю, что больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не будетъ, хотя мы и не знаемъ, когда именно это случилось. Такого же милостиваго указа, иначе такого же моленія со стороны самого царя, безъ сомнѣнія, ожидалъ Никонъ и теперь, по прошествіи второго трехлѣтія его патріаршества, но не дождался.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, смиренно вышелъ онъ изъ соборной церкви и, увидѣвъ вблизи приготовленнаго извозчика съ колесницею, хотѣлъ на нее сѣсть, такъ какъ на Ивановской площади была тогда грязь. Но народъ распрягъ лошадь и разломалъ телѣгу. Никонъ пошелъ по грязи пѣшкомъ. Ему привезли карету; онъ въ нее не сѣлъ, а пѣшій продолжалъ путь до Спасскихъ воротъ. Народъ, слѣдовавшій за нимъ, затворилъ ворота и не хотѣлъ его

выпустить. Никонъ сѣлъ въ одной изъ печуръ (углубленій), и многіе тутъ плакали, что оставляетъ ихъ пастырь. Царскіе сановники велѣли отворить ворота, и Никонъ пошелъ Красною площадью и Ильинскимъ крестцомъ на Воскресенское подворье. Вошедши здѣсь въ свои кельи, далъ благословеніе народу и отпустилъ всѣхъ. „И присла царское величество,—пишетъ Никонъ,— тѣхъ же бояръ (князя Алексѣя Трубецкого съ другими), да не отыду, дондеже не увидимся съ его царскимъ величествомъ. И азъ тамо ожидахъ три дни, и отъ его царскаго величества вѣсти ко мнѣ не было, и по трехъ днехъ отыдохъ". Никонъ, выпросивъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ двѣ плетеныя кіевскія коляски, на одну сѣлъ самъ, а на другую положилъ свои вещи, и отправился въ свой Воскресенскій монастырь. Іюля 12-го царь уже послалъ въ Воскресенскій монастырь къ Никону боярина Алексѣя Трубецкого и дьяка Ларіона Лопухина, какъ сами они пишутъ въ своей сказкѣ, указалъ имъ говорить Никону: „Для чего онъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія, поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ? А если бъ только великому государю вѣдомо было, то онъ велѣлъ бы проводить его, патріарха, съ честію. Да чтобы онъ великому государю, царицѣ, царевичу и царевнамъ подалъ свое благословеніе. А кому изволитъ Богъ и Пресвятая Богородица быть на его мѣстѣ патріархомъ, подалъ бы также благословеніе. Церковь же и домъ Пресвятыя Богородицы, покамѣста патріархъ будетъ, благословилъ бы вѣдать крутицкому митрополиту". Значитъ, у царя было уже рѣшено, что Никонъ патріархомъ московскимъ болѣе не будетъ, что на мѣсто его изберется новый патріархъ, а до избранія новаго должно быть междупатріаршество. Никонъ отвѣчалъ царскимъ посламъ: „чтобъ великій государь, царица и прочіе пожаловали его, простили. А имъ благословеніе и прощеніе посылаетъ. А кого Богъ изволитъ и Пресвятая Богородица, и укажетъ великій государь быть на его мѣстѣ патріар-

хомъ, и онъ, патріархъ, благословляетъ и бьетъ челомъ государю, чтобъ Церковь Божія не вдовствовала и безъ пастыря не была. А Церковь и домъ Пречистыя Богородицы благословляетъ, покамѣста патріархъ будетъ, крутицкому митрополиту. Въ томъ же, что поѣхалъ изъ Москвы вскорѣ, не извѣстя великаго государя, предъ нимъ виноватъ: убоялся того, что его постигла болѣзнь, и ему бъ въ патріархахъ не умереть. Впредь патріархомъ онъ быть не хочетъ; а только де похочу быть патріархомъ, проклятъ буду и анаѳема". Съ тѣми же послами царскими послалъ Никонъ свое благословеніе и прощеніе боярамъ и думнымъ людямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Кромѣ того, Никонъ послалъ еще къ царю, царицѣ и всему царскому семейству собственноручное письмо, въ которомъ говорилъ: „Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, бывшій патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога, ей-ей, со слезами молю. И милости у васъ, государей, и прощенія прошу... Господа Бога ради простите ми, многое къ вамъ, великимъ, мое согрѣшеніе... Второе и третіе и многажды множицею прошу Господа Бога ради, простите мя, да и сами отъ Господа Бога прощенія сподобитесь, и не поминайте ми много моего согрѣшенія: вѣмъ, о вѣмъ, яко много и премного-много къ вамъ, государемъ, мое согрѣшеніе, и велико зѣло; ему же, ей-ей, воистину нѣсть числа. А если, умилосердившись, желаете знать о мнѣ грѣшномъ, то скажу, что по отшествіи (съ Воскресенскаго подворья) вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію, милостиваго указа и не дождался, и многихъ ради болѣзней моихъ велѣлъ отвезти себя въ ваше государево богомолье — Воскресенскій монастырь". Царь прислалъ Никону свое милостивое прощеніе чрезъ стольника Аѳанасія Ивановича Матюшкина.

Такимъ образомъ все, казалось, устроилось мирно. Никонъ самовольно, безъ воли государя, оставилъ каѳедру и уѣхалъ

въ Воскресенскій монастырь; но просилъ прощенія, и государь его простилъ. Никонъ объявилъ, что не будетъ болѣе патріархомъ и въ письмѣ къ царю называлъ уже себя *бывшимъ* патріархомъ; далъ свое благословеніе тому, кто на его мѣсто будетъ избранъ въ патріарха, и билъ челомъ царю, чтобы Церковь не вдовствовала безъ пастыря; благословилъ, наконецъ, впредь до избранія новаго патріарха, править Церковію крутицкому митрополиту. Между царемъ и бывшимъ патріархомъ открылись добрыя сношенія... Но враги Никона, окружавшіе государя, начали еще сильнѣе, чѣмъ прежде, возбуждать его противъ Никона. Они къ одному всѣми средствами стремились: какъ бы совершенно низложить его съ патріаршаго престола. Вслѣдствіе чего въ нашей Церкви слишкомъ восемь лѣтъ происходили замѣшательства и волненія, и продолжался періодъ междупатріаршества, пока Никонъ не былъ совсѣмъ низложенъ и лишенъ сана и на мѣсто его не былъ избранъ новый патріархъ московскій и всея Россіи.

VI.

Годы удаленія патріарха Никона изъ Москвы.

По удаленіи въ Воскресенскій монастырь, Никонъ жилъ въ немъ самымъ строгимъ подвижникомъ, представляя въ себѣ для братіи образецъ иноческихъ трудовъ. По прибытіи въ обитель онъ облекся въ бѣдную и грубую одежду, надѣлъ на себя желѣзныя вериги и всецѣло посвятилъ себя молитвѣ, посту и тѣлеснымъ трудамъ. Въ черной монашеской мантіи, только съ источниками, онъ первымъ являлся въ церковь къ богослуженію и послѣднимъ выходилъ изъ нея. Каждый день, по окончаніи литургіи, онъ со слезами выслушивалъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ, „поемый во всякой скорби душевной и обстояніи“. Келейное правило исполнялъ со всею точностію, по уставу анзерскому, и

продолжалъ до глубокой ночи. Постъ его былъ постоянный и самый строгій. Пищу его составляли хлѣбъ, огородные озощи и въ праздники мелкая рыба; питьемъ служила вода. Между тѣмъ, въ простой бараньей шубѣ, въ рясѣ „изъ власъ агнчихъ пепеловиднаго цвѣта“, подпоясанный усменнымъ поясомъ, покрытый куколемъ, Никонъ, съ простою тростію въ рукѣ, первымъ являлся среди всѣхъ монастырскихъ работъ. Самъ съ братіею ловилъ для обители рыбу; копалъ вокругъ монастыря рвы и пруды и наполнялъ ихъ рыбою; строилъ мельницы, разводилъ огороды и плодовые сады; рубилъ лѣсъ подъ посѣвъ хлѣба, расширялъ и удобрялъ поля; осушалъ болота рвами; улучшалъ покосы, косилъ и убиралъ сѣно, — всегда и вездѣ являлся примѣромъ трудолюбія, исправности и благоразумной опытности; первый исходилъ на всякое дѣло и послѣ всѣхъ полагалъ конецъ своимъ трудамъ.

Во время постовъ, установленныхъ св. Церковію, Никонъ умножалъ свои подвиги. Во 150 саженяхъ отъ обители, на берегу рѣки Истры, онъ устроилъ для уединенія и совершеннаго безмолвія пустыню, съ двумя церквами, по примѣру церквей на Аѳонской горѣ у пустынныхъ отцовъ. Сюда-то онъ удалялся во время св. постовъ, оставляя общежительную обитель, для совершеннаго пустыннаго уединенія и безмолвія. Здѣсь, наединѣ съ собой и Богомъ, изнурялъ плоть свою и возвышалъ духъ свой къ Господу постоянною молитвою, постомъ, колѣнопреклоненіемъ и поклонами. Сонъ его тогда былъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки.

Особеннымъ предметомъ попеченій его и трудовъ была начатая имъ дивная по своему плану церковь Воскресенія Христова. Главное вниманіе Никона было сосредоточено на успѣхѣ и исправности работъ по ея сооруженію. Теперь онъ говорилъ самъ въ себѣ вмѣстѣ съ Давидомъ: „*едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его!*“ При попечитель-

номъ его и неусыпномъ надзорѣ, строеніе церкви совершалось успѣшно. Никонъ самъ носилъ кирпичи для нея, побуждая и поощряя своимъ примѣромъ къ тому же дѣлу и братію своего монастыря.

Такъ было во всѣ работные дни. Въ праздники и царскіе дни Никонъ являлся архипастыремъ. Въ простой, но благообразной архіерейской одеждѣ, съ архипастырскимъ жезломъ въ рукѣ, входилъ тогда Никонъ въ церковь и совершалъ божественную литургію по чинопослѣдованію архіерейскому. Въ это время онъ рукополагалъ въ построенные имъ монастыри іеродіаконовъ и іеромонаховъ и посвящалъ архимандритовъ и поставлялъ въ монастырскія села священниковъ. По совершеніи литургіи, онъ раздѣлялъ съ братіею монастыря общую монастырскую трапезу.

Въ часы, свободные отъ трудовъ, молитвы и послушанія монастырскаго, Никонъ посвящалъ себя чтенію духовныхъ книгъ. Здѣсь онъ продолжалъ, между прочимъ, составлять свою лѣтопись. Изображая превратности царствъ, народовъ и частныхъ людей, Никонъ точнѣе узналъ цѣну своего испытанія въ сладостномъ уединеніи Новаго Іерусалима.

Среди строгихъ подвиговъ благочестія, Никонъ не забывалъ и дѣла милосердія, которое составляло какъ бы душу его жизни. Онъ повелѣлъ братіи принимать и покоить въ обители всѣхъ странниковъ и пришельцевъ, которые приходили сюда во множествѣ для поклоненія святынѣ. Онъ питалъ ихъ нерѣдко вмѣстѣ съ собой въ трапезѣ и содержалъ въ обители до трехъ дней на счетъ монастыря, и не только людей, но „и самый ихъ скотъ“. Нерѣдко случалось, что въ обитель Никона уклонялись для успокоенія утомленные ратники, возвратившіеся въ отчизну съ поля битвы. Никонъ самъ угощалъ ихъ въ братской трапезѣ и даже омывалъ имъ ноги, по заповѣди евангельской. Въ иные дни такихъ гостей было у Никона до двухъ-и трехсотъ. Совершая это самъ въ Воскресенской обители, Никонъ завѣщалъ намѣстникамъ то же дѣлать въ прочихъ своихъ

монастыряхъ. Онъ хотѣлъ вдохнуть во всю свою братію духъ христіанскаго милосердія.

Приходили ли къ Никону люди, желавшіе посвятить себя на всецѣлое служеніе Богу въ Воскресенской обители, онъ никого изъ нихъ не отсылалъ отъ себя, памятуя слово Господа: *грядущаго ко Мнѣ не ижденту вонъ*. Брать „вклады“ съ поступающихъ вновь въ его обитель не было въ обычаѣ у Никона; напротивъ, онъ самъ давалъ новопоступившему иноку всю монашескую одежду.

Царю извѣстны были всѣ высокіе подвиги Никона въ Воскресенскомъ его уединеніи. Поэтому благочестивый государь нерѣдко присылалъ ему богатую милостыню — по тысячѣ и по двѣ тысячи рублей. Кромѣ того, нерѣдко отправлялъ съ своего сытнаго двора множество различныхъ яствъ и питій для братской трапезы. Всякій разъ, когда случалась какая-нибудь особенная радость въ домѣ царя, Никонъ получалъ отъ государя богатые подарки. Въ день тезоименитства особъ царскаго дома, къ Никону посылались именинные пироги, какъ бывало всегда и прежде до удаленія его въ Воскресенскій монастырь.

Особенную милость патріарху оказалъ государь въ томъ, что передалъ въ полное его распоряженіе построенныя имъ обители, со всѣми угодьями, землями и людьми, имъ принадлежащими. Царь запретилъ даже своимъ чиновникамъ брать обыкновенные государственные поборы съ монастырскихъ крестьянъ, приписанныхъ къ обителямъ Никона. Кромѣ того, онъ назначилъ Никону каждогодную плату за камскія соляныя варницы 2000 рублей.

При помощи всѣхъ этихъ средствъ и пособій Никонъ воздвигалъ выше и выше храмъ Воскресенія Господня въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ. Но заботливое сердце царя все еще было обращено къ прежнему своему другу — патріарху Никону.

Страшное пораженіе московскаго войска подъ Конотопомъ крымскими татарами и казаками Выговскаго въ концѣ іюня

1659 года произвело общую тревогу между русскими. Пронеслись слухи, будто татары двигаются на Москву. Въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія столицы. Царь, зная, что Воскресенскій монастырь не укрѣпленъ, послалъ предложить Никону болѣе безопасное убѣжище въ калязинскомъ монастырѣ преп. Макарія. Никонъ будто бы сказалъ на это посланному: „Возвѣсти благочестивому царю, что я въ калязинъ монастырь не пойду; лучше мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ, въ Китай-городѣ въ углу, нежели въ Калязинѣ. А есть у меня, по милости Божіей и государевой, свои крѣпкіе монастыри: Иверскій и Крестный, и я, доложась государю, пойду въ свой монастырь. Возвѣсти великому государю, что я иду къ Москвѣ доложиться ему о всякихъ своихъ нуждахъ“. Посланный спросилъ, про какой Зачатейскій монастырь изволитъ говорить патріархъ. „Про тотъ, — отвѣчалъ Никонъ, — что на Варварскомъ крестцѣ подъ горою у Зачатія“. — „Да тамъ только большая тюрьма, а не монастырь“, замѣтилъ посолъ. „То и есть Зачатейскій монастырь“, сказалъ Никонъ. Скоро затѣмъ Никонъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву и, остановившись на своемъ Иверскомъ подворьѣ, въ тотъ же день послалъ возвѣстить царю, что прибылъ ради нѣкоторыхъ нужныхъ потребъ и желаетъ видѣть его царскія очи. На другой день царь, посовѣтовавшись съ боярами, послалъ думнаго дьяка Алмаза Иванова спросить Никона: ради какихъ нужныхъ потребъ пришелъ онъ? Никонъ отвѣчалъ Алмазу: „Я тебѣ о нужныхъ моихъ потребахъ говорить не буду и чрезъ тебя посылать мое благословеніе не хочу“. На третій день царь извѣстилъ Никона, чтобы явился къ нему наверхъ вечеромъ, и, когда Никонъ прибылъ, встрѣтилъ его на переднемъ крыльцѣ и, введши въ палату, посадилъ его, какъ бывало прежде, спрашивалъ его о здоровьѣ и душевномъ спасеніи и только: потому что тутъ же находились и бояре. Посидѣвъ „мало“, царь и патріархъ пошли къ царицѣ и къ цар-

скимъ дѣтямъ, и потомъ царь отпустилъ Никона въ его Воскресенскую обитель, дозволилъ ему посѣтить двѣ другія его обители — Иверскую и Крестную, и просилъ его на слѣдующій день къ себѣ на обѣдъ; но Никонъ отказался, намѣреваясь рано утромъ въ тотъ день выѣхать изъ Москвы. Царь прислалъ Никону на дорогу двѣ тысячи рублей и для охраны его, кромѣ прежнихъ десяти, назначилъ еще двадцать стрѣльцовъ, которые съ того времени и состояли при Воскресенскомъ монастырѣ. Возвратившись въ эту обитель, Никонъ послалъ государю письмо, въ которомъ благодарилъ его за его великую милость и за присылку стрѣльцовъ изъ Савина монастыря, только просилъ пожаловать имъ пороху, и продолжалъ: „есть на патріаршемъ дворѣ моя лошадка, что̀ прислалъ мнѣ грузинскій царь Александръ, и у меня было замѣчено подарить се государю, моему свѣту, царевичу Алексѣю Алексѣевичу: изволь, государь, ту лошадку взять. Да есть на патріаршемъ дворѣ двѣ мои худенькія каретки: одна куплена у Василья Волынскаго, другую подарилъ князь Иванъ Голицынъ старый: вели, государь, выдать мнѣ хотя одну изъ нихъ, чтобы сдѣлать возчишко для дороги, а телѣжка, въ которой я съ Москвы съѣхалъ, изломалась“.

Въ сентябрѣ Никонъ отправился въ свой Иверскій монастырь и прожилъ тамъ до половины декабря, если не долѣе. А оттуда, взявъ съ собою нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и другихъ вещей, переѣхалъ въ Крестный монастырь, гдѣ и оставался до половины сентября слѣдующаго 1660 года. Въ обоихъ монастыряхъ занимался монастырскими дѣлами и въ Крестномъ окончилъ главную каменную церковь во имя Воздвиженія Честнаго Креста, которую и освятилъ 2-го сентября (1660 г.); устроилъ большой колодецъ, обложилъ его дикимъ камнемъ и соорудилъ надъ нимъ каменную церковь во имя Происхожденія Честныхъ Древъ, и 8 сентября освятилъ деревянную церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, которую построилъ въ монастырской рощѣ. Извѣстно нѣ-

сколько писемъ, какія писалъ Никонъ изъ Иверскаго и Крестнаго монастырей къ преданному ему боярину Никитѣ Зюзину, находившемуся тогда въ Новгородѣ на государевой службѣ. Два письма изъ Крестнаго монастыря особенно ясно отражаютъ въ себѣ тогдашнее состояніе духа ихъ автора. Въ письмѣ отъ 28 іюня Никонъ говорилъ: „Вы снова пишете ко мнѣ и, попрежнему, скорбите о мнѣ и о моихъ скорбяхъ; но меня, плачущаго, утѣшитъ Господь въ будущемъ вѣкѣ, какъ обѣщалъ любящимъ Его. А нынѣ о себѣ писать нечего, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ: едва живъ въ болѣзняхъ своихъ. Крутицкій митрополитъ да чудовскій архимандритъ прислали дьякона Ѳеодосія, жившаго у крутицкаго, съ многимъ чаровствомъ меня отравить. И онъ было отравилъ, да едва Господь помиловалъ: безцемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился. Да и иныхъ со мною четырехъ старцевъ испортилъ... Лежалъ не мало безъ памяти, едва не умеръ; а старцы по три дня лежали и тѣмъ же, чѣмъ я, отпился. И нынѣ животомъ скорбенъ, и впредь не знаю, что̀ будетъ. О всемъ этомъ писано государю къ Москвѣ“.

Между тѣмъ какъ Никонъ проживалъ въ своемъ Крестномъ монастырѣ, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился, наконецъ, разсмотрѣть и рѣшить дѣло объ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры и избраніи ему преемника, столько уже времени тяготившее всѣхъ. Съ этою цѣлію въ февралѣ 1660 года царь созвалъ въ Москвѣ соборъ и въ то же время отправилъ стольника своего Матвѣя Степановича Пушкина въ Крестный монастырь къ Никону спросить его мнѣнія по этому предмету. Въ 16 день февраля всѣ, собравшіеся на соборъ, митрополиты, архіепископы, епископы и прочія духовныя лица, по приказанію государя, предстали предъ лицо его въ Золотой палатѣ, гдѣ находились уже бояре, окольничіе и думные люди. Въ своей рѣчи къ духовенству государь говорилъ: „Мать наша, св. соборная Церковь, вотъ уже годъ и семь мѣсяцевъ не имѣетъ жениха и пастыря, съ тѣхъ

поръ, какъ бывшій ея пастырь самовольно оставилъ свой престолъ и отрекся отъ него. Это видѣли митрополиты сарскій и подонскій Питиримъ и сербскій Михаилъ, тверской архіепископъ Іоасафъ, архимандриты, игумены и другіе, которые были въ тотъ день съ Никономъ въ службѣ. Отъ нихъ взяты сказки за ихъ руками, и тѣ сказки мы пришлемъ къ вамъ на соборъ. И вамъ бы, о Св. Духѣ, разсудить о семъ крѣпко, единодушно и праведно, безъ всякой ненависти и тщетной любви, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, памятуя страшный судъ и воздаяніе". На другой день, 17 февраля, соборъ открылся въ патріаршей крестовой палатѣ. По указу государя, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ на соборъ сказки множества лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыя были свидѣтелями отреченія Никона отъ каѳедры или которыхъ посылалъ тогда царь для переговоровъ съ Никономъ, писанныя 14—15 февраля, слѣдовательно еще предъ открытіемъ собора. Въ послѣдующіе дни представлены были собору еще другія сказки, писанныя уже 20—22 февраля, слѣдовательно по открытіи собора. Всѣ эти сказки соборъ внимательно выслушивалъ, сличалъ, въ чемъ онѣ сходны и въ чемъ несходны, требовалъ словесныхъ объясненій отъ свидѣтелей, писавшихъ сказки и находившихся тутъ же, которые то подтверждали свои показанія, то исправляли или даже давали новыя сказки, и пришелъ къ заключенію, что „святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршескій престолъ своею волею". Объ этомъ послалъ соборъ боярина Петра Михайловича Салтыкова доложить государю. Государь, чрезъ того же Салтыкова, указалъ собору сдѣлать выписку изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцовъ и, на основаніи ея, разсудить „объ отшествіи бывшаго патріарха Никона", а у выписки этой быть архіепископамъ: Маркеллу вологодскому, Иларіону рязанскому, Макарію псковскому, архимандриту чудовскому Павлу и игумену Александрова монастыря Симону. Выписка была сдѣлана, — не только пра-

вилъ, но и толкованій на нихъ. И соборъ, 27 февраля, выслушавъ всѣ эти правила и толкованія, разсуждалъ: а) бывшій патріархъ Никонъ презрѣлъ прошеніе великаго государя чрезъ князя Алексѣя Трубецкого не оставлять каѳедры; презрѣлъ такое же моленіе архіереевъ и прочихъ людей, находившихся при отреченіи его; не повѣдалъ причины своего отреченія ни государю ни архіереямъ; не оставилъ о томъ писанія даже всему священному собору; б) со времени отреченія его, Никона, отъ каѳедры прошло уже годъ и 7 мѣсяцевъ; в) всѣ свидѣтели, которые допрашиваны были на соборѣ, съ евангельскою клятвою подтвердили истинность своихъ сказокъ и въ этихъ сказахъ согласно показали, что Никонъ отрекся отъ своего патріаршества и обѣщался потомъ не быть на каѳедрѣ; г) да и самъ Никонъ въ своей отпискѣ государю, которую государь прислалъ на соборъ съ бояриномъ Петромъ Салтыковымъ, своею рукою написалъ: „бывшій патріархъ Никонъ“. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства и прилагая къ нимъ священныя правила, прочитанныя на соборѣ, соборъ выразилъ свое рѣшеніе такъ: „Правила св. отцовъ всѣ согласно и невозбранно повелѣваютъ на мѣсто епископа, отрекшагося своей епископіи или оставившаго ее, безъ благословной причины, болѣе шести мѣсяцевъ, поставить иного епископа“.

Но этимъ рѣшеніемъ соборъ не могъ ограничиться. Недостаточно было сказать только, что вмѣсто отрекшагося отъ каѳедры Никона слѣдуетъ избрать иного патріарха; необходимо было сказать вмѣстѣ, какъ же поступить съ самимъ Никономъ: считать ли его и впредь патріархомъ, и какія права за нимъ оставить. На рѣшеніе этихъ вопросовъ какъ бы вызывалъ соборъ и самъ Никонъ. Посланный къ нему въ Крестный монастырь стольникъ Пушкинъ возвратился и 6 марта далъ письменную сказку, что онъ прибылъ къ Никону 24 февраля и, по указу государя, говорилъ ему: „Когда ты изволилъ оставить патріаршескій престолъ, и государь посылалъ къ тебѣ не разъ боярина князя Алексѣя

Никитича Трубецкого, чтобы ты возвратился на престолъ, ты отказалъ боярину, на престолъ не возвратился и подалъ великому государю благословеніе выбрать другого патріарха, кого пожелаетъ. Послѣ посланы были къ тебѣ думный дворянинъ Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣ же рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впредь быть не хочешь, и объ избраніи на свое мѣсто патріарха благословеніе государю подалъ". Никонъ отвѣчалъ: „Какъ пріѣзжалъ ко мнѣ отъ государя бояринъ князь Трубецкой, онъ на патріаршество меня не звалъ, а говорилъ мнѣ о томъ въ Москвѣ въ соборной церкви, чтобы я на престолъ возвратился. И думный дворянинъ Елизаровъ также меня не звалъ, только выговаривалъ. А великому государю отъ меня благословеніе всегда: невозможно рабу не благословить своего государя. Но на такое дѣло, чтобы поставить патріарха безъ меня, я не благословляю: кому безъ меня ставить патріарха и митру на него возложить? Мнѣ дали митру патріархи вселенскіе, и митрополиту возложить на патріарха митру невозможно. Я оставилъ престолъ, но архіерейства не оставлялъ, и всѣ власти моего рукоположенія и, при поставленіи своемъ, дали въ своемъ исповѣданіи клятвенное обѣщаніе предъ всею Церковію не хотѣть имъ иного патріарха, кромѣ меня: какъ же имъ безъ меня ставить новоизбраннаго патріарха?" При этомъ Никонъ вручилъ Пушкину свое письмо къ государю и промолвилъ: „Если государь изволитъ мнѣ быть въ Москвѣ, то я, по указу его, новоизбраннаго патріарха поставлю и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. Только бы государь не велѣлъ отнимать у меня монастырей моего строенія, да указалъ давать мнѣ часть отъ соборной церкви, чтобы мнѣ быть сыту". Въ письмѣ къ государю, которое привезъ Пушкинъ, Никонъ также говорилъ, что для благозаконнаго и праведнаго избранія новаго патріарха долженъ быть призванъ онъ, Никонъ, и что онъ, когда избраніе со-

борнѣ и благочестиво совершится, преподастъ новоизбранному, чрезъ рукоположеніе, ту же благодать, которую прежде самъ пріялъ, и разрѣшитъ всѣхъ архіереевъ отъ даннаго ими, при поставленіи на архіерейство, клятвеннаго обѣщанія — не хотѣть иного патріарха, кромѣ его, Никона. Оба эти документа: письмо Никона и сказка Пушкина, прочитанные 14 марта, по волѣ государя, въ его Золотой палатѣ, въ присутствіи его самого, бояръ, окольничихъ и царскаго духовника, благовѣщенскаго протопопа Лукіана, показали, что Никонъ не только продолжаетъ считать себя патріархомъ, но одному себѣ усвояетъ право рукоположить новаго патріарха для Москвы и, по рукоположеніи его, желаетъ еще пользоваться частію изъ его патріаршихъ доходовъ отъ соборной церкви: тѣмъ необходимѣе было собору заняться рѣшеніемъ вопроса о самомъ Никонѣ, какъ отрекшемся отъ своей каѳедры.

И соборъ дѣйствительно занялся. Снова обратились къ церковнымъ правиламъ, а вмѣстѣ и къ церковной исторіи. Собрано было множество примѣровъ, изъ которыхъ одни показывали, что патріархи и вообще архіереи, самовольно оставившіе свой престолъ, вновь на престолъ свой не возвращались; другіе показывали, напротивъ, что такіе архіереи снова возвращаемы были на свои каѳедры; третьи, что архіереи, самовольно отрекшіеся даже отъ своего архіерейства, снова сподоблялись архіерействовать; четвертые, что еще при жизни патріарховъ и епископовъ, самовольно оставившихъ свой престолъ, на ихъ мѣста поставлялись иные патріархи и епископы. Въ 20 день марта, по приказанію государя, собрались въ его Золотой палатѣ знатнѣйшіе бояре, окольничіе и думные люди; потомъ пришли туда же и предстали государю митрополиты, архіепископы и епископы и прочія власти и сказали, что принесли составленныя, по его государеву указу, выписки изъ свящ. правилъ. Когда, послѣ краткаго молебствія, всѣ духовные и свѣтскіе сѣли, царь приказалъ читать выписки рязанскому архимандриту

Стефану, а по окончаніи чтенія пригласилъ всѣхъ духовныхъ высказывать свои мнѣнія, кто что вѣдаетъ. Первый высказалъ свою мысль ученый епископъ полоцкій Каллистъ, за нимъ говорили крутицкій, рязанскій и другіе архіереи и архимандриты. Мнѣнія оказались различны, и эта разность обнаружилась еще болѣе въ послѣдующихъ засѣданіяхъ собора. Одни, и преимущественно греческіе, архіереи, которые, по повелѣнію государя, также приглашены были для участія въ соборѣ, утверждали, что Никонъ, самовольно отрекшійся отъ своего престола, долженъ быть лишенъ архіерейства и даже священства; другіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свою ученость іеромонахъ Епифаній Славеницкій, говорили, что Никонъ, хотя и самовольно отрекся отъ каѳедры, не долженъ быть лишаемъ архіерейства и священства. Третье мнѣніе выразилъ ученый архимандритъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, обратившій на себя вниманіе царя своими рѣчами къ нему въ Полоцкѣ. Въ рѣчи своей предъ царемъ и соборомъ, 10 мая, этотъ архимандритъ высказалъ: дѣтямъ отца и словеснымъ овцамъ верховнаго пастыря судить не подобаетъ, и собору русскаго духовенства не иначе возможно разсудить и разрѣшить правильно дѣло своего патріарха Никона, какъ только по согласію съ бо́льшимъ соборомъ великой Церкви константинопольской и со вселенскимъ патріархомъ. Славеницкій подалъ государю особую записку съ изложеніемъ своего мнѣнія, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: по правиламъ, Никона, хотя и отрекшагося отъ своей каѳедры, можно вновь возвести на нее, если онъ достоинъ; а если недостоинъ, то нужно прежде судить его и низложить, и только тогда на мѣсто его можно будетъ возвести другого; а судить Никона нельзя безъ цареградскаго патріарха. Впрочемъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, можно и теперь, безъ суда надъ Никономъ. возвести на оставленную имъ каѳедру другого патріарха: только и Никона не слѣдуетъ отчуждать архіерейскаго слу-

женія и чести. Если же онъ, находясь въ этой чести, начнетъ творить смятеніе, то тѣмъ самымъ повиненъ будетъ лишенію архіерейскаго сана. Равнымъ образомъ и въ присутствіи собора, когда Епифанія спросили его мнѣнія, онъ въ 26-й день мая отвѣчалъ: „О томъ, чтобы Никонъ былъ чуждъ архіерейства и священства, я не только писать, но и говорить не дерзаю; я не нашелъ такихъ правилъ, чтобы архіерея, самовольно оставившаго свой престолъ, но не отрекшагося отъ архіерейства, отчуждали отъ архіерейства и священничества". А въ 15-й день іюня сказалъ, между прочимъ, что вновь поставленный на мѣсто Никона патріархъ, какъ престольный, будетъ имѣть полную власть запретить бывшему патріарху, т. е. Никону, если послѣдній ему не покорится и безъ его благословенія дерзнетъ совершать архіерейскія дѣйствія. Съ своей стороны и греческіе архіереи подали свою записку на имя царя и собора, и говорили, что несправедливо нѣкоторые, по дружбѣ къ Никону и невѣрно толкуя правила, не соглашаются съ мнѣніемъ всего собора, который опредѣлилъ низложить Никона и лишить священства до тѣхъ поръ, пока онъ не смирится и не станетъ молить о возвращеніи ему священства предъ новымъ патріархомъ и соборомъ. Напрасно указываютъ на примѣръ цареградскихъ патріарховъ, которые, хотя и оставляютъ свою каѳедру, одинъ за другимъ, но не лишаются черезъ то своего архіерейства и продолжаютъ священнодѣйствовать: эти патріархи оставляютъ свою каѳедру не самовольно, а поневолѣ, по насилію и пребезаконно прогоняются отъ своего престола нечестивыми турками. Совсѣмъ другого рода примѣръ извѣстенъ изъ дѣяній третьяго вселенскаго собора. Когда Евстаѳій, епископъ памфилійскій, отрекся отъ своей каѳедры, это отреченіе вмѣнено было ему въ вину, и онъ лишенъ былъ архіерейства и священства. Когда же онъ со смиреніемъ и слезами притекъ ко вселенскому собору и просилъ возвратить ему имя и честь епископа, соборъ разрѣшилъ ему именоваться епископомъ, равно свя-

щеннодѣйствовать и рукополагать, но только по приглашенію и съ дозволенія мѣстнаго епархіальнаго епископа. Вотъ по этому образцу слѣдуетъ поступить и съ Никономъ. Вслѣдствіе этой записки греческихъ архіереевъ, Епифаній подалъ государю новую свою записку, въ которой говорилъ, что изъ двухъ рѣшеній собора первое — объ избраніи и поставленіи новаго патріарха на мѣсто Никона — признаетъ правильнымъ и благополезнымъ, а второе — о низложеніи Никона и лишеніи его священства — понять не можетъ. Изложивъ причины, почему не можетъ согласиться съ этимъ рѣшеніемъ, Епифаній присовокупилъ: „Я не имѣю въ виду прекословить священному собору и не осуждаю писанія, написаннаго отъ греческихъ архіереевъ и богомудраго Діонисія архимандрита (святогорца), но заявляю мнѣніе моего худого ума, чтобы оно, если покажется священному собору благословнымъ, было принято, а если не благословнымъ, было отвергнуто". Начались опять пренія на соборѣ. Греки отстаивали свое мнѣніе и ссылались особенно на 16-е правило двукратнаго собора, которое гласитъ: „Аще кто изъ епископовъ, пребывая въ своемъ достоинствѣ, и не хощетъ отрещися, и не желаетъ пасти народъ свой, но, удаляясь изъ своей епископіи, болѣе шести мѣсяцевъ остается въ другомъ мѣстѣ, таковый да будетъ совершенно чуждъ епископскія чести и достоинства". Греки увѣряли, что вслѣдъ за симъ въ греческомъ текстѣ того же правила сказано еще: „безумно убо есть епископства отрицатися, держати же священство". Эти послѣднія слова подѣйствовали на самого Епифанія; онъ не дерзнулъ прекословить имъ и далъ свое согласіе на низверженіе Никона. Послѣ того государь далъ приказъ Епифанію составить соборное опредѣленіе. Но Епифаній, когда, возвратившись домой, вздумалъ провѣрить увѣренія грековъ, не нашелъ подѣйствовавшихъ на него словъ въ греческомъ текстѣ правилъ и поспѣшилъ представить государю новую записку, въ которой говорилъ: „Я прочелъ истинное правило греческое (16-е

двукратнаго собора) и не нашелъ въ немъ словъ: „безумно бо есть епископства отрещися, держати же священство". Почему отрекаюсь отъ моего согласія на низверженіе Никона, каюсь и смиренно прошу прощенія. Новопоставленный патріархъ въ правѣ будетъ или благословить бывшаго патріарха Никона, да архіерействуетъ въ томъ монастырѣ, гдѣ будетъ жить, или запретить ему архіерействовать, если не поклонится новопоставленному патріарху и безъ его благословенія дерзнетъ архіерействовать; а если запрещенія не послушаетъ, то да низвержется. Я готовъ исполнить повелѣніе вашего величества и составить соборное опредѣленіе объ избраніи и поставленіи новаго патріарха: это согласно съ правилами; но о низверженіи Никона писать не дерзаю, потому что не нашелъ такого правила". Государь поколебался и, вѣроятно, потребовалъ отзыва отъ нѣкоторыхъ другихъ членовъ собора, если не отъ всего собора, потому что сохранилось „Слово отвѣщательное" къ царю не одного, а нѣсколькихъ лицъ по этому предмету. Они писали, что хотя Никонъ, самовольно оставившій свою паству и не шесть только, болѣе уже *восемнадцати* мѣсяцевъ живущій вдали отъ нея, по правиламъ и даже по царскимъ законамъ, заслуживаетъ низложенія, но, по древнимъ примѣрамъ, и ему, „аще повелитъ святое и превеликое твое царство и св. соборъ и синклитъ", можно оказать „снисхожденіе и человѣколюбіе", какое оказалъ третій вселенскій соборъ епископу памфилійскому Евстаѳію, и не лишать его архіерейства и священства: „зане аще и господинъ Никонъ въ прочихъ внѣшнихъ вещехъ и во отреченіи своемъ погрѣши, яко человѣкъ, но въ догматахъ благочестивыя и православныя вѣры бѣ благочестивѣйшій и правъ, и во апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ восточныя Церкве бѣ зѣло ревнитель... И да не явимся тяжки, молимъ о томъ великое твое царство, и съ дерзновеніемъ пишемъ къ тебѣ, яко къ царю христіаннѣйшему, кротчайшему и блягоутробнѣйшему". Царь охотно согласился на снисхожденіе Нико-

ну, и тогда Епифаній, обрадованный такимъ исходомъ дѣла, написалъ до крайности витіеватое и напыщенное „Дѣяніе соборное“, въ которомъ изобразилъ общими чертами весь ходъ собора отъ начала до конца; но изложилъ только тѣ разсужденія собора, которыя касались вопроса объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона, а совершенно умолчалъ о тѣхъ, которыя касались вопроса о низложеніи Никона, и окончательное рѣшеніе собора выразилъ такъ: „да вмѣсто благоговѣйнаго Никона, бывшаго патріарха московскаго, самовольно престолъ свой партіаршескій оставльшаго, инъ святѣйшій патріархъ московскій правильно изберется, благодатію Духа Святаго восхиротонисуется и въ душевную всего благочестиваго рода россійскаго пользу на престолъ патріаршескій возведется“. Это соборное Дѣяніе, въ 14 день августа 1660 года, подписали всѣ присутствовавшіе на соборѣ шестнадцать архіереевъ, многіе архимандриты, игумены и протопопы, въ томъ числѣ и греческіе три архіерея съ архимандритомъ Діонисіемъ святогорцемъ и полоцкій архимандритъ Игнатій Іевлевичъ.

Никонъ, когда узналъ объ этомъ соборѣ (самые акты соборные кѣмъ-то сообщены были Никону), отнесся къ нему съ крайнею непріязнью и называлъ его не иначе, какъ синагогою іудейскою, а дѣйствія его — антиканоническими, во-первыхъ, потому, что онъ, Никонъ, не былъ приглашенъ на соборъ для оправданія и осужденъ заочно; во-вторыхъ, потому, что былъ судимъ тѣми, которые отъ него же получили рукоположеніе, словно отецъ дѣтьми; въ-третьихъ, потому, что соборъ созванъ былъ однимъ царемъ, безъ участія патріарха.

И царь не оказалъ къ соборному рѣшенію надлежащаго вниманія: онъ поколебался въ довѣріи къ собору, въ виду происходившихъ въ немъ разногласій, и побоялся, какъ бы не погрѣшить противъ церковныхъ правилъ. Къ избранію новаго патріарха, какъ опредѣлено было соборомъ, царь вовсе не приступалъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Всѣ труды собора, продолжавшіеся около полугода, не привели теперь ни къ чему, хотя впослѣдствіи, какъ увидимъ, они послужили важнѣйшимъ пособіемъ для восточныхъ патріарховъ, вмѣстѣ съ новымъ соборомъ судившихъ Никона.

Между царемъ и бывшимъ патріархомъ вскорѣ послѣ собора возобновились было добрыя отношенія. Въ Воскресенскій монастырь прибылъ окольничій Иванъ Михаиловичъ Милославскій и отъ имени царя говорилъ Никону, что боярину Борисъ Ивановичъ Морозовъ (своякъ и бывшій воспитатель царя) изнемогаетъ, и что если была отъ него патріарху какая-либо досада, то простилъ бы его. Никонъ письменно отвѣчалъ царю: „Досады отъ него намъ мы не вѣдаемъ, кромѣ любви и милости, а хотя бы и было что, мы, какъ подражатели Христовы, прощаемъ ему все, въ чемъ, яко человѣкъ, согрѣшилъ предъ нами; а когда Господь пошлетъ по душу его, мы напишемъ ему, если угодно вашему благородію, и разрѣшительную грамоту. Много работалъ онъ тебѣ, великому государю: поболѣзнуй же и ты о немъ нынѣ, а отходящимъ отъ міра сего ничто столько не пользуетъ, какъ милостыня и приношеніе жертвъ. Мы же, богомольцы твои, оскудѣли нынѣ всѣмъ въ созиданіи церкви Воскресенія Христова и св. Голгоѳы и св. живоноснаго гроба Христова, и потому молимъ твою кротость о милостынѣ на созданіе храма и на пропитаніе намъ, бѣднымъ, и мы, пока живъ боярин Борисъ Ивановичъ, будемъ молиться о спасеніи его, а по кончинѣ его не перестанемъ поминать его... Не грѣхъ будетъ, если и вотчинку пожалуешь на вѣчное пропитаніе служащимъ въ церкви и пѣнязи... А всего полезнѣе было бы для души боярина, если бы онъ, по смерти, и положенъ былъ въ дому Живоноснаго Воскресенія, при св. Голгоѳѣ, противъ великихъ вратъ: тогда память великаго боярина не престала бы вовѣкъ, и Богъ успокоилъ бы душу его, по нашимъ смиреннымъ молитвамъ, со святыми“. Не знаемъ, пожаловалъ ли что-либо

государь Никону по этой просьбѣ, но другую его просьбу уважилъ. Въ январѣ 1661 года послѣдовалъ царскій указъ взять съ монастырей Никонова строенія (какъ и съ другихъ монастырей) даточныхъ людей не только за этотъ, но и за два предшествовавшіе года. Никонъ написалъ челобитную, въ которой, перечисляя, сколько прежде доставлялъ онъ съ своихъ монастырей даточныхъ людей на службу государя, умолялъ его не брать нынѣ даточныхъ людей съ тѣхъ монастырей, по крайней мѣрѣ, за два предшествовавшіе года. Къ Никону присланъ былъ Родіонъ Стрѣшневъ извѣстить, что царь его пожаловалъ и брать даточныхъ людей съ его монастырей за прошлые два года не указалъ. Изъ той же челобитной Никона видно, что со всѣхъ вотчинъ Воскресенскаго монастыря, по милости государя, не брались даточные люди и за всѣ прежніе годы „ради монастырскаго строенія“. Въ ноябрѣ того же 1661 года, 1 числа, государь прислалъ Никону съ Григоріемъ Никифоровичемъ Собакинымъ три тысячи рублей и просилъ, чтобы Никонъ написалъ разрѣшительную молитву для скончавшагося боярина Ильи Ивановича. Никонъ благодарилъ письмомъ государя за присланную милостыню, выражаясь, что „вложитъ“ ее въ церковь Живоноснаго Воскресенія Господня, тогда строившуюся, и послалъ разрѣшительную грамоту съ тѣмъ, чтобы она прочитана была духовникомъ умершаго боярина надъ его тѣломъ и вложена въ его руки.

Но вскорѣ же, послѣ бывшаго собора на Никона и послѣ возвращенія его изъ Крестной въ Воскресенскую обитель, начались у него столкновенія съ сосѣдями по земельнымъ владѣніямъ, снова нарушившія миръ между нимъ и государемъ. Какой-то Иванъ Сатинъ подалъ царю челобитную, что крестьяне Воскресенскаго монастыря скосили сѣно на его землѣ болѣе трехсотъ копенъ, стрѣляли въ него самого и покушались разорить его жилище. Царь прислалъ эту челобитную, 15 декабря 1660 г., самому Никону, чтобы

онъ послалъ произвести по ней разслѣдованіе. Никонъ поручилъ своему боярскому сыну Ражѣйскому произвесть сыскъ и сыскныя рѣчи отослалъ къ государю. Дѣло на этотъ разъ обошлось спокойно. Другой сосѣдъ по имѣніямъ, окольничій Романъ Бабарыкинъ, у котораго Никонъ и купилъ вотчину подъ свой Воскресенскій монастырь, завладѣлъ кочеваровскою землею и ивановскими лугами, которые монастырь считалъ своими. Архимандритъ и намѣстникъ монастыря били челомъ государю о праведномъ сыскѣ по писцовымъ книгамъ. Указъ государевъ почему-то позамедлилъ, а между тѣмъ пришло время снимать на спорной землѣ хлѣбъ и сѣно, и Никонъ, не дождавшись царскаго указа, велѣлъ своимъ крестьянамъ сжать хлѣбъ и скосить сѣно на той землѣ. Бабарыкинъ принесъ жалобу. Отъ царя присланы были сыщикъ и подьячій, которые и произвели сыскъ и хотѣли, какъ имъ было велѣно, дать судъ и воскресенскимъ властямъ, но получили отъ нихъ сказку, что „простому человѣку нельзя судить людей Божіихъ, особенно освященныхъ“, которую и отвезли въ Москву. Не дождавшись рѣшенія по произведенному сыску и царскаго указа, Никонъ приказалъ свезти спорное сѣно своимъ людямъ. Бабарыкинъ снова принесъ жалобу, и 3-го декабря 1661 г. присланы были, по царскому указу, тѣ же сыщикъ и подьячій произвести новый сыскъ и взять монастырскихъ крестьянъ въ Москву для разспросовъ. Никонъ счелъ себя обиженнымъ и написалъ къ государю письмо: „Начинаю письмо къ твоему благоразумію словами, безъ которыхъ никто изъ насъ, богомольцевъ вашихъ, не смѣетъ писать къ вамъ, государямъ: Бога молю, челомъ бью. И словомъ и дѣломъ исполняемъ мы это, по долгу своему и по заповѣди апостола Павла; но щедротъ твоихъ умолить не можемъ... Но злоначальный змій нигдѣ насъ не оставляетъ и навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Бабарыкинымъ, смущая твое благородіе... Романъ, врагъ Божій, враждуетъ на домъ Божій и на насъ, вашихъ сми-

ренныхъ богомольцевъ, и то все лжетъ. Посему молимъ вашу кротость перестать отъ гнѣва, оставить ярость и не слушать лукавнующихъ... Мы столько терпимъ поруганій отъ твоихъ синклитиковъ! Если ты, вѣдая это, потерпишь такому проклятому и не отмстишь, то гнѣвъ Божій не укоснитъ притти на тебя. А мы ради Христа не только принять поношенія и укоренія, но и умереть готовы".

Высказавъ свое огорченіе передъ царемъ, Никонъ не замедлилъ высказать еще болѣе рѣзко свой гнѣвъ на архіереевъ. Въ 1662 г., въ недѣлю православія, онъ совершалъ литургію въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ и во время обряда православія торжественно проклялъ, или анаѳематствовалъ, стоявшаго тогда во главѣ русской іерархіи крутицкаго митрополита Питирима, — проклялъ за три вины: „за дѣйство Ваія (шествіе на осляти), за поставленіе Меѳодія, епископа мстиславскаго, и за досадительное и поносительное къ себѣ слово". Эта анаѳема смутила всѣхъ въ Москвѣ. Царь потребовалъ мнѣнія по этому дѣлу отъ архіереевъ. Извѣстны письменные отвѣты къ царю митрополитовъ: новгородскаго — Макарія и ростовскаго — Іоны, архіепископа рязанскаго Іоны, епископовъ: вятскаго — Александра и полоцкаго — Каллиста. Всѣ они единогласно признали поступокъ Никона несправедливымъ и противоканоническимъ.

Когда получены были отзывы архипастырей, равно осудившихъ анаѳему, произнесенную Никономъ на митрополита Питирима, послѣдній подалъ царю, 13 октября 1662 г., челобитную на Никона за эту незаконную клятву.

Въ этомъ-то году явился въ Москвѣ газскій митрополитъ, Паисій Лигаридъ, которому суждено было принять важное участіе въ несчастномъ дѣлѣ Никона. Паисій, въ мірѣ Панталіонъ, Лигаридъ родился на островѣ Хіосѣ; воспитывался въ Римѣ подъ руководствомъ іезуитовъ, въ тамошней коллегіи, основанной для грековъ. По окончаніи ученія,

возвратился было на родину съ мыслію о распространеніи римской вѣры; но вскорѣ переселился въ Молдовалахію и сдѣлался дидаскаломъ ясскаго училища. Здѣсь умѣлъ понравиться іерусалимскому патріарху Паисію, поступилъ въ его свиту и въ 1650 г. принималъ участіе въ извѣстномъ „преніи о вѣрѣ съ греки“ старца Арсенія Суханова. По возвращеніи въ Іерусалимъ, патріархъ Паисій постригъ Лигаридія, или Гордія, 16 ноября 1651 г., въ храмѣ Воскресенія Христова, въ монашество, назвавъ Паисіемъ, и отдалъ его подъ начало находившемуся тогда въ Іерусалимѣ старцу Арсенію Суханову. Тотъ же патріархъ не замедлилъ возвести своего соименника Лигарида въ санъ митрополита газскаго, который, однакоже, недолго оставался въ своей разоренной епархіи и въ 1656 г. опять очутился въ землѣ волошской, гдѣ и познакомился съ нимъ антіохійскій патріархъ Макарій, возвращавшійся изъ Москвы. Изъ Валахіи Паисій Лигаридъ написалъ письмо къ соотечественнику своему Арсенію греку, служившему при патр. Никонѣ, и выражалъ желаніе побывать въ Москвѣ и видѣть Никона. Никонъ, въ 1 день дек. 1656 г., отвѣчалъ Лигариду: „Слышахомъ о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія, и яко желаеши видѣти насъ, великаго государя: тѣмъ и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію пріяти хощемъ; точію, пріемъ сія наша письмена, къ царствующему граду Москвѣ путешествовати усердствуй“. И въ тотъ же день написалъ еще четыре письма: къ воеводѣ молдавскому Стефану, къ воеводѣ мутьянскому Константину и къ митрополитамъ: молдавскому — Гедеону и угровлахійскому — Стефану, чтобы они отпустили Паисія Лигарида въ Москву съ любовію и снабдили всѣмъ потребнымъ на дорогу. Неизвѣстно, почему не состоялась тогда поѣздка къ намъ Лигарида: она состоялась только спустя болѣе шести лѣтъ, когда Никонъ не былъ уже великимъ государемъ. Въ 12 день февраля 1662 г. прибылъ въ Путивль, какъ извѣщали царя мѣстные воеводы, „изъ Іерусалима газскаго Предте-

чева монастыря митрополитъ Паисій, а съ нимъ архимандритъ его Леонтій, успенскій игуменъ Пахомій, архидіаконъ Неофитъ, Троицкаго монастыря келаря Арсенія (т. е. Суханова), что живетъ на Москвѣ, племянникъ его греченинъ Юрья, да толмачъ Христофоръ, да митрополичьихъ спѣвакъ четыре человѣка". Съ митрополитомъ пріѣхали также четверо русскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ двухъ выкупилъ онъ самъ въ Яссахъ у татаръ, заплативъ тысячу ефимковъ. Паисій объявилъ, что идетъ бить челомъ о милостынѣ по царскому указу. Паисій со всею своею свитой былъ пропущенъ въ Москву и 9 апрѣля представлялся государю, поднесъ ему модель гроба Господня, іорданскую воду, іерусалимскія свѣчи и получилъ отъ него жалованья: кубокъ серебряный, камку, 40 соболей и тридцать рублей деньгами. Вскорѣ Паисій подалъ челобитную, въ которой говорилъ, что его небольшая епархія газская терпитъ крайнія притѣсненія отъ турокъ, и что онъ, не желая болѣе переносить эти насилія, договорился давать выкупъ за своихъ христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ съ условіемъ, чтобы турки не тѣснили тѣхъ христіанъ и не обращали ихъ въ свою вѣру, а его самого не выгоняли изъ епархіи. Государь приказалъ выдать Паисію еще сто рублей деньгами да на 50 руб. соболями изъ сибирскаго приказа.

Услышалъ о пріѣздѣ Лигарида и патріархъ Никонъ и прислалъ къ нему Арсенія грека съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Пріѣзду митрополита газскаго и брата своего по духу бывшій патріархъ Никонъ очень и очень радуется; онъ уповаетъ, что тобою все придетъ къ глубочайшему миру и рушится средостѣніе, возникшее между царемъ и патріархомъ". Паисій принялъ съ удовольствіемъ эти привѣтственныя слова и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ патріаршему послу.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ со времени прибытія Паисія Лигарида въ Москву, онъ, въ самый день Пятидесятницы, подалъ по дѣлу Никона письмо на имя государя и

убѣждалъ его ревностнѣе заняться этимъ дѣломъ для блага Церкви и государства. „Патріаршее достоинство, — писалъ Паисій, — превышаетъ всѣ прочія, и потому всѣ признаютъ крайне непристойнымъ, что такое высокое сѣдалище въ продолженіе четырехъ лѣтъ остается обнаженнымъ и безъ своего украшенія. Дѣло неслыханное, чтобы патріаршая Церковь столь долгое время пребывала въ затменіи, подобно лунѣ, и лишена была своего законнаго пастыря, какъ вдовица, не имѣющая мужа. Позволительно разсуждать такъ: если Никонъ дѣйствительно обремененъ преступленіями, то опредѣленіемъ собора, какъ недостойный, да извержется, ибо за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе; если же онъ окажется невиннымъ и не подлежащимъ никакому осужденію, тогда пусть свободно возвратится на свою каѳедру, совершенно оправданный, и такимъ образомъ положится конецъ замѣшательству. Россія сдѣлалась позорищемъ для всего міра, и всѣ народы ожидаютъ видѣть развязку этого печальнаго обстоятельства. Къ тому же, да обнаружится невинность и правда: ибо доселѣ еще носится ложный слухъ, будто патріархъ Никонъ бѣжалъ по причинѣ угрожавшей ему опасности тайнаго убійства и вслѣдствіе открывшагося тиранскаго заговора. Такая молва наноситъ великое безчестіе всему государству укоризною въ отцеубійствѣ и обвиняетъ, прежде всего, ваше царское величество, потомъ сенатъ и весь народъ въ такомъ смертномъ грѣхѣ, о которомъ и подумать страшно... Такимъ-то сужденіямъ и клеветѣ иностранцевъ подвергаешься ты, Алексѣй, человѣкъ Божій, изъ-за одного Никона, осыпаннаго твоими милостями и благодѣяніями. Но я вижу уже, что медъ превращенъ въ соль и прекрасное вино въ оцетъ безпримѣрною неблагодарностію. Остается какъ можно скорѣе снестись съ цареградскимъ патріархомъ и подробно увѣдомить его, какъ вселенскаго, обо всемъ, чтобы онъ могъ произнести правильное сужденіе въ такомъ важномъ дѣлѣ, отъ котораго чрезвычайно страдаетъ слава всего царства... Донесеніе же

къ патріарху должно быть написано на греческомъ языкѣ, чтобы удобнѣе могло быть понято безъ помощи переводчика, и тайны вашего величества не разгласились между многими разномыслящими". Въ концѣ письма Паисій сдѣлалъ приписку: „Садъ, запертый для алчущихъ, и источникъ, запечатанный для жаждущихъ, какъ бы не существуютъ. Говорю къ тому, что давно уже извѣстно о собраніи вашимъ величествомъ изъ разныхъ библіотекъ многихъ превосходныхъ книгъ. Посему нижайше прошу дозволить мнѣ свободный входъ для разсмотрѣнія и чтенія тѣхъ греческихъ и латинскихъ кодексовъ".

Патріарху Никону кѣмъ-то была сообщена копія съ этого письма Паисіева, и онъ отправилъ къ Паисію длинную грамоту на славянскомъ языкѣ, которую перевелъ для него на латинскій языкъ учитель Епифаній Славеницкій и которую мы представимъ, по возможности, въ сокращеніи. „Не тайно для насъ, — говорилъ патріархъ, — что твое преосвященство написалъ къ царскому величеству о нынѣшнемъ нужномъ дѣлѣ. Но я лучше сообщу тебѣ вѣдомость, что и какъ происходило отъ начала. Милостію Св. Духа наше смиреніе посажено на патріаршемъ престолѣ согласно съ постановленіемъ, бывшимъ во дни благочестиваго царя Ѳеодора Ивановича, и утвержденнымъ всѣми четырьмя вселенскими патріархами и иными преосвященными архіереями. Шесть лѣтъ сидѣли мы на патріаршемъ престолѣ московскомъ и были согласны во всемъ съ милостивымъ царемъ нашимъ, кромѣ церковнаго суда. Царское величество, вопреки правилъ св. соборовъ и св. отцовъ, пріялъ себѣ власть судить насъ самихъ и иныхъ преосвященныхъ, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, монастыри и весь чинъ церковный. Да на что лучшее свидѣтельство? Ты и самъ видишь на Москвѣ, какъ приближается тиранское разореніе Церкви, какъ, по царскому указу, мірскіе люди судятъ насъ самихъ и всѣхъ архіереевъ. Въ іюлѣ 1658 г., когда царь устроилъ пиръ для грузинскаго царевича, одинъ изъ вель-

можъ ударилъ нашего стряпчаго, и царь не наказалъ виновнаго, несмотря на нашу просьбу; 8 іюля царь не пришелъ, противъ обычая, ни ко всенощной ни къ обѣднѣ въ Казанскую церковь, разсердившись на меня; 10 іюля также не пришелъ въ соборную церковь, а только прислалъ ко мнѣ въ келлію одного князя съ неприличными словами и съ безчестіемъ. И мы, слыша похвалку, вздумали дать мѣсто гнѣву и, окончивъ литургію, послали ключаря съ извѣщеніемъ государю, что мы отходимъ ради его несправедливой ярости, слѣдуя евангельскому слову: когда будутъ васъ *обижать* въ томъ градѣ, бѣгите въ другой, отрясая прахъ отъ ногъ вашихъ. Царь прислалъ въ церковь вельможу съ тѣми же позорными словами, какъ и прежде. И мы вышли, и пробыли здѣсь въ Воскресенскомъ монастырѣ годъ и два мѣсяца, и терпѣли недостатокъ въ харчахъ, и отошли въ другой монастырь и третій, который находится на морѣ, и въ томъ пристанищѣ жили годъ. Тогда царь собралъ власти и, ничего не сказавъ имъ, какъ произошло мое отшествіе съ престола, велѣлъ написать на меня нѣкоторымъ изъ живущихъ въ его палатахъ лживыя свидѣтельства, а иныхъ мученіями заставилъ говорить о мнѣ, что я добровольно оставилъ престолъ свой; епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ далъ дары, чтобы, не спросивъ моего отвѣта, почему я отъѣхалъ, всѣ подписали противъ меня свои руки, вопреки правиламъ. По 16 правилу двукратнаго собора, епископъ, удалившійся изъ своей епархіи и пребывающій вдали отъ нея болѣе шести мѣсяцевъ, безъ благословной причины, долженъ быть чуждъ епископскаго достоинства. А мой отъѣздъ не таковъ, но, кажется, учиненъ по евангелію, гдѣ говорится, что и Самъ Христосъ отходилъ отъ ярости жидовской, и Павелъ изъ Дамаска и Петръ изъ темницы ушли. Но вотъ епископы, которые обвинили меня по тому правилу, сами достойны изверженія, потому что они больше шести мѣсяцевъ прожили въ Москвѣ на соборѣ противъ меня. Они не должны были слушать царя и прихо-

дить безъ нашего повелѣнія, какъ обѣщались въ своей архіерейской присягѣ не слушаться въ такихъ случаяхъ царя, хотя бы и смертію претилъ; да мало — не всѣ они отъ меня поставлены. Мы въ иные уѣзды и паствы не отходили по сіе время, но живемъ въ нашихъ московскихъ паствахъ, хотя недавно великое гоненіе и жестокую угрозу объявилъ намъ отъ царскаго величества окольничій Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, сказавъ, что царь не хочетъ больше терпѣть. А мы предъ царемъ не знаемъ никакой вины, кромѣ того, что пишемъ къ нему на его неправды: онъ довелъ до убожества монастыри, разорилъ церкви и, безъ нашего благословенія, отнимаетъ у нихъ помѣстья. Самъ вижу, что на Москвѣ, безъ избранія архіерейскаго, поставляются епископы, архимандриты, игумены по царскому указу, и кого мы властію, намъ данною, вяжемъ, тѣхъ царь велитъ развязывать и ходитъ съ ними на молитву. Если я проклялъ крутицкаго митрополита и Симеона Стрѣшнева, думнаго мужа, то не безъ причины. Крутицкій въ недѣлю Ваій незаконно ѣздилъ на осляти; поставилъ, только по царскому указу, епископа въ епархію кіевской митрополіи, подвластной цареградскому патріарху, и во время поставленія сидѣлъ на патріаршемъ мѣстѣ; правитъ тремя епархіями: патріаршескою, суздальскою и своею крутицкою, въ которой со времени своего поставленія ни разу не былъ; подсылалъ злаго человѣка, чтобы отравить насъ. Трехъ иноковъ проклялъ за то, что они наругаются надъ исповѣданіемъ православной вѣры, которое прислалъ имъ Паисій, патріархъ цареградскій, и въ св. литургіи поступаютъ противъ того, что мы правили думою и благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ. Ты пишешь о книгахъ, до царскаго величества, собранныхъ изъ многихъ странъ, что онѣ лежатъ запертыми безъ употребленія: эти книги собраны не царскою волею, а нашимъ радѣніемъ, и отвезены теперь въ наши дальніе монастыри. Будь здоровъ и не забывай насъ въ своихъ молитвахъ[a].

Паисій, какъ самъ говоритъ, „не безъ царскаго приказанія“, отвѣчалъ Никону (отъ 12 іюля): „Растерзалъ ты сердце мое твоимъ апологическимъ посланіемъ, достоуважаемый патріарше! Оно содержитъ въ себѣ изящно изложенную драму твоихъ славныхъ подвиговъ и страданій, за которые воздастъ тебѣ Господь мзду достойную въ день воздаянія. Но, стоя промежъ двухъ сражающихся, не знаю, куда мнѣ обратиться: никто не можетъ служить двумъ господамъ. Скажу безъ лести: Алексѣй и Никонъ, самодержецъ и патріархъ, одинъ ежедневно милуетъ, другой и молится и благословляетъ... Богъ дозволилъ человѣку въ раю дать имена всѣмъ тварямъ, но не дозволилъ ему дать имя самому себѣ, потому что онъ наименовалъ бы себя не Адамомъ перстнымъ, а Всевышнимъ. Поистинѣ корень всѣхъ золъ — самолюбіе. Съ тѣхъ поръ, какъ твое блаженство приняло титло великаго государя, возросли изъ земли и плевелы... Не хорошо многовластіе: да будетъ одинъ властитель, одинъ царь. Справедливо жалуешься на побіеніе твоего слуги; но, блаженнѣйшій, какъ не всякій слуга царскій представляетъ царя, такъ и не всякій патріаршій слуга представляетъ собою патріарха... О, если бы не было твоего бѣгства, причинившаго столько несогласія. Ты ушелъ безъ привѣта, полный гнѣва и волненія... Будь самъ себѣ судьей и скажи, былъ ли кто патріархомъ, оставаясь внѣ патріархіи столько времени? Возведи окрестъ очи твои и воззри на чадъ своихъ, нуждающихся въ патріаршемъ водительствѣ. Доколѣ оставляешь въ забвеніи паству свою? Доколѣ будешь гнѣваться?.. Послушай словъ моихъ и соединись съ своими членами: ни Церкви, ни царству, ни тебѣ нѣтъ пользы, что ты остаешься вдали отъ каѳедры вопреки правилъ... Четыре патріарха ожидаютъ узрѣть конецъ сей распри. Москва, столица, сдѣлалась позорищемъ для ангеловъ и человѣковъ. Но ты говоришь, что противъ тебя былъ мѣстный соборъ, который положилъ неправедное отрѣшеніе? А развѣ Аѳанасій и Златоустъ не были оклеветаны?..

Жалуешься на крутицкаго, что ѣхалъ онъ на жребяти, когда это тебѣ одному позволено; но я слышу, что и новгородскій, и казанскій, и сибирскій архіереи въ праздникъ Ваій возсѣдаютъ на жребяти. А въ твое отсутствіе надлежало и въ Москвѣ совершить это крутицкому, который общимъ и царскимъ приговоромъ назначенъ твоимъ намѣстникомъ — епитропомъ... Но перехожу къ главнѣйшей изъ твоихъ жалобъ: царь, говоришь, вѣдаетъ церковныя дѣла, избираетъ архимандритовъ, устроилъ монастырскій приказъ, беретъ съ монастырей, сколько ему угодно. Да вѣдь все это и другое подобное ты найдешь и въ св. писаніи, какъ права и обычныя дѣйствія царей... Царю свойственно судить другихъ, но не быть судиму другими. Не таковъ архіерей: онъ и судитъ и судимъ бываетъ, свидѣтельствуетъ и на него свидѣтельствуютъ... Никто да не называетъ царя нашего, эту опору народную, унаслѣдовавшаго преемственно отъ предковъ свою власть съ явственными правами, тираномъ: этотъ въ высшей степени христіанскій государь милуетъ всѣхъ щедро и, подобно Титу, прозванному Любовію, раздаетъ благодѣянія... Ты можешь похвалиться, Никонъ почтеннѣйшій, что онъ часто посѣщалъ твою келью; онъ предстоялъ тебѣ съ такимъ смиреніемъ и почтеніемъ, что бояре соблазнялись не разъ объ униженіи царскаго достоинства... Вспомни всѣ его милости, патріархъ, какъ изъ архимандритовъ возвелъ онъ тебя въ митрополиты и на этотъ завидный патріаршій престолъ... Тебѣ недоставало только одного—называться царемъ-отцомъ. Возведи, блаженнѣйшій, молитвенныя руки твои къ Господу и молись о самодержцѣ нашемъ и о всемъ народѣ и изъ-за мелочныхъ поводовъ не прибѣгай къ отлученіямъ и проклятіямъ... Прости намъ, если мы въ чемъ-либо погрѣшили: всѣмъ извѣстно, что ты филэллинъ и одѣяніемъ, и обычаемъ, и почетомъ... Будь здравъ и долгоденственъ“.

Прочитавъ посланіе Паисія, Никонъ не отвѣчалъ ему ни слова, а сказалъ: „Отдаюсь на судъ папы“, — сказалъ не

потому, будто бы былъ единомысленъ съ папою, а потому только, что зналъ правила сардикійскаго собора (3, 4 и 5), которыми дозволялось обвиняемымъ епископамъ, въ случаѣ недовольства ихъ рѣшеніемъ мѣстнаго собора, обращаться съ апелляціею къ папѣ, хотя эти правила относились собственно къ епископамъ сардикійской церковной области, находившейся въ подчиненіи папѣ, но вовсе не относились къ епископамъ другихъ церковныхъ областей, подчиненныхъ инымъ патріархамъ. Слова Никона произвели, однакоже, большую тревогу въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ прислалъ Паисію самую выписку изъ правилъ о папскомъ судѣ. Спустя нѣсколько дней Паисій позванъ былъ въ патріаршую палату на соборъ для разбора заявленія Никонова объ апелляціи къ папѣ и для изслѣдованія, когда русскіе сдѣлались христіанами и откуда пришла къ нимъ св. вѣра. Русскіе, безъ сомнѣнія, знали изъ своихъ лѣтописей, что они приняли вѣру съ Востока, а не съ Запада. Но Паисій началъ рѣшать вопросъ на основаніи греческихъ лѣтописей, привелъ свидѣтельства изъ Куропалата, Кедрина, Зонары, Никифора Каллиста о самыхъ первыхъ крещеніяхъ русскихъ изъ Византіи и свидѣтельства Матвѣя Властаря, что Русь отъ начала причислялась къ ѳракійскому діэцезу византійскаго патріархата и постоянно находилась подъ властію цареградскаго патріарха. Отсюда для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что Никонъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обращаться къ суду папы.

Съ этого времени молва о Паисіи Лигаридѣ, какъ ученомъ человѣкѣ, разнеслась по всему царскому дворцу, и Паисій очень часто былъ приглашаемъ членами царскаго синклита для совѣщаній по дѣлу Никона. Одинъ изъ этихъ знатныхъ бояръ, приходившійся дядей царю по матери, Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, проклятый Никономъ, предложилъ Паисію на бумагѣ до 30 вопросовъ, касавшихся Никона, съ тѣмъ, чтобы Паисій далъ на нихъ отвѣты самому великому государю-царю чрезъ него, боярина Стрѣш-

нева. И Паисій, 15-го августа, слѣдовательно спустя только мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ своей переписки съ Никономъ, прислалъ Стрѣшневу письмо и вмѣстѣ свои отвѣты. Въ письмѣ Паисій говорилъ, призывая Бога во свидѣтеля, что не хотѣлъ бы начинать этого дѣла, которое неизбѣжно поведетъ его къ столкновенію и непріязни съ патріархомъ Никономъ, но, по самому своему призванію, чувствуетъ себя обязаннымъ возвѣщать истину, и выражалъ сожалѣніе, что не знаетъ русскаго языка, а долженъ довольствоваться плохими переводчиками. Царскій толмачъ Стефанъ перевелъ отвѣты Паисіевы на славянскій языкъ (переводъ очень плохъ и теменъ); многіе охотно ихъ списывали и, наконецъ, отвѣты попали въ руки Никона. Никонъ поспѣшилъ написать на нихъ цѣлую огромную книгу, подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божію милостію, патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лигаридіусу, и на отвѣты Паисіевы“. Въ этой книгѣ Никонъ написалъ сильное возраженіе на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Лигарида, въ которомъ доказалъ правильность обрядовъ, совершенныхъ при поставленіи его на патріаршество, и доказалъ правильность своихъ дѣйствій священнымъ писаніемъ и правилами соборовъ.

Между тѣмъ, пока Никонъ писалъ свою книгу возраженій, событія шли своимъ чередомъ. Мѣсяца черезъ три или четыре послѣ того, какъ Паисіемъ Лигаридомъ составлены были отвѣты на вопросы Стрѣшнева, въ одинъ изъ дней четыредесятницы (Филиппова поста) тотъ же Паисій, какъ самъ говоритъ, „приглашенъ былъ, частнымъ образомъ, думными боярами и спрошенъ: какимъ образомъ Церкви избавиться отъ такого продолжительнаго вдовства, ибо постыдно ей быть безъ пастыря. Я отвѣчалъ: легко избавиться, если только правительство отъ души согласится исполнить мою мысль“. Государь, которому было передано сказанное Паисіемъ, изъявилъ согласіе и, послѣ многихъ вопросовъ и предложеній Паисію въ частной съ нимъ бесѣдѣ, произнесъ:

„Ради самой истины открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію Церкви нашей". Паисій отвѣчалъ: „Отправь грамоты къ четыремъ восточнымъ патріархамъ и объяви имъ все дѣло о Никонѣ, и тотчасъ же достигнешь своего желанія". Государь обѣщалъ подумать объ этомъ и посовѣтоваться съ боярами. Долго ли онъ размышлялъ и совѣщался съ боярами, но окончательное рѣшеніе въ душѣ его послѣдовало 21-го декабря 1662 г., въ день памяти святителя московскаго Петра. Въ этотъ день великій государь, находясь на всенощномъ бдѣніи въ соборной церкви, у мощей святителя, „пріиде во умиленіе" о ней, что она вдовствуетъ безъ пастыря уже пятое лѣто, и о несогласіи въ церковномъ пѣніи и въ церковныхъ службахъ, вслѣдствіе чего въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы, и о томъ, что Никонъ, хотя оставилъ свой престолъ, предаетъ проклятію людей безъ соборнаго рѣшенія и безъ всякаго испытанія и творитъ иныя подобныя дѣла. И въ тотъ же день, 21-го декабря, государь далъ указъ:

1. Ради всякихъ церковныхъ винъ, которыя учинились на Москвѣ при бытіи патріарха Никона и донынѣ дѣйствуютъ, быть собору въ маѣ или іюнѣ 1663 года.

2. На этотъ соборъ пригласить вселенскихъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ, для чего тѣмъ и другимъ послать царскія грамоты.

3. Для приготовленія необходимыхъ для собора свѣдѣній вызвать въ Москву рязанскаго архіепископа Иларіона и придать къ нему боярина Петра Михаиловича Салтыкова да думнаго дьяка Прокопія Елизарова, да дьяка Луківна Голосова, чтобы они взяли расписки и сказки за руками: а) у соборныхъ ключарей: что патріархъ Никонъ взялъ изъ соборной церкви образовъ и всякой церковной утвари, съ распискою и безъ расписки; б) у патріаршихъ приказныхъ людей: что онъ взялъ изъ домовой казны денегъ, золотыхъ и ефимковъ, и всякой домовой казны; хлѣба, лошадей и иного чего, когда поѣхалъ изъ Москвы, оставя престолъ; что при

немъ промѣнено патріаршихъ вотчинъ и кому; что̀ у кого вымѣнено или взято, въ цѣну или безъ цѣны, гдѣ и когда, и тѣ вымѣненныя и взятыя вотчины всѣ ли нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ или куда отданы; в) у справщиковъ печатныхъ книгъ: сколько при Никонѣ было выходовъ книгъ печатныхъ и какихъ, и выходы эти во всемъ ли сходны между собою или въ чемъ не сходны; всѣ ли цѣлы на печатномъ дворѣ книги, печатныя и письменныя харатейныя, и переводы изъ присланныхъ греческихъ книгъ, съ которыхъ печатаны новыя книги, или нѣкоторыхъ нѣтъ, и гдѣ онѣ нынѣ; г) у старца Арсенія Суханова: что̀ онъ купилъ въ Палестинѣ книгъ и иного чего для Никона, и что за все то дано денегъ, и куда то отдано.

4. Послать государевы грамоты во всѣ монастыри къ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ братіею, чтобы они отписали къ государю и прислали сказки и расписки за своими руками: сколько патріархъ Никонъ взялъ себѣ у тѣхъ монастырей церковныхъ какихъ потребъ или монастырской казны, хлѣба, лошадей и иного чего, и монастырскихъ вотчинъ, на мѣну и въ цѣну или безъ цѣны, въ какихъ мѣстахъ и когда.

Немедленно приступили къ выполненію этого царскаго указа и, въ частности, приготовлены были грамоты къ патріархамъ: константинопольскому Діонисію, александрійскому Паисію, антіохійскому Макарію, іерусалимскому Нектарію и бывшему константинопольскому Паисію. Грамоты были составлены по прежнимъ образцамъ, и всѣ, по главному содержанію, сходны между собою, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей, помѣщенныхъ въ грамотѣ къ Діонисію, какъ патріарху вселенскому, и къ нему только относящихся. Въ этой послѣдней грамотѣ, послѣ титуловъ, царскаго и патріаршаго, привѣтствій и благожеланій отъ царя патріарху и общихъ разсужденій о благотворности св. вѣры, о необходимости единенія между Церквами и вѣрующими, царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ патріарху: „Къ вящшему утвержденію

соединенія нашего молимъ твое преблаженство, если тебѣ возможно, самому направить твои красныя ноги и притти къ намъ, да преподашь нашей Церкви благословеніе и миръ, да исправишь въ ней неисправности и разрѣшишь недоумѣнія. А у насъ есть нынѣ неисправности и недоумѣнія, которыя безъ вашей святыни разрѣшиться не могутъ. Прежде бывшій у насъ патріархъ Никонъ самопроизвольно оставилъ свой престолъ, и рукоположить иного на его мѣсто, безъ вашего совѣта и благословенія, мы не дерзаемъ, хотя правила повелѣваютъ ожидать рукоположенія иного архіерея на мѣсто прежняго не болѣе трехъ мѣсяцевъ, а со времени оставленія насъ Никономъ идетъ уже пятое лѣто. Имѣя въ виду правило: „аще епископы на митрополита что имѣютъ, Константина града патріарху да возвѣщаютъ“, мы не находимъ для себя ничего другаго, какъ только писать къ твоему преблаженству и молить тебя, да придешь къ намъ и разрѣшишь недоумѣніе. Да будетъ тебѣ еще извѣстно, что Никонъ, когда былъ патріархомъ на престолѣ великоросійской нашей Церкви, присвоялъ себѣ въ своемъ титулѣ посягательство на вашу паству въ городахъ кіевскихъ и писался патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и рукоположилъ епископа Каллиста въ Полоцкъ, не въ свою область. Мы все церковное управленіе полагали на его разсужденіе и слѣдовали его совѣту: о семъ, какъ придешь къ намъ, да разсудишь, и насъ отъ сего да разрѣшишь. Если же тебѣ самому невозможно подвигнуться къ намъ, то молимъ тебя, преблаженнѣйшій, пошли къ намъ отъ себя хоть экзарха, мужа искуснаго во всемъ и сіяющаго жизнію, словомъ и мудростію, и другаго съ нимъ мѣстоблюстителя, подобнаго ему, или, если возможно (о чемъ наиболѣе умоляемъ), пошли бывшаго прежде тебя на престолѣ святѣйшаго патріарха Паисія, какъ намъ знакомаго, если еще онъ живъ и свободенъ. Просимъ тебя еще написать къ антіохійскому патріарху, да подвигнется и онъ съ тобою притти къ намъ, если можно; а если нѣтъ, то да пошлетъ къ намъ

отъ себя мужей, во всемъ искусныхъ и испытанныхъ; равно снестись письменно и съ патріархами александрійскимъ и іерусалимскимъ, да потщатся и они сами притти къ намъ или прислать отъ себя православныхъ и благочестивыхъ мужей или даже свои посланія за своими руками". Къ этому главному содержанію своей грамоты царь сдѣлалъ еще два прибавленія. Въ первомъ довольно подробно говорилъ и ходатайствовалъ предъ патріархомъ о епископѣ мстиславскомъ Меѳодіи, подвергшемся его проклятію. Во второмъ излагалъ слѣдующее: „Дошло до нашего царскаго слуха чрезъ людей крѣпко умныхъ, которымъ можно вѣрить, какъ патріархъ Никонъ, тайно отъ насъ, послалъ бывшаго архидіакона Евѳимія со своими письмами къ вашему преблаженству, и что тотъ прелагатай Евѳимій, бывъ у вашей святыни, возвратился къ Никону патріарху съ вашими посланіями. Мы желаемъ, пастырь честнѣйшій, узнать отъ вашей святыни, какія письмена дерзнулъ вручить вашему преблаженству Евѳимій, и какой отвѣтъ принялъ онъ отъ вашей святыни, словесный и письменный... О васъ, пастыряхъ, сказано: *вы есте свѣтъ міру*, да просвѣтишь же насъ свѣтомъ твоего пастырскаго разсужденія, да отнимешь отъ насъ всякую мглу сомнѣнія въ дѣлахъ церковныхъ". Грамота эта вмѣстѣ съ грамотами къ другимъ патріархамъ писана или переписана въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1662 года. Возникъ вопросъ: съ кѣмъ же послать эти грамоты къ патріархамъ? Перебирали многихъ, но ни на комъ не останавливались. Наконецъ Паисіемъ Лигаридомъ указанъ былъ „ученѣйшій іеродіаконъ Мелетій, соотечественникъ и другъ его". На Мелетія и палъ выборъ. Это былъ іеродіаконъ цареградскаго патріарха Парѳенія, пріѣхавшій къ намъ еще въ ноябрѣ 1655 года. Сначала ему назначено было у насъ жалованье по десяти денегъ на день, но съ 16 авг. 1656 года государь велѣлъ отпускать ему по гривнѣ на день „для его ученія, что онъ учитъ греческому пѣнію дьяковъ пѣвчихъ и подьяковъ". Съ того времени онъ постоянно, въ началѣ

каждаго года (въ сентябрѣ), подавалъ челобитныя о продолженіи ему прежняго жалованья, какъ учителю пѣвчихъ, и получалъ просимое. Когда прибылъ въ Москву Паисій Лигаридъ, Мелетій близко сошелся съ нимъ, даже пересе лился къ нему, такъ что самое жалованье Мелетію отпускалось въ общей суммѣ, отпускавшейся на содержаніе Паисія и его свиты. За Мелетія поручились предъ царемъ Паисій Лигаридъ и архимандритъ Никольскаго монастыря Діонисій святогорецъ, и царь сказалъ: „Я увѣренъ, что Мелетій послужитъ намъ вѣрно и возвратится съ добрыми вѣстями“.

Вѣсти о всемъ этомъ быстро достигли патріарха Никона. Еще прежде этого Никонъ неоднократно писалъ къ царю Алексѣю Михайловичу, просилъ у него мира и прощенія въ своихъ винахъ. „Ей-ей, со слезами молю и милости у васъ, государей, и прощенія прошу. Бога ради простите мнѣ многое къ вамъ согрѣшеніе, которому воистину нѣтъ числа“,—такъ писалъ Никонъ къ царю въ одномъ письмѣ.

Теперь были критическія минуты для Никона; но онъ и въ этотъ разъ не сопротивлялся царскимъ распоряженіямъ, а обратился къ Алексѣю Михайловичу съ письмомъ, которое дышитъ покорностію волѣ царя и желаніемъ примиренія. Онъ понялъ, какая гроза собирается надъ его главою, и поспѣшилъ написать государю письмо, чтобы предотвратить эту грозу. „Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ,—писалъ Никонъ,—что ты, великій государь, изволилъ писать ко вселенскимъ патріархамъ о соборѣ, нашего ради отшествія, съ чернымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ. Если это правда, воистину мы не отметаемся и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если восхотятъ сами быть и сотворить судъ о всемъ по евангельскимъ заповѣдямъ и канонамъ, ей, не отметаемся... А что твое благородіе изволилъ собрать на судъ надъ нами митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, это противно заповѣди Божіей: ибо нѣтъ такого правила, чтобы епископы судили своего

патріарха, особенно имъ же рукоположенные и не въ его присутствіи... Если созванный тобою соборъ, по составленному имъ опредѣленію, списокъ котораго мы имѣемъ, хочетъ осудить меня за одно отхожденіе, то слѣдуетъ извергнуть и Самого Христа, потому что Онъ много разъ отходилъ зависти ради іудейской, и св. Предтечу и всѣхъ св. апостоловъ и пророковъ... Къ тому жъ, когда благородіе твое былъ съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви, и мы писали къ тебѣ, ради ненависти людской, что невозможно быть предстоятелемъ въ великой Церкви, каковъ былъ тогда отвѣтъ твой и писаніе? Оно хранится въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго не знаетъ никто, кромѣ насъ. Смотри, благочестивѣйшій царь, не случилось бы тебѣ чего отъ таковыхъ твоихъ грамотъ, не будетъ ли это въ осужденіе (тебѣ) предъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ; разсуди о всемъ этомъ. Пишу твоему благородію не потому, чтобы я вновь искалъ высоты престола или боялся великаго собора, а желаю только, чтобы Церковь была безъ смущенія, и тебѣ, великому государю, не вмѣнился грѣхъ предъ Богомъ и не случилось зазора. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ двукратнаго собора, которое не о насъ написано; но когда о нихъ самихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому изъ нихъ нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, не останется ни одинъ архіерей или пресвитеръ достойнымъ, а всѣ постыдятся и осудятся отъ св. правилъ... Слышали мы, что твое благородіе изволилъ послать съ своими царскими грамотами Мелетія... но онъ—человѣкъ злой, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ, и здѣсь такое дѣло за нимъ было; думаю, оно и теперь въ патріаршемъ приказѣ и извѣстно Арсенію греку и другимъ, которыхъ онъ знаетъ. Есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, помимо такого воришки. Тѣмъ же молимъ твою кротость,—такъ Никонъ заканчиваетъ письмо,—принять малое сіе наше написаніе какъ божественное и прочитать съ вс-

ликимъ прилежаніемъ, и Богъ мира устроитъ святое твое царство мирно и безгрѣшно, да и мы, богомольцы ваши, поживемъ во всякомъ благовѣріи и тишинѣ. Болѣе сего нынѣ не хочу писать, но противу твоего изволенія государева умолчу: или гдѣ изволишь святую Церковь въ мирѣ устроить своимъ благоразуміемъ, какъ Святый Богъ наставитъ тебя, или собору быть, обоихъ не отметаюсь и готовъ буду ко всякому законному разсмотрѣнію дать отвѣтъ, только бы о Богѣ, давшемъ миръ на землю: миръ мой, рече, даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ, его же сподоби насъ Христе Боже причастникомъ быти". Это письмо Никонъ прислалъ въ Москву съ старцемъ Аарономъ, строителемъ Воскресенскаго монастыря. Ааронъ, 24-го декабря, подалъ письмо царскому духовнику, протопопу Лукіану, и просилъ представить государю и вмѣстѣ доложить, что патріархъ желаетъ у него славить Христа. Духовникъ отвѣчалъ: „Нынче не время подносить письмо государю, а по времени поднесу". И 26-го декабря, дѣйствительно, поднесъ письмо государю и доложилъ о желаніи Никона Христа славить у него, государя. Выслушавъ то письмо, государь сказалъ духовнику: „Насъ винитъ, а себя правитъ". На слѣдующій день, 27-го декабря, къ царскому духовнику вновь явился старецъ Ааронъ, который успѣлъ уже побывать въ Воскресенскомъ монастырѣ, повидаться съ Никономъ и возвратиться съ прибывшими оттуда наканунѣ архимандритомъ Герасимомъ, намѣстникомъ Іосифомъ и другими старцами для славленія у государя. Ааронъ подалъ духовнику новое письмо патріарха Никона и просилъ поднести письмо государынѣ-царицѣ, а государю доложить, что Никонъ находится въ селѣ Черневѣ и проситъ позволенія видѣть государевы очи. Духовникъ отнесъ письмо къ царицѣ и доложилъ государю о Никонѣ; и государь сказалъ: „Видѣться мнѣ съ патріархомъ въ Москвѣ непригоже, да и не для чего; а какъ вселенскіе патріархи будутъ, тогда, если Господу угодно, увидимся; кромѣ того, я пошлю къ патріарху въ Чернево окольничаго".

Немедленно составлена была для окольничаго инструкція, по которой онъ долженъ былъ сказать Никону отъ лица государя слѣдующее: „Прислалъ ты къ государеву духовнику, благовѣщенскому протопопу Лукіану, письмо, чтобы онъ поднесъ то письмо великому государю; да ты же приказывалъ тому же протопопу о своемъ пріѣздѣ въ Чернево, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тебѣ пріѣхать въ царствующій градъ Москву помолиться Пресвятой Богородицѣ и видѣть его государевы очи. И протопопъ Лукіанъ поднесъ твое письмо государю и о пріѣздѣ твоемъ въ царствующій градъ докладывалъ. И великій государь велѣлъ тебѣ сказать, что, ради многой мірской молвы, ѣхать тебѣ нынѣ къ Москвѣ непристойно, потому что въ народѣ нынѣ молва многая о разности въ церковной службѣ и о печатныхъ книгахъ, и отъ твоего пріѣзда нынѣ въ Москву можно ожидать въ народѣ всякаго соблазна, такъ какъ ты своею волею оставилъ патріаршескій престолъ, а не по какому-либо изгнанію; и чтобы ты, ради всенародной молвы и смятенія, изволилъ ѣхать нынѣ въ Воскресенскій монастырь, пока будетъ о томъ въ Москвѣ соборъ. А къ тому собору будутъ вселенскіе патріархи и власти; въ то время и о твоемъ пріѣздѣ на тотъ соборъ присылка къ тебѣ будетъ; а на соборѣ великій государь будетъ говорить обо всемъ. Если же тебѣ, для какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ, съ великимъ государемъ видѣться нынѣ надобно, тебѣ бъ написать о томъ государю и про тѣ дѣла объявить, и государь противъ того твоего письма изволитъ къ тебѣ кого послать или писать. А до собору, ради многонароднаго несогласія и молвы, ѣхать тебѣ къ Москвѣ никакъ нельзя. Да ты же писалъ отъ себя къ газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто ты невинно съ престола своего изгнанъ и объ иныхъ подобныхъ дѣлахъ: и о томъ о всемъ его, великаго государя, терпѣніе отъ тебя многое. А какъ приспѣетъ время собору, тогда великій государь о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ говорить будетъ“. Затѣмъ въ инструкціи окольничему было наказано: „если

патріархъ Никонъ начнетъ говорить, что онъ, по отшествіи своемъ изъ Москвы, посылалъ къ государю о многихъ дѣлахъ и потребахъ многажды, а отъ государя письма къ нему не бывало ни о чемъ, то отвѣчать: отъ государя не писывано къ тебѣ на твои письма потому, что писать не довелось, да и потому, что, какъ былъ ты на патріаршествѣ, о чемъ писывалъ къ тебѣ государь, ты, по отшествіи своемъ съ престола, про тѣ государевы письма говаривалъ въ разговорахъ со многими". Послѣднія слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они объясняютъ, почему государь, по удаленіи Никона съ каѳедры, на всѣ его письма дѣйствительно никогда не отвѣчалъ письменно, а только чрезъ своихъ посланныхъ, если находилъ нужнымъ.

Съ этою инструкціею окольничій Сукинъ и дьякъ Башмаковъ на слѣдующій день, 28-го декабря, за два часа до свѣта прибыли въ Чернево, но Никона тамъ не нашли. Они разспрашивали о немъ, но услышали различные отвѣты: посельскій старецъ Воскресенскаго монастыря, Серапіонъ, проживавшій въ Черневѣ, и нѣкоторые случившіеся тамъ патріарховы боярскіе дѣти сказали, что Никонъ въ Чернево не пріѣзжалъ; а староста села Чернева Васильевъ увѣрялъ, что Никонъ пріѣзжалъ въ Чернево вечеромъ въ субботу (27 дек.) и скоро уѣхалъ. Подобныя же показанія, съ нѣкоторыми подробностями, дали и другіе допрошенные. Что же, однако, случилось? На основаніи этихъ самыхъ показаній и сохранившихся отрывковъ письма, какое написалъ тогда царскій духовникъ Лукіанъ къ Никону, можно догадываться, что дѣло происходило такъ. Старецъ-строитель Ааронъ, прибывши вмѣстѣ съ другими воскресенскими старцами въ Москву, 26 числа вечеромъ, тогда же отправилъ нарочнаго къ Никону съ письмомъ, чтобы онъ спѣшилъ въ Москву, такъ какъ государь говорилъ о немъ духовнику своему и богомольцу: „Пятый-де годъ не могу дождаться его". Никонъ быстро собрался въ путь, вечеромъ 27-го числа былъ въ Черневѣ и, покормивъ только здѣсь

лошадей, отправился въ Москву. Потому-то его и не нашли въ Черневѣ утромъ слѣдующаго дня царскіе посланные: онъ былъ уже въ Москвѣ. Въ тотъ же день, 28 дек., пришелъ къ царскому духовнику старецъ Филоѳей, объявилъ ему, что Никонъ въ Москвѣ на Воскресенскомъ подворьѣ и просилъ доложить о томъ государю. Духовникъ доложилъ, но государь съ гнѣвомъ сказалъ: „Я посылалъ въ Чернево, а патріарха тамъ не нашли... не слѣдовало дѣйствовать обманомъ... Патріарху (Никону) до пріѣзда вселенскихъ патріарховъ очей моихъ не видать“. Духовникъ обо всемъ написалъ къ Никону и присовокупилъ: „А что старецъ Ааронъ писалъ къ тебѣ, будто великій государь мнѣ, богомольцу своему, говорилъ: „пятый-де годъ не могу дождаться его“ – и иныя будто бы рѣчи говорилъ, то все Ааронъ тебѣ, великому святителю, солгалъ, забывъ страхъ Божій“. Никонъ немедленно уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, а Ааронъ, за его обманъ, взятъ подъ стражу и впослѣдствіи сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Во всякомъ случаѣ попытка Никона видѣться съ государемъ и удержать его отъ посылки къ восточнымъ патріархамъ совершенно не удалась. И, возвратившись въ Воскресенскій монастырь, Никонъ прислалъ къ государю новое письмо, въ которомъ, сознаваясь, что своею просьбою о свиданіи съ нимъ въ Москвѣ согрѣшилъ предъ нимъ „безмѣстно и непрощенно“, убѣдительно испрашивалъ себѣ прощенія. „Молю тебя, великій государь, — писалъ Никонъ, — если я въ чемъ согрѣшилъ беззаконно, отъ всего сердца твоего оставь Господи ради, да Господь Богъ оставитъ твои согрѣшенія. Хотя ты и царь земли, но и ты просишь отъ Царя царствующихъ надъ царями, Господа Бога, прощенія. Болѣе сего не могу къ милости тебя, великій государь, умолить, если симъ не умолишися“. Однако, 1-го января 1663 года, щедро снабженный деньгами на дорогу и для раздачи милостыни на Востокѣ, Мелетій отправился въ путь съ царскими грамотами къ восточнымъ па-

тріархамъ; а 2-го января царь разослалъ ко всѣмъ своимъ архіереямъ грамоту, чтобы они, избравъ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ искусныхъ иноковъ изъ своихъ епархіальныхъ монастырей, явились въ Москву на соборъ къ 9-му числу мая. Вѣроятно разсчитывали, что Мелетій успѣетъ къ маю или іюню пригласить въ Москву патріарховъ или, по крайней мѣрѣ, привезетъ отъ нихъ отвѣтныя грамоты. Но путешествіе его продолжилось почти полтора года, и мы пока разстанемся съ Мелетіемъ и возложеннымъ на него порученіемъ.

29 декабря 1662 года начали свои занятія тѣ лица, которымъ поручено было указомъ отъ 21 декабря собрать свѣдѣнія о винахъ патріарха Никона и сдѣлать всѣ приготовленія къ собору по Никонову дѣлу. Враги патріарха не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ и начали писать на Никона жалобы и клеветы.

Въ началѣ 1663 г. сосѣдъ Воскресенскаго монастыря по имѣніямъ, Иванъ Сатинъ, уже имѣвшій дѣло съ патріархомъ Никономъ, подалъ на него новую челобитную, въ которой жаловался, что Никонъ пыталъ пыткою его крестьянъ, а иныхъ и перевѣшалъ. Царь прислалъ челобитную къ Никону, и Никонъ отвѣчалъ государю: „Свидѣтельствуюсь св. евангеліемъ, что я того дѣла совсѣмъ не вѣдаю. То сдѣлалъ малый, иноземецъ, который, заставъ крестьянъ Сатина на озерѣ въ воровствѣ рыбы, побилъ ихъ, безъ моего вѣдома, батогами. Этого малаго посылаю къ тебѣ, государю, для разспросовъ; сотвори судъ праведный, какъ имѣешь самъ судиться въ день судный... Попомни свое обѣщаніе, данное при нашемъ избраніи въ великой Церкви, чтобы тебѣ не вступаться ни во что священное, какъ творишь ты нынѣ надъ нами великія неправды, слушаешь клеветниковъ — враговъ Божіихъ... Писалъ бы еще о многомъ, но скудость возбраняетъ: не имѣю и бумаги“. Иноземецъ, посланный Никономъ, его боярскій сынъ Александръ Лускинъ, показалъ, что на озерѣ онъ дѣйствительно самъ, безъ вѣдома

патріарха, побилъ батогами пойманныхъ въ воровствѣ крестьянъ, но потомъ, когда крестьяне начали грозиться поджогомъ, и онъ, схвативъ ихъ, привелъ въ Воскресенскій монастырь, то Никонъ велѣлъ побить ихъ за ту похвальбу въ другой разъ батогами.

Мѣсяца черезъ два возобновилось дѣло Бобарыкина съ Никономъ, начавшееся и продолжавшееся въ 1660 — 1661 годахъ, но тогда неоконченное,—дѣло о спорной землѣ, съ которой Никонъ, не дождавшись царскаго указа, приказалъ своимъ людямъ снять сѣно и хлѣбъ и свезти въ пользу монастыря. Дѣло остановилось на томъ, что Никонъ отказался выслать монастырскихъ крестьянъ для разспросовъ въ Москву и написалъ къ царю письмо. И какъ послѣ этого не послѣдовало изъ Москвы никакого указа о свезенномъ сѣнѣ и хлѣбѣ, то Никонъ приказалъ хлѣбъ обмолотить: въ умолотѣ вышло зерна, по монастырскимъ записямъ, 67 четвертей. Бобарыкинъ, съ наступленіемъ 1663 г., подалъ опять челобитную на Никона, и изъ Москвы присланы были въ Воскресенскій монастырь окольничій Сукинъ да дьякъ Бреховъ съ царскимъ указомъ, чтобы Никонъ учинилъ съ Бобарыкинымъ сдѣлку во всемъ. Никонъ согласился, велѣлъ казначею принести шестьсотъ рублей, сколько нашлось въ монастырской казнѣ, и предложилъ Бобарыкину взять изъ этихъ денегъ за 67 четвертей обмолоченной ржи по той цѣнѣ, по какой тогда рожь въ Москвѣ продавалась. Бобарыкинъ отвѣчалъ: „Пожато и обмолочено съ той земли 600 четвертей слишкомъ“ и, взявъ со стола всѣ шестьсотъ рублей, промолвилъ: „Это-де мнѣ за половину“. Въ виду такой неправды, Никонъ прекратилъ сдѣлку и объявилъ окольничему и дьяку, что съ Бобарыкинымъ никакой сдѣлки совершить нельзя: для него не напастись денегъ и отъ его ложнаго челобитья не откупиться и всѣмъ монастыремъ. Черезъ нѣсколько времени, а именно 16 іюля, прибыли къ Никону думный дворянинъ Баклановскій да тотъ же дьякъ Бреховъ съ многими людьми — подьячими и стрѣльцами—и

принесли царскую грамоту. Выслушавъ эту грамоту, Никонъ подробно разсказалъ пришедшимъ весь ходъ тяжбы своей съ Романомъ Бобарыкинымъ и предъявилъ на него много другихъ жалобъ. Но Никону вновь предложили, чтобы онъ добровольно „сдѣлался“ съ Романомъ; а когда Никонъ отвѣчалъ, что „онъ Романовою землею не владѣетъ, а владѣетъ своею купленною, и Романъ напрасно вклепывается“, то Баклановскій и Бреховъ объявили, что въ такомъ случаѣ имъ приказано отмежевать спорную землю Роману Бобарыкину по его сказкѣ, и поѣхали отводить ту землю. Раздраженный Никонъ, какъ только узналъ, что отмежеваніе дѣйствительно началось, созвалъ всю братію въ церковь, велѣлъ принесть и прочитать жалованную грамоту царя на имѣнія Воскресенскаго монастыря и, положивъ ее подъ крестъ и образъ Богородицы на аналоѣ посреди церкви, совершилъ молебенъ св. животворящему кресту; а по окончаніи молебна началъ возглашать громкимъ голосомъ, во всеуслышаніе, слѣдующія и иныя клятвенныя слова, выбирая ихъ изъ 108 псалма: „Да будутъ *дніе его мали и епископство* (надзоръ, власть,) *его да пріиметъ инъ; да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова... да будутъ чада его въ погубленіе... и да потребится отъ земли память ихъ, занеже не помяну сотворити милосте, и погна человѣка нища и убога... Возлюби клятву, и пріидетъ ему*“ и проч. На другой день Никонъ вновь совершилъ съ братіею тотъ же молебенъ и съ тѣми же возглашеніями. Въ монастырѣ случайно находился тогда Бобарыкинъ и даже присутствовалъ на самомъ молебнѣ; но ничего не сказалъ. А послѣ донесъ въ Москву, что Никонъ проклиналъ государя-царя со всѣмъ его домомъ.

Алексѣй Михайловичъ немедленно позвалъ къ себѣ архіереевъ, находившихся въ Москвѣ. Когда архіереи пришли къ государю, онъ со слезами передалъ имъ, что слышалъ о поступкѣ Никона, и прибавилъ: „Я грѣшенъ, но чѣмъ согрѣшили мои любезныя дѣти, чтобы произносить на нихъ

клятву истребленія, и царица, супруга моя, и весь домъ?“— „Намъ всѣмъ, — разсказываетъ Паисій Лигаридъ, — было стыдно слышать это, и всѣ мы единогласно просили изслѣдовать дѣло съ точностію. Убѣдился этимъ державный и, отпустивъ насъ, ушелъ къ себѣ. Утромъ созвалъ синодъ и синклитъ и совѣщался съ ними, кого отправить къ Никону. Общимъ мнѣніемъ избранъ былъ Паисій газскій, какъ человѣкъ ученѣйшій и способный давать прямые отвѣты вопрошающему“. Вмѣстѣ съ Паисіемъ избраны были изъ духовныхъ: астраханскій архіепископъ Іосифъ и богоявленскій архимандритъ Ѳеодосій, а изъ свѣтскихъ — князь Никита Одоевскій (составитель Уложенія), окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Синодъ рѣшилъ, чтобы какъ духовные, такъ и свѣтскіе члены приняли отъ Никона благословеніе, и чтобы Паисій сначала обратился къ патріарху ласково. Послы, сопровождаемые отрядомъ воиновъ, 18 іюля прибыли въ Воскресенскій монастырь. Свѣтскіе приняли благословеніе отъ Никона, но власти, т. е. духовные, къ благословенію не подошли, вопреки рѣшенію синода. Окинувъ ихъ глазами, Никонъ покраснѣлъ, какъ бы пристыженный, и спѣшно вошелъ въ свою келлію. За нимъ послѣдовали и депутаты. Паисій началъ первый говорить къ Никону по-латыни, что царь и соборъ прислали спросить его, за что онъ предалъ проклятію благочестиваго государя, его супругу и чадъ. Слова Паисія переводилъ на славянскій языкъ царскій толмачъ Симеонъ. Никонъ повелъ рѣчь уклончиво, обиняками; но Паисій настаивалъ: „Отвѣчай мнѣ по-евангельски: да — такъ да, нѣтъ — такъ нѣтъ; проклиналъ ты или не проклиналъ царя?“ Никонъ отвѣчалъ: „Я служу за царя молебны, а не проклинаю его на погибель. 26 іюля на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, я со всѣмъ соборомъ служилъ молебенъ и государеву жалованную грамоту прочитать велѣлъ и подъ крестъ и образъ Богородицы клалъ; но клятву произносилъ на обидящаго, Романа Бобарыкина, а не на великаго государя; за госу-

даря же на ектеніяхъ Бога молилъ". —„Разговоръ, - пишетъ Паисій Лигаридъ, — продолжался много часовъ, и происходило великое смятеніе. Никонъ, часто потрясая палкою и стуча ею крѣпко по полу, волновался, гремѣлъ, одинъ противорѣчилъ всѣмъ... Мы вышли изъ его келліи совершенно испуганными".

Въ 28 день іюля всѣ члены депутаціи, свѣтскіе и духовные, пришли къ Никону и съ большимъ шумомъ говорили: „Государь-царь и власти велѣли тебѣ жить въ Воскресенскомъ монастырѣ и, кромѣ келліи да церкви, никуда не ходить". Послѣдовало большое смятеніе; всѣ говорили и кричали. Наконецъ, князь Одоевскій объявилъ Никону: „Государь указалъ быть здѣсь головѣ стрѣлецкому съ стрѣльцами для караула". И всѣ вышли отъ Никона и отправились въ Москву. А спустя недѣлю. и стрѣльцы московскіе тайкомъ сошли съ карауловъ на гостиный дворъ, да въ день Преображенія, вмѣстѣ съ головою стрѣлецкимъ, рано утромъ уѣхали въ Москву же.

Когда возвратившіеся изъ Воскресенскаго монастыря власти и бояре представлялись государю, то онъ, взглянувъ съ улыбкою на Паисія, спросилъ: „Ну что, видѣлъ Никона?—„Поистинѣ, — отвѣчалъ Паисій, — лучше бы мнѣ было не видѣть, лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать его криковъ". Не остался въ долгу и Никонъ предъ своимъ соперникомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ царскіе посланные отправились въ Москву, Никонъ отправилъ къ государю длинный извѣтъ, въ которомъ особенно нападалъ на Паисія, жаловался на его грубость, что онъ не принялъ отъ патріарха благословенія, какъ слѣдовало бы, не привѣтствовалъ ласковымъ словомъ, убѣждалъ государя не довѣрять такому самозванцу-митрополиту, не имѣющему законныхъ свидѣтельствъ, и взводилъ на него множество и другихъ обвиненій. Но на извѣтъ Никона не обратили вниманія.

Между тѣмъ іеродіаконъ Мелетій, прибывъ въ Константинополь, вручилъ царскія грамоты патріарху Діонисію. Случайно тамъ находился и патріархъ іерусалимскій Нектарій. Діонисій сначала принялъ одну царскую грамоту, адресованную на его имя, но потомъ, по соглашенію съ Нектаріемъ и по его совѣту, вскрылъ и остальныя грамоты, а подателю ихъ велѣлъ жить скрытно въ особой кельѣ. Грамоты оказались краткими; въ нихъ говорилось только, что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свою каѳедру, и она уже пять лѣтъ пребываетъ праздною, и всѣ четыре патріарха приглашались въ Москву для изслѣдованій и распоряженій по этому случаю. Подробно же передать патріархамъ о дѣлѣ Никона поручено было Мелетію, и на память ему дана была какая-то запись, показанная имъ и патріархамъ, въ которой заклинали его разсказать патріархамъ все, что онъ слышалъ о Никонѣ отъ самого государя. Ѣхать въ Москву патріархи признали для себя, по обстоятельствамъ, дѣломъ невозможнымъ; но разсудили составить и написать на бумагѣ соборное опредѣленіе, или свитокъ, по дѣлу Никона, чтобы отправить къ государю. Только какъ же составить? Основаться на словесныхъ показаніяхъ одного человѣка, Мелетія, было бы противоканоническимъ, и патріархи придумали составить свое опредѣленіе безыменно, вовсе не упоминая о Никонѣ, а какъ будто имѣя въ виду вообще архіерея или патріарха, на тотъ случай, если бы онъ совершилъ такіе проступки, какіе приписывались Никону.

Между тѣмъ въ Москвѣ начали безпокоиться: приближался май мѣсяцъ, въ который, по предположенію, долженъ былъ открыться въ Москвѣ соборъ на Никона, а отвѣта отъ патріарховъ не было никакого. И вотъ 24 апрѣля 1663 года Паисій Лигаридъ докладною запискою спрашивалъ государя: 1) „Долженъ ли я писать и повторить патріарху вселенскому о дѣлѣ патріарха Никона?“ 2) „Долженъ ли я молить іерусалимскаго патріарха, пребывающаго въ Царьградѣ, чтобы пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву и своимъ

присутствіемъ украсилъ хотящій быть помѣстный соборъ?“ 3) „Что нужно написать Мелетію, который, какъ слышу, уже давно въ Царьградѣ?“

Писали ли что изъ Москвы или не писали — только въ маѣ занялись въ Царьградѣ составленіемъ соборнаго опредѣленія, или свитка, какъ значится въ самомъ его началѣ. Времени потребовалось немало, потому что опредѣленіе вышло очень обширно: оно изложено въ 25-ти главахъ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Оба патріарха, находившіеся въ Царьградѣ, подписали это опредѣленіе въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ; потомъ одинъ списокъ былъ отправленъ къ патріарху александрійскому Паисію съ самимъ іеродіакономъ Мелетіемъ, а другой списокъ Нектарій послалъ съ своимъ калугеромъ къ антіохійскому Макарію. Патріархи эти внимательно разсмотрѣли грамоту и также подписали. Между тѣмъ Нектарій іерусалимскій успѣлъ уже переѣхать изъ Константинополя въ Яссы. И здѣсь-то, наконецъ, вручены были Мелетію оба списка грамоты патріарховъ іерусалимскимъ первосвятителемъ, который сдѣлалъ къ ней еще особую приписку отъ себя въ февралѣ 1664 года. Довольно долго, однакожъ, и по полученіи грамоты Мелетій оставался въ Яссахъ, частію потому, что на всемъ пути, и въ молдавской землѣ и въ Малороссіи, происходили военныя движенія, а частію съ цѣлью, не удастся ли какъ-нибудь склонить на поѣздку въ Москву іерусалимскаго патріарха, который то давалъ обѣщаніе ѣхать, то отмѣнялъ, такъ что на случай его пріѣзда русскимъ правительствомъ сдѣлано уже было распоряженіе встрѣтить его съ такими же почестями, съ какими принятъ былъ прежде іерусалимскій патріархъ Паисій. Когда же патріарху Нектарію будто бы присланъ былъ султанскій указъ не ѣхать никуда далѣе Яссъ, Мелетій отправился въ Москву и послѣ многихъ тревогъ на пути и нападеній отъ ратныхъ людей прибылъ въ нее въ маѣ 1664 г., въ самый день Пятидесятницы, вмѣстѣ съ амасійскимъ митрополитомъ Косьмою, который выдавалъ

себя за соотечественника и даже племянника іерусалимскаго патріарха Нектарія.

Соборный свитокъ, или грамота, восточныхъ патріарховъ, привезенный Мелетіемъ въ двухъ спискахъ, принятъ былъ въ Москвѣ съ великою радостію. На всѣ вопросы по дѣлу Никона здѣсь изложены были такіе отвѣты, что освященному русскому собору оставалось только воспользоваться ими, чтобы порѣшить это дѣло окончательно. Въ заключеніе своего соборнаго свитка патріархи помѣстили слѣдующее общее опредѣленіе: „Архіерей, который окажется виновнымъ противъ изложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, да пріиметъ заслуженное наказаніе и да извержется отъ архіерейскаго достоинства и власти, на мѣсто же его да поставится въ ту епархію другой канонически“. А патріархъ Нектарій въ своей припискѣ къ свитку сдѣлалъ поясненіе: „Настоящее опредѣленіе простирается не только на епископа или митрополита, но и патріарха; долженъ составиться соборъ, и виновный долженъ быть позванъ на соборъ однажды, дважды и трижды; если явится и дастъ отвѣты, то по отвѣтамъ и судится отъ собора; если же не явится, то соборъ и заочно осудитъ его окончательно“.

Теперь, казалось, ничто уже не воспрепятствуетъ положить предѣлъ несчастной смутѣ, столько времени нарушавшей миръ Церкви и государства. Къ сожалѣнію, нашлось препятствіе. Надобно замѣтить, что еще въ то время, когда іеродіаконъ Мелетій отправился съ царскими грамотами къ восточнымъ патріархамъ, начались попытки помѣшать успѣху этого предпріятія. Нѣкоторые изъ находившихся въ Москвѣ грековъ, преданныхъ Никону, съ вѣдома ли его или безъ вѣдома, начали, вслѣдъ за Мелетіемъ, слать въ Константинополь къ своимъ роднымъ и знакомымъ письма, чтобы возбудить тамъ между соплеменниками общественное мнѣніе въ пользу Никона. Въ письмахъ этихъ утверждали, что Никонъ большой филэллинъ и великій защитникъ православной вѣры, что онъ — второй Златоустъ, и царь ходитъ къ нему

тайкомъ, ночью, слушать его бесѣды, а только бояре его ненавидятъ; что грамоты, повезенныя Мелетіемъ къ патріархамъ, составлены Паисіемъ Лигаридомъ, котораго подкупили бояре; что Мелетію дано 8,000 золотыхъ для подкупа самихъ патріарховъ и проч. Такія вѣсти разглашались по всему Константинополю между греческимъ населеніемъ и высказаны были даже вселенскому патріарху. Обо всемъ этомъ сообщалъ государю самъ Мелетій. Потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, интрига въ пользу Никона тотчасъ же была перенесена въ Москву. Въ мартѣ, пока Мелетій съ отвѣтною грамотою патріарховъ медлилъ еще въ Яссахъ, 22 числа прибылъ въ Путивль иконійскій митрополитъ Аѳанасій и, называя себя племянникомъ цареградскаго патріарха Діонисія, заявилъ, что ѣдетъ отъ дяди своего, патріарха, съ тайными рѣчами къ государю по его великому царскому дѣлу, и прибавилъ, что видѣлъ въ Яссахъ іеродіакона Мелетія, который за ратными людьми не могъ ѣхать далѣе. Немедленно пропущенный въ Москву, Аѳанасій не согласился открыть здѣсь свою тайну въ посольскомъ приказѣ, сказавъ, что далъ присягу патріарху объявить ту тайну только одному государю. Явившись затѣмъ предъ лицо государя, Аѳанасій произнесъ: „Меня прислали цареградскій патріархъ и весь соборъ и велѣли сказать: какъ Господь пришелъ къ ученикамъ Своимъ, дверемъ затвореннымъ, и сказалъ: миръ вамъ,— такъ и я отъ имени цареградскаго патріарха и всего собора говорю тебѣ, государь: примирись съ Никономъ патріархомъ и призови его на престолъ попрежнему“. Государь усомнился, потому что у Аѳанасія не было никакой грамоты отъ патріарха, и спросилъ: „А знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?“ — „Знаю,— отвѣчалъ Аѳанасій,— но Мелетія патріархи не приняли и твоихъ грамотъ и милостыни не взяли“.—„Какъ же это такъ? Мелетій писалъ мнѣ совсѣмъ иное“, возразилъ царь. Пріѣхалъ, наконецъ, Мелетій и привезъ соборный свитокъ четырехъ патріарховъ за ихъ подписями. Царь созвалъ синклитъ и

священный соборъ; свитокъ патріаршій торжественно былъ прочитанъ, и вдругъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій объявилъ предъ всѣми, что свитокъ и подписи патріарховъ на немъ подложны. Поднялся большой шумъ во всей палатѣ; между Мелетіемъ и Аѳанасіемъ завязался споръ; стали присматриваться къ подписямъ; Паисій газскій сказалъ: „Я признаю за подлинную подпись патріарха антіохійскаго Макарія; она начертана сперва по-арабски самимъ патріархомъ, потомъ по-гречески его экономомъ и подписчикомъ, священникомъ Іоанномъ хіосцемъ, почеркъ котораго я вполнѣ знаю". А Косьма, митрополитъ амасійскій, пріѣхавшій съ Мелетіемъ, заявилъ: „Я очень хорошо узнаю подпись патріарха іерусалимскаго Нектарія; онъ мой соотечественникъ и старый другъ". Всѣ обрадовались этимъ двумъ свидѣтельствамъ. Тогда самъ Аѳанасій сознался, что и подпись вселенскаго патріарха не заключаетъ въ себѣ поддѣлки. Осталась незасвидѣтельствованною только подпись александрійскаго патріарха.

Нектарій іерусалимскій, подписавшій соборный свитокъ въ февралѣ 1664 года, спустя около мѣсяца, именно 20 марта, написалъ къ государю грамоту еще отъ себя лично. Грамота эта была составлена съ такимъ глубокимъ и трогательнымъ истинно-христіанскимъ чувствомъ и изложена въ такихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, что должна была произвести самое глубокое, неотразимое впечатлѣніе на свѣтлый умъ и кроткое сердце благочестиваго государя. Въ началѣ своей грамоты Нектарій подробно разсказалъ, какъ приняты были въ Царьградѣ царскія грамоты, посланныя съ Мелетіемъ, и какъ составлена была патріархами отвѣтная грамота, или соборный свитокъ, и обозначилъ самое содержаніе свитка, всецѣло направленное къ осужденію Никона. Но далѣе Нектарій повелъ уже рѣчь въ защиту Никона и писалъ: „Намъ кажется, что вы можете покончить дѣло мирнымъ образомъ. Пригласите однажды и дважды киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, и

покажите ему для точнаго соблюденія статьи нашего соборнаго свитка... Если Никонъ окажется преступившимъ эти статьи, но раскается и дастъ обѣщаніе слѣдовать имъ, то достоинъ прощенія... Просимъ ваше величество не приклонять слуха къ совѣтамъ людей завистливыхъ, особенно если такіе будутъ духовнаго сана... Въ настоящемъ положеніи, когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, и въ одной вашей русской Церкви видѣли какъ бы Ноевъ ковчегъ для спасенія отъ потопа. А теперь кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ мира?.. Помысливъ о семъ, миролюбивѣйшій государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ вновь возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его... Если Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то, очевидно, онъ обличаетъ непокорность народа: покажите жъ къ нему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати... онъ не подалъ письменнаго отреченія своему собору, и ваше величество, равно какъ и весь народъ, не принимали этого отреченія..." Въ заключеніе, однакожъ, Нектарій сказалъ: „Если Никонъ, по вторичному приглашенію, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ, указаннымъ въ нашемъ соборномъ свиткѣ, „ибо нельзя же столичному городу быть безъ духовнаго пастыря". Необходимо одно изъ двухъ: или возвратить Никона или на его мѣсто возвести другого; только гораздо лучше было бы возвратить Никона". Къ сожалѣнію, эта грамота Нектарія почему то слишкомъ запоздала и доставлена въ Москву не раньше ноября или даже декабря того года, а потому не могла уже оказать никакого вліянія на ходъ событій. Царь Алексѣй, долгое время не имѣвшій возможности убѣдиться совершенно въ подлинности соборнаго свитка, привезеннаго Мелетіемъ, пришелъ къ мысли, что однѣхъ патріаршихъ грамотъ недостаточно для окончанія дѣла Никонова; непремѣнно нужно

пригласить въ Москву лично самихъ патріарховъ, и рѣшился снова отправить къ нимъ посольство. Для этого назначены были тотъ же іеродіаконъ Мелетій и грекъ Стефанъ Юрьевъ, называвшій себя племянникомъ патріарха Діонисія, съ нѣсколькими свѣтскими при нихъ лицами.

Въ это-то время Никонъ, по началу конечно и самъ никогда не помышлявшій о томъ, какихъ тяжкихъ смутъ и волненій причинитъ Церкви православной его самовольное удаленіе отъ патріаршей каѳедры, еще разъ рѣшился употребить попытку окончательно примириться съ государемъ и покончить дѣло безъ восточныхъ патріарховъ или по крайней мѣрѣ все умиротворить къ ихъ пріѣзду въ Москву.

Въ ночь съ 17 на 18 число декабря, подъ недѣлю св. отецъ, часа за полпята ($4^1/_2$) до свѣта, къ Никитскимъ воротамъ города Москвы подъѣхало до десяти саней съ сидѣвшими на нихъ людьми и человѣкъ пять или шесть верховыхъ. Они постучали въ ворота, которыя были заперты, и, объявивъ часовому стрѣльцу, что ѣдетъ „звенигородская власть“ (т. е. Саввина монастыря), велѣли открыть ворота и были пропущены. То же самое они объявили потомъ и также были пропущены у Смоленскихъ воротъ, у Троицкихъ, у отводной башни и быстро поѣхали къ Успенскому собору. Въ соборѣ шла заутреня, читалась вторая каѳизма. Вдругъ загремѣли сѣверныя двери, и въ церковь съ шумомъ двинулось множество людей; впереди шли „напроломъ, съ великимъ безстрашіемъ“ люди „въ служиломъ платьѣ“, за ними старцы, за старцами несли крестъ, а за крестомъ слѣдовалъ патріархъ Никонъ съ посохомъ въ рукахъ. Крестъ поставили въ церкви у Спасова образа, противъ патріаршаго мѣста; а Никонъ взошелъ на патріаршее мѣсто и, отдавъ свой посохъ одному изъ старцевъ, взялъ стоявшій тамъ посохъ святителя Петра. Старцы запѣли: „исъ полла эти деспота“, и потомъ: „достойно есть“. Никонъ приказалъ остановить чтеніе псалтыри, а соборному

дьякону Михаилу велѣлъ говорить ектенію: „помилуй насъ, Боже“, и самъ, съ посохомъ святителя Петра, пошелъ прикладываться къ св. иконамъ, къ мощамъ чудотворцевымъ и къ ризѣ Господней. Возвратившись на патріаршее мѣсто, Никонъ, когда окончилась ектенія, за которою поминалось и его имя, прочелъ молитву: „Владыко многомилостиве“, и послалъ сказать митрополиту Іонѣ, находившемуся въ церкви, чтобъ шелъ подъ благословеніе къ патріарху. А надобно замѣтить, что Іона, митрополитъ ростовскій, былъ тогда блюстителемъ патріаршаго престола, послѣ митрополита крутицкаго Питирима, который съ 6 августа этого года сдѣлался митрополитомъ новгородскимъ. Іона, въ испугѣ, не осмѣлился противиться Никону и явился принять у него благословеніе, которое, вслѣдъ за митрополитомъ, приняли также протопопъ и прочія духовныя лица, бывшія въ церкви, а за ними и многіе изъ народа. Тогда Никонъ послалъ Іону, вмѣстѣ съ своимъ воскресенскимъ архимандритомъ и ключаремъ собора, къ великому государю и велѣлъ извѣстить о своемъ приходѣ. Царь, находившійся тогда также на утренней службѣ въ церкви преп. мученицы Евдокіи, что̀ у него на сѣняхъ, былъ пораженъ извѣстіемъ, какое передали ему Іона и ключарь, и тотчасъ же послалъ звать къ себѣ думныхъ бояръ и архіереевъ. Весь дворъ внезапно освѣтился, и въ немъ происходили шумъ, бѣготня и общее смятеніе, какъ будто случилось неожиданное нашествіе враговъ. Но скоро собрались бояре и митрополиты: Павелъ крутицкій, Паисій газскій и Ѳеодосій сербскій. Царь негодовалъ, бояре кричали, архіереи призывали Бога. И съ общаго совѣта, царь приказалъ итти въ соборную церковь митрополиту крутицкому Павлу да боярамъ: князю Никитѣ Одоевскому, князю Юрью Долгорукову, окольничему Родіону Стрѣшневу и думному дьяку Алмазу Иванову, и говорить Никону: „Ты самовольно оставилъ патріаршескій престолъ, обѣщался не быть впредь патріархомъ, съѣхалъ жить въ монастырь, и о томъ писано ко вселенскимъ патріархамъ; зачѣмъ же нынѣ

пріѣхалъ ты въ Москву и вошелъ въ соборную церковь безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? Поѣзжай опять въ свой монастырь". Никонъ отвѣчалъ: „Сошелъ я съ престола никѣмъ не гонимый и пришелъ нынѣ на свой престолъ никѣмъ не званый, чтобы великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ; отъ суда же вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ на свой престолъ по бывшему мнѣ явленію, и вотъ возьмите письмо къ великому государю". Митрополитъ Павелъ и бояре сказали, что безъ вѣдома государя принять того письма не смѣютъ и извѣстятъ о немъ государя. Государь, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ въ другой разъ итти къ Никону, повторить ему прежнее приказаніе, а письмо у него взять. Никонъ, отдавая имъ письмо, сказалъ: „Если великому государю пріѣздъ мой въ Москву не надобенъ, я пойду въ монастырь назадъ; но пока отъ государя не будетъ отповѣди на мое письмо, изъ соборной церкви не пойду". Письмо было доставлено государю и тотчасъ же прочитано. Сначала Никонъ описывалъ здѣсь бывшее ему явленіе, а потомъ помѣстилъ еще отъ себя цѣлое посланіе къ царю, царицѣ, царскимъ дѣтямъ и сестрамъ и, выразивъ имъ въ самомъ началѣ свои благожеланія, продолжалъ: „Я нахожусь теперь въ св. великой соборной церкви Пресв. Богородицы... и пришелъ видѣть пресвѣтлыя лица ваши и поклониться пресвѣтлой славѣ царствія вашего... пришелъ видѣть, какъ у васъ, государей, и у всѣхъ живущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градахъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи, какъ научилъ насъ Господь: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и несемъ съ собою миръ, завѣщанный намъ Господомъ... И не одинъ только миръ даровать кому мы имѣемъ власть, благодатію Божіею, но и оставленіе грѣховъ... А если и больше сего восхощетъ царское величество услышать, мы не отречемся сказать: желаешь ли принять самого Христа? Мы твоему благородію покажемъ, какъ это сдѣлать по слову Господа:

пріемляй васъ, мене пріемлетъ... Пріими насъ во имя Господне и отверзи намъ двери дома твоего..."

Когда окончилось чтеніе письма патріарха Никона, „всѣ мы ужаснулись, — говорилъ Паисій Лигаридъ, и, по приказу государя, отправились въ соборную церковь всѣ бывшіе у него митрополиты: крутицкій, газскій и сербскій и трое прежнихъ бояръ и объявили Никону: „Письмо твое великому государю донесено, и онъ, государь, и власти, и бояре письмо твое выслушали; а ты, патріархъ, изъ соборной церкви поѣзжай въ Воскресенскій монастырь, попрежнему, да поспѣши до восхода солнца, чтобы не случилось потомъ чего непріятнаго". Услышавъ это и увидѣвъ трехъ архіереевъ, Никонъ вознегодовалъ и, схвативъ посохъ святителя Петра, быстро спустился съ патріаршаго мѣста и, едва поклонившись иконамъ, бѣгомъ вышелъ изъ храма. Бояре сказали Никону, чтобы оставилъ посохъ святителя въ соборной церкви. „Отнимите у меня силою", отвѣчалъ Никонъ и, садясь въ сани, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и велѣлъ сдѣлать то же своимъ спутникамъ, а затѣмъ поѣхалъ изъ Москвы за часъ до свѣта. Немедленно доложили государю, что Никонъ увезъ посохъ св. Петра, и государь послалъ за Никономъ окольничаго князя Димитрія Долгорукаго да полковника и голову стрѣлецкаго Артемона Матвѣева и велѣлъ проводить его за Земляной городъ. При прощаніи съ ними здѣсь, Никонъ сказалъ имъ: „Я пріѣзжалъ къ Москвѣ по вѣсти (т. е. по приглашенію), а не собою". Одоевскій какъ только возвратился, передалъ эти слова Никона государю. И въ тотъ же день государь и власти и бояре приговорили послать вслѣдъ за Никономъ митрополита крутицкаго Павла, да окольничаго Родіона Стрѣшнева, да думнаго дьяка Алмаза Иванова, да чудовскаго архимандрита Іоакима, чтобы они взяли у патріарха увезенный имъ посохъ и спросили, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ. Посланные догнали Никона въ его монастырскомъ селѣ Черневѣ, гдѣ онъ остановился. Никонъ встрѣ-

тилъ ихъ у нижняго крыльца, вошелъ съ ними въ комнату и, выслушавъ ихъ рѣчи, сказалъ: „Къ Москвѣ я пріѣзжалъ и въ соборную церковь вошелъ не самовольно, но по вѣсти изъ Москвы, и посоха не отдамъ, потому что некому его отдать“. Когда же митрополитъ Павелъ и окольничій съ товарищами начали его всячески упрашивать, онъ отвѣчалъ Павлу: „Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю, и кто поставилъ тебя митрополитомъ, того не знаю, и посоха тебѣ не отдамъ, да и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого тому посоху быть“. А ко всѣмъ сказалъ: „Кто прислалъ мнѣ ту вѣсть изъ Москвы, вамъ не скажу, а открою тѣмъ, кому великій государь укажетъ“. Митрополитъ и окольничій въ тотъ же день (18 декабря) извѣстили обо всемъ государя и получили отъ него приказъ вновь говорить Никону объ отдачѣ посоха, котораго никто изъ прежнихъ святителей никогда не выносилъ изъ соборной церкви и съ собою не важивалъ, и вновь допрашивать Никона, по какой вѣсти онъ приходилъ въ Москву, и кто и кого и почему присылалъ къ нему съ тою вѣстью. Если же онъ посоха не отдастъ и про вѣсть подлинно не скажетъ, то они, царскіе посланные, въ ту же ночь отписали бы къ государю, а сами до указа государева не выѣзжали изъ Чернева и Никона не выпускали. Услышавъ объ этомъ, Никонъ сказалъ: „Кто прислалъ мнѣ вѣсть, по времени объявлю“. Потомъ читалъ самое письмо, въ которомъ прислана была ему та вѣсть, и продолжалъ: „Я принялъ письмо потому, что когда государь былъ въ Саввиномъ монастырѣ (на праздникѣ преп. Саввы, 3 декабря), и я посылалъ къ нему, государю, своего архимандрита, то милость ко мнѣ государева была такова, какой по отшествіи моемъ никогда не бывало; послѣ того прислано было ко мнѣ первое письмо, а другое прислано 17 декабря, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ 18-го, и я, видя ко мнѣ милость государя, принялъ тѣ письма за прямую правду“. Но посоха и теперь не соглашался отдать и

только послѣ многихъ и усиленныхъ убѣжденій и просьбъ, продолжавшихся съ пятаго часа дня до одиннадцати часовъ ночи, объявилъ, что и посохъ и письма тѣ пошлетъ къ государю съ своимъ архимандритомъ Герасимомъ. Тутъ Никонъ со смиреніемъ началъ говорить царскимъ посланнымъ: „Вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ ко вселенскимъ патріархамъ, чтобы они судили объ отшествіи моемъ и о постановленіи новаго патріарха, и я бью челомъ великому государю, чтобы онъ ко вселенскимъ патріархамъ не посылалъ. Я какъ сперва обѣщался, такъ и нынѣ обѣщаюсь, что на патріаршескій престолъ великія Россіи не возвращуся; у меня и въ мысли того нѣтъ. Я хочу, чтобы на мое мѣсто избранъ былъ новый патріархъ, кого великій государь изволитъ и освященный соборъ изберетъ; и такъ-де Церковь вдовствуетъ немало лѣтъ. А какъ поставленъ будетъ новый патріархъ, я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и ни до чего мнѣ дѣла не будетъ. Только повелѣлъ бы великій государь жить мнѣ въ монастырѣ, который устроенъ по его царскому указу, и новопоставленный патріархъ не имѣлъ бы надо мною никакой власти, а имѣлъ меня за брата; да мнѣ бы вѣдать Воскресенскій и Иверскій и иные, приписные къ нимъ, монастыри, а новгородскому митрополиту въ тѣ монастыри не вступаться, ибо у него и безъ того останется въ епархіи до 150 монастырей и больше 2000 церквей; да не оставилъ бы государь своей милости ко мнѣ въ потребныхъ вещахъ, чѣмъ бы мнѣ пропитаться до смерти, а вѣкъ-де мнѣ недологъ, — и теперь уже мнѣ близко 60-ти лѣтъ“. Никонъ настоятельно просилъ, чтобы все это царскіе посланные передали государю, и сказалъ, что воскресенскій архимандритъ поѣдетъ вмѣстѣ съ ними, повезетъ государю посохъ и письма, а въ письмахъ написано, отъ кого и съ кѣмъ они присланы. И въ ту же ночь, 19 декабря, за два часа до свѣта, царскіе посланные вмѣстѣ съ воскресенскимъ архимандритомъ прибыли въ Москву и поднесли

государю и посохъ чудотворца Петра, и письма, писанныя къ Никону, и статейный списокъ своей посылки.

Посохъ былъ отнесенъ митрополитомъ Павломъ въ соборную церковь и поставленъ на прежнемъ мѣстѣ, а привезенныя письма были прочитаны предъ государемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ. Оказалось, что авторомъ писемъ былъ извѣстный уже намъ, по преданности Никону, бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, и что въ письмахъ онъ, отъ имени самого царя, царицы и всего царскаго семейства, приглашалъ Никона пріѣхать въ Москву. Зюзинъ, которому показали письма, тотчасъ сознался, что одно письмо писано его рукою, а другое — списокъ съ его письма, сдѣланный рукою патріарха Никона, что и Никонъ отписывалъ ему, но письма Никона онъ жегъ, а его письма Никонъ возвращалъ ему, только послѣдняго не возвратилъ. Зюзина подробно разспрашивали (22 декабря) и потомъ велѣли ему написать сказку. Зюзину однакоже пришлось дорого поплатиться. Его потребовали 3 февраля для допросовъ на пытку, и жена его Марія, какъ только услышала объ этомъ, тотчасъ вскрикнула: „охъ!“ и скончалась. На пыткѣ Зюзинъ повторилъ прежнія свои рѣчи, что писалъ къ Никону самъ собою, „ни съ кѣмъ не мысля и никому про то невѣдомо“. И бояре приговорили Зюзина за то, что онъ своимъ обманнымъ письмомъ „св. Церковь поколебалъ, на помазанника Божія солгалъ и людей тѣмъ возмутилъ“, къ смертной казни. Но государь, по просьбѣ своихъ дѣтей, Алексѣя и Ѳеодора Алексѣевичей, отмѣнилъ смертную казнь, а велѣлъ только сослать Зюзина въ ссылку въ Казань на службу, помѣстья его и вотчины отписать на себя, государя, и отдать въ раздачу, самому же Зюзину для прокормленія и уплаты долговъ оставить только его домъ и домашнее имущество. Марта 13-го государевъ указъ объявленъ былъ Зюзину, и затѣмъ онъ былъ сосланъ, куда указано.

Не одинъ Зюзинъ подвергся допросамъ, вмѣстѣ съ ли-

цами, которыя, по его указаніямъ, такъ или иначе будто бы участвовали съ нимъ въ приглашеніи Никона въ Москву и соборную церковь; то же самое происходило и съ лицами, которыя пропустили Никона въ Москву и принимали его въ соборной церкви. Еще 18 декабря допрошены были: стрѣльцы, стоявшіе на часахъ у воротъ, чрезъ которыя проѣхалъ Никонъ; самъ митрополитъ ростовскій Іона и соборные — протопопъ, два ключаря, священникъ, дьяконъ, возглашавшій ектенію, іеродіаконъ митрополита, иподьяконъ и одинъ пѣвчій, и всѣ показали, какъ было дѣло, а иные и повинились, въ чемъ признавали себя виновными. Болѣе всѣхъ оказался виноватымъ митрополитъ Іона, и именно въ томъ, что принялъ благословеніе отъ патріарха Никона и своимъ примѣромъ увлекъ къ тому же и другихъ. Государь, какъ только услышалъ изъ устъ Іоны сознаніе въ этомъ, сказалъ ему: „Ты, митрополитъ, поставленъ блюстителемъ соборныя Церкви и зналъ соборное изложеніе всѣхъ васъ, подъ которымъ есть и твоя рука: что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свой престолъ и обѣщался на него не возвращаться, и что про его самовольное отреченіе, по изложенію всего освященнаго собора, писано нами ко вселенскимъ патріархамъ, а до разсужденія вселенскихъ патріарховъ и до большаго собора опредѣлено сообщенія съ Никономъ не имѣть“. Іона предъ государемъ оправдывался и говорилъ, что совершилъ то забвеніемъ, устрашась его, Никона, и его внезапнаго пришествія. Но государь, какъ самъ выражается, за такое „презрѣніе Іоною изложенія всего освященнаго собора и за неопасное блюстительство соборныя церкви“ не захотѣлъ принять отъ Іоны благословенія и велѣлъ разсмотрѣть дѣло собору. Архіереи, бывшіе тогда въ Москвѣ: Павелъ крутицкій, Паисій газскій, Нектарій, архіепископъ погонеаній-скій, и другіе, собравшись 22 декабря въ патріаршей крестовой палатѣ, признали митрополита Іону виновнымъ въ томъ, что онъ, забывъ свое соборное рукоподписаніе и бу-

дучи намѣстникомъ патріаршаго престола, прежде всѣхъ принялъ благословеніе отъ бывшаго патріарха Никона и тѣмъ подалъ худой примѣръ прочимъ церковникамъ. Но, желая оказать снисхожденіе къ немощи своего собрата, предложили ему, чтобы онъ, по обычаю, какой существуетъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ на Востокѣ, возложивъ на себя епитрахиль и омофоръ, очистилъ себя отъ зазора слѣдующею клятвою: „Свидѣтельствуюсь Богомъ, что я не имѣлъ никакого согласія и совѣта съ бывшимъ патріархомъ Никономъ о пришествіи его на престолъ; что принялъ отъ него благословеніе безъ хитрости, будучи устрашенъ его внезапнымъ пришествіемъ и одержимъ ужасомъ, и что въ то время мнѣ не пришло на умъ мое соборное рукоподписаніе, которое сотворилъ я о непринятіи Никона на патріаршескій престолъ“. Если Іона согласится, продолжали засѣдавшіе на соборѣ, очистить себя такимъ образомъ, тогда онъ можетъ быть свободнымъ отъ всякаго зазора, и нѣтъ нужды для суда надъ нимъ созывать всѣхъ архіереевъ, а довольно только послать къ нимъ грамоты и спросить ихъ мнѣнія: достоитъ ли теперь Іонѣ оставаться намѣстникомъ патріаршаго престола и держать начало между архіереями въ соборной церкви? До полученія же отвѣтовъ Іона можетъ совершать литургію съ архимандритами и священниками, но не въ соборной церкви и не съ архіереями. На другой день, 23 декабря, тотъ же освященный соборъ въ патріаршей крестовой палатѣ опредѣлилъ, что великому государю можно, безъ всякаго сомнѣнія, принимать благословеніе отъ митрополита Іоны, когда онъ очиститъ себя отъ зазора. И въ тотъ же день государь разослалъ ко всѣмъ архипастырямъ свои грамоты, приказывая немедленно отписать: быть ли впредь митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборной апостольской церкви, и великому государю ходить ли къ нему, Іонѣ, подъ благословеніе? Въ 27 день генваря 1665 года, когда отъ архіереевъ получены были отвѣты, собрались въ крестовую патріаршую палату митрополиты: Павелъ крутицкій,

Паисій газскій, Косьма амасійскій и Ѳеодосій сербскій, и, на основаніи тѣхъ отвѣтовъ, опредѣлили: ростовскаго митрополита Іону, когда онъ очистится отъ зазора, какъ указано въ соборномъ постановленіи 22 декабря, отъ намѣстничества престола патріаршаго отлучить вовсе, отъ начальствованія же между архіереями воспятить впредь до разсмотрѣнія и указа всего освященнаго собора; а о принятіи отъ Іоны благословенія царемъ-государемъ, когда онъ соизволитъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. И 10 февраля дѣйствительно состоялся въ Москвѣ соборъ, на который успѣли прибыть почти всѣ русскіе архіереи, митрополиты: Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Павелъ сарскій (крутицкій) и епископы: Симонъ вологодскій, Филаретъ смоленскій, Иларіонъ рязанскій, Іоасафъ тверскій, Арсеній псковскій, и были приглашены митрополиты: Паисій газскій и Ѳеодосій сербскій. Этотъ соборъ вновь допрашивалъ Іону, почему онъ принялъ благословеніе отъ Никона. И Іона оправдывался, просилъ прощенія и, собственноручно переписавъ въ соборной церкви то самое клятвенное свидѣтельство или исповѣданіе, какое было предложено ему на соборѣ 22 декабря, представилъ теперь это свидѣтельство за своею подписью новому собору. И соборъ рѣшилъ: „митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборныя апостольскія Церкви впредь не быть, а въ томъ его внезапномъ погрѣшеніи быть свободнымъ и въ соборной Церкви, въ своей ему прежней степени, сообщаться и служить невозбранно“. Вспомнилъ соборъ и принявшихъ вслѣдъ за Іоною благословеніе отъ патріарха Никона протопопа и двухъ ключарей собора и отлучилъ ихъ за эту вину отъ священнослуженія; но 21 февраля протопопъ Михаилъ и ключари Іовъ и Ѳеодоръ били челомъ о помилованіи, и тѣ же архіереи, ради торжественнаго дня рожденія благовѣрной государыни царевны Евдокіи Алексѣевны, разрѣшили имъ служить попрежнему невозбранно въ соборной церкви, въ своихъ степеняхъ. Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ марта, государь своими грамотами извѣ-

стилъ всѣхъ архіереевъ, что онъ, посовѣтовавшись съ освященнымъ соборомъ, указалъ: „митрополиту Іонѣ быть на митрополіи его въ Ростовѣ, а на Москвѣ блюстителемъ соборной апостольской Церкви быть Павлу митрополиту".

По этому образцу безпощадной строгости легко составить себѣ понятіе о томъ, до какой степени дошло озлобленіе, и какъ неблагопріятно всѣ были настроены и возстановлены противъ Никона. Очевидно было уже и въ это время, что Никона будутъ судить безъ всякаго снисхожденія.

Впрочемъ, государь иногда и колебался въ своихъ намѣреніяхъ относительно Никона.

Не прошло и мѣсяца со времени нежданнаго посѣщенія Никономъ столицы, какъ къ нему посланы были изъ Москвы (13 января 1665 г.) архимандритъ Чудова монастыря Іоакимъ (впослѣдствіи патріархъ) да думный дьякъ Дементій Башмаковъ. Прежде всего они объявили, что ихъ послалъ великій государь со всею палатою и со всѣмъ освященнымъ соборомъ сказать патріарху Никону „спаси Богъ" за то, что патріархъ явилъ правду свою, отдалъ смутное письмо Зюзина, не утаилъ его воровского дѣла, и чтобы впредь не вѣрилъ такимъ ссорщикамъ и, если будутъ, также объявлялъ ихъ. Затѣмъ посланные передали Никону предложеніе. Оно состояло въ слѣдующемъ: „Ты въ селѣ Черневѣ поручилъ митрополиту Павлу и окольничему Стрѣшневу извѣстить государя, чтобы онъ не посылалъ къ патріархамъ, что и безъ нихъ можно дѣло устроить, что ты согласенъ впредь патріархомъ въ Москвѣ не быть, уступить свое мѣсто другому и ни во что не вступаться, и тогда же выразилъ желаніе прислать о томъ письмо къ великому государю". Никонъ принялъ это предложеніе съ радостію и на другой же день, 14 января, въ отвѣтъ на предложеніе написалъ весьма обширное письмо. Здѣсь онъ подробно изложилъ тѣ условія, при которыхъ соглашался на всегдашнее отреченіе отъ московской каѳедры и избраніе на нее новаго патріарха, опредѣлялъ свои отношенія къ будущему патрі-

арху, давалъ обѣщанія разрѣшить все, что прежде, во дни своихъ огорченій, отъ великой кручины износилъ на царское величество, на честный синклитъ и на священный соборъ, также на Симеона Стрѣшнева, Бобарыкина, Сытина и другихъ и проч. Соборъ, обсуждавшій письмо Никона отъ 14 января того года, съ изложеніемъ условій патріарха на совершенное отреченіе отъ московской каѳедры, не могъ быть раньше сентября, съ котораго, по тогдашнему счету, начался уже 1666 годъ, ясно означенный на опредѣленіи этого собора. Настоящему письму, видно, придавали большое значеніе, потому что для обсужденія его, по повелѣнію государя, собрались всѣ архіереи русской земли, кромѣ двухъ, сибирскаго и астраханскаго, приславшихъ однакоже свои повольныя грамоты. Содержаніе письма соборъ разбилъ на 32 статьи и на каждую далъ особое рѣшеніе. Главныя условія Никоновы соборъ принялъ и утвердилъ своимъ согласіемъ. Но зато великое множество разныхъ частностей и подробностей въ этихъ условіяхъ отвергъ. Такъ, напримѣръ, соборъ не позволилъ Никону называть московскаго патріарха своимъ сослужителемъ, а архипастыремъ и начальникомъ, безъ благословенія котораго онъ не долженъ былъ ни приходить въ Москву ни дѣлать что-либо святительское гдѣ-либо, хотя бы въ своихъ монастыряхъ; не позволилъ его Воскресенскому монастырю называться Новымъ Іерусалимомъ, хотя Никонъ объ этомъ вовсе не упоминаетъ въ своихъ условіяхъ; не позволилъ ему также соборъ владѣть приписными монастырями съ ихъ вотчинами, хоть они были приписаны къ его монастырямъ царскими грамотами; не позволялось Никону въ его монастыряхъ „вѣдать никакихъ духовныхъ дѣлъ“, никого не посвящать и не рукополагать безъ разрѣшенія и благословенія тѣхъ архіереевъ, въ епархіяхъ которыхъ состоятъ его монастыри, и т. под.

Однако Никонъ на свое письмо не получилъ никакого отвѣта до самаго пріѣзда въ Москву восточныхъ патріар-

ховъ и до большого московскаго собора, на которомъ это письмо Никона, вмѣстѣ съ отвѣтами на него собора русскихъ архипастырей, было представлено въ числѣ прочихъ обвинительныхъ противъ Никона документовъ. Да и слишкомъ уже запоздало это разбирательство условій Никонова отреченія: еще въ то время, какъ эти условія обсуждались соборомъ, получено было извѣстіе (12 ноября 1665 г.) о томъ, что патріархи уже ѣдутъ въ Москву на соборъ. Значитъ, нужно было пріостановить это дѣло и предложить его въ связи съ другими вопросами по обвиненію Никона и съ участіемъ восточныхъ патріарховъ на предстоящемъ большомъ московскомъ соборѣ.

Одинъ изъ посланныхъ царемъ въ сентябрѣ 1664 года для приглашенія патріарховъ въ Москву, Стефанъ грекъ, ѣздившій къ патріархамъ іерусалимскому (въ Молдавію) и потомъ константинопольскому, не достигъ своей цѣли. Усилія другого посланца, іеродіакона Мелетія, отправившагося къ патріархамъ александрійскому и антіохійскому, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Мелетій сначала прибылъ въ Египетъ и послѣ продолжительныхъ собесѣдованій съ патріархомъ александрійскимъ Паисіемъ убѣдилъ его ѣхать въ Россію. Изъ Египта отправился на Синайскую гору для поклоненія святынѣ и склонилъ тамошняго архіепископа Ананію, области іерусалимскаго патріарха, явиться также въ Москву на предполагаемый соборъ. Антіохійскій патріархъ Макарій находился въ Грузіи для собиранія милостыни. Мелетій переѣхалъ въ Грузію и убѣдилъ здѣсь патріарха Макарія снова посѣтить Москву, гдѣ оказано было ему прежде столько гостепріимства, а на пути склонилъ къ такой же поѣздкѣ и бывшаго трапезундскаго митрополита Филоѳея, изъ церковной области цареградскаго патріарха. Убѣдивши патріарховъ ѣхать въ Москву, Мелетій сопровождалъ ихъ на всемъ пути. Путь былъ весьма трудный и тяжелый,

особенно для такихъ старцевъ, каковы были патріархи, совершался черезъ крутыя горы и по мѣстамъ непроходимымъ.

Когда Паисій александрійскій прибылъ въ Тифлисъ, то Макарій антіохійскій, странствовавшій по Мингреліи, снесся съ нимъ и просилъ его ѣхать въ Шемаху и тамъ подождать его, Макарія. Въ 4 день апрѣля 1666 г. Макарій отправился также въ Шемаху и въ самый праздникъ Воскресенія Христова соединился здѣсь съ Паисіемъ, чтобы продолжать путь вмѣстѣ Каспійскимъ моремъ на Астрахань. Съ патріархами находились, кромѣ ихъ свитъ, и два другіе приглашенные Мелетіемъ іерарха — синайскій и трапезундскій.

Въ Шемахѣ они пробыли не долго, потому что въ Москвѣ давно уже знали о приближеніи ихъ къ границамъ Россіи, и оттуда заблаговременно сдѣланы были распоряженія какъ о пріемѣ дорогихъ гостей, такъ и о путешествіи ихъ по самой Россіи. Еще отъ 11 марта послана была изъ Москвы соборомъ русскихъ святителей астраханскому архіепископу Іосифу грамота, чтобы онъ встрѣтилъ святѣйшихъ патріарховъ въ Астрахани и проводилъ въ Москву съ подобающею честію; если будутъ спрашивать, для какихъ дѣлъ зовутъ ихъ, то отвѣчалъ бы, что, по отдаленности Астрахани отъ Москвы, не знаетъ, но думаетъ, что для дѣла по отшествію патріарха Никона съ престола и для иныхъ великихъ церковныхъ дѣлъ; а о томъ, что самъ былъ у Никона съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, отнюдь не сказалъ бы, и во всемъ былъ бы, какъ можно, остороженъ, и своимъ духовнымъ и мірскимъ людямъ приказалъ бы ничего не говорить о томъ съ людьми патріаршими; а какъ придутъ въ Москву, тогда и объявлено будетъ имъ все по дѣлу Никона. Въ то же время и царь послалъ грамоту такого же содержанія астраханскому архіепископу и приказы астраханскому воеводѣ. Изъ Астрахани своевременно посланъ былъ корабль къ Шемахѣ для пріема патріарховъ.

Выждавъ попутнаго вѣтра, они сѣли на корабль и по-

плыли Каспійскимъ моремъ; на срединѣ пути къ нимъ подошелъ другой царскій корабль, большій по размѣру, и принялъ на себя значительную часть пассажировъ съ перваго корабля. Черезъ нѣсколько дней патріархи вошли въ рѣку Волгу и по ней прибыли въ Астрахань. Здѣсь встрѣтили ихъ торжественно астраханскій архіепископъ и все духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ съ богато украшенными хоругвями и иконами, и астраханскій воевода съ свитою бояръ, при безчисленномъ стеченіи народа и при звонѣ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, какъ въ свѣтлый праздникъ, при громѣ пушекъ и мортиръ, повели патріарховъ въ приготовленное для нихъ пристанище. Изъ Астрахани они отправились въ Симбирскъ, а отсюда ѣхали уже сухимъ путемъ. Для подъема патріарховъ и всѣхъ ихъ спутниковъ выставлялось по 500 лошадей. Дороги были исправлены и, по мѣстамъ, устроены новые мосты.

Между тѣмъ патріархи, окруженные такими необычайными почестями, скоро позволили себѣ выйти изъ предѣловъ принадлежащей имъ власти. Сопровождавшіе ихъ царскіе пристава доносили въ Москву, что патріархи, подвигаясь впередъ, принимаютъ по городамъ и селамъ челобитныя и даже творятъ судъ и расправу: въ Симбирскѣ разстригли и засадили въ тюрьму протопопа Никифора за то, что онъ не хотѣлъ креститься тремя перстами и употреблять новоисправленные служебники, т. е. за приверженность къ расколу; а въ городѣ Чернѣ разстригли попа по жалобѣ на него духовной дочери и по сыску нѣсколькихъ священниковъ и мірскихъ людей. Этого мало. Государю было донесено, что патріархи взяли съ собою изъ Астрахани бывшаго наборщика печатнаго двора Ивана Лаврентьева, сосланнаго, по царскому указу, на Терекъ за то, что завелъ въ Москвѣ латинское согласіе къ соблазну православныхъ; везутъ также съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, сосланнаго за то, что извѣщалъ воровскихъ казаковъ своими грамотками, по которымъ они грабили царскій насадъ, торговыя суда и

многихъ людей убили. Государь счелъ нужнымъ написать, отъ 5 сентября, іеродіакону Мелетію, сопровождавшему патріарховъ, называя его „многострадальнымъ“, чтобы онъ, соблюдая полное уваженіе къ нимъ, вѣжливо объяснилъ имъ, пусть бы не огорчали великаго государя и воровъ въ Москву не привозили, а отдали воеводамъ.

На встрѣчу патріархамъ, для привѣтствованія ихъ, государь послалъ двухъ бояръ съ своими письмами, къ тому и другому отъ 14 сентября. Гдѣ и какъ происходила эта встрѣча — неизвѣстно. Вторая почетная встрѣча патріархамъ сдѣлана была отъ лица освященнаго собора верстъ за пятьсотъ отъ Москвы. Архимандритъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря Павелъ встрѣтилъ ихъ 11 октября въ арзамасскомъ лѣсу, за сорокъ верстъ не доѣзжая до Арзамаса, и объявилъ, что присланъ, по указу государя, отъ всего освященнаго собора съ грамотами, которыя подписаны были архіереями 18 сентября. Оба патріарха, вмѣстѣ съ трапезундскимъ митрополитомъ, синайскимъ архіепископомъ и иными властями, вышли изъ экипажей. Тогда Павелъ сначала привѣтствовалъ александрійскаго патріарха отъ имени русскихъ владыкъ, спросилъ о его здоровьѣ, просилъ имъ его благословенія и подалъ ему соборную грамоту; потомъ точно такъ же поступилъ по отношенію къ антіохійскому патріарху. Патріархи спросили о здоровьѣ государя, его семейства и всѣхъ русскихъ архіереевъ и велѣли Павлу ѣхать съ ними въ Муромъ. Здѣсь, написавъ отвѣтныя грамоты, вручили ихъ (13 окт.) Павлу и послали съ нимъ миръ и благословеніе государю и всему освященному собору. Затѣмъ для привѣтствованія патріарховъ царь послалъ отъ себя своего ближняго боярина, сановитаго мужа Артемона Сергѣевича Матвѣева съ царскими гостинцами и письмомъ отъ 15 октября. За сорокъ верстъ отъ Москвы, въ селѣ Рогожѣ, 29 октября, встрѣтилъ патріарховъ отъ имени царя и всѣхъ архіереевъ архимандритъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретъ и привѣтствовалъ подобно тому, какъ

прежде привѣтствовалъ архимандритъ Павелъ. Когда патріархи приблизились къ столицѣ, начался новый рядъ встрѣчъ, гораздо болѣе торжественныхъ. Еще за городомъ встрѣтилъ ихъ архіепископъ рязанскій Иларіонъ, который, какъ человѣкъ ученый, сказалъ имъ рѣчь. У земляной городской ограды, или вала, встрѣтилъ митрополитъ крутицкій Павелъ съ крестами, иконами и многочисленнымъ духовенствомъ и также сказалъ рѣчь, которую тутъ же переводилъ, по статьямъ, на греческій языкъ никольскій архимандритъ Діонисій святогорецъ. Патріархи были въ омофорахъ, епитрахиляхъ и митрахъ, съ посохами въ рукахъ, и, приложившись къ св. иконамъ, благословивъ духовенство и весь народъ на всѣ четыре стороны осѣненіемъ креста, отправились со всѣмъ крестнымъ ходомъ въ городъ. У каменной городской ограды встрѣтилъ митрополитъ ростовскій Іона съ нѣсколькими архіереями и архимандритами и затѣмъ на Лобномъ мѣстѣ — митрополитъ казанскій Лаврентій, сказавшій также рѣчь, которую переводилъ для патріарховъ іеродіаконъ Мелетій. Наконецъ, предъ вступленіемъ ихъ въ Успенскій соборъ, встрѣтилъ ихъ митрополитъ новгородскій Питиримъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ и привѣтствовалъ рѣчью, которая переводима была тѣмъ же іеродіакономъ. Приложившись въ церкви ко св. иконамъ и выслушавъ краткое молебствіе, утомленные патріархи отправились въ приготовленное для нихъ помѣщеніе на Кирилловскомъ подворьѣ.

Черезъ два дня, 4 ноября, въ воскресенье, патріархи представлялись царю, поднесли ему свои дары и сказали рѣчь, въ которой, призывая на него Божіе благословеніе, выражали желаніе, да „дастъ ему царь Христосъ благоденственное житіе на укрѣпленіе тверди церковной, на радость ихъ (греческаго) рода и на славу безсмертную русскаго народа“. Царь отвѣчалъ также рѣчью, въ которой благодарилъ Бога, подвигшаго ихъ предпринять такое дальнее путешествіе въ Россію для избавленія ея Церкви отъ бѣдствій, благодарилъ и ихъ самихъ, перенесшихъ всѣ трудности пути, и пожелалъ

имъ щедраго за то воздаянія въ настоящей жизни и въ будущей. Въ тотъ же день у государя для патріарховъ былъ столъ. Въ понедѣльникъ присланы были царскіе дары патріархамъ, а въ слѣдующій день представлялись имъ всѣ архіереи, кто съ раззолоченными иконами, кто съ серебряными чашами и кубками, затѣмъ архимандриты и игумены, и послѣ всѣхъ Паисій, газскій митрополитъ, привѣтствовавшій патріарховъ витіеватою рѣчью, за которую они выразили ему свою признательность. Когда всѣ привѣтствія окончились, и патріархи нѣсколько освоились съ новымъ своимъ положеніемъ, начались приготовленія къ собору.

VII.

Большой соборъ въ Москвѣ, судъ и низложеніе патріарха Никона.

Всѣ соборы, доселѣ бывшіе въ русской Церкви, обыкновенно составлялись только изъ ея собственныхъ архипастырей съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ. Если же на нѣкоторыхъ нашихъ соборахъ бывали и иноземные православные архіереи, иногда одинъ, иногда два-три не болѣе, то это были архіереи, случайно находившіеся въ Россіи, посѣщавшіе ее для личныхъ цѣлей, а не для участія въ соборахъ. Такъ присутствовали у насъ на соборахъ и нѣкоторые восточные патріархи, приходившіе къ нашему царю за милостынею: константинопольскій Іеремія — на соборѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, іерусалимскій Θеофанъ — на соборѣ объ избраніи патріарха Филарета Никитича, антіохійскій Макарій — на соборѣ объ исправленіи служебника и другихъ церковныхъ книгъ.

Не то мы видимъ на соборѣ, теперь состоявшемся въ Москвѣ. На немъ присутствовали не одинъ какой-либо, а два восточныхъ патріарха: александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, и не случайно прибывшіе въ Россію для сво-

ихъ цѣлей, а нарочито приглашенные въ Москву для собора. И если не было здѣсь лично двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ — константинопольскаго и іерусалимскаго, зато находились изъ константинопольскаго патріархата пять митрополитовъ: никейскій Григорій, амасійскій Козьма, иконійскій Аѳанасій, трапезундскій Филоѳей, варнскій Даніилъ и одинъ архіепископъ — погоніанскій Даніилъ, и изъ іерусалимскаго патріархата и Палестины — газскій митрополитъ Паисій и самостоятельный архіепископъ Синайской горы Ананія; да кромѣ того находились: изъ Грузіи митрополитъ Епифаній и изъ Сербіи епископъ Іоакимъ Дьяковичъ. Всего же иноземныхъ архіереевъ присутствовало теперь на соборѣ двѣнадцать, чего прежде никогда у насъ не бывало. Русскіе архипастыри принимали участіе на соборѣ всѣ семнадцать и именно: митрополиты: новгородскій Питиримъ, казанскій Лаврентій, ростовскій Іона, сарскій Павелъ; архіепископы: вологодскій Симеонъ, смоленскій Филаретъ, суздальскій Стефанъ, рязанскій Иларіонъ, тверской Іоасафъ, астраханскій Іосифъ, псковскій Арсеній; епископы: вятскій Александръ и изъ Малороссіи черниговскій Лазарь Барановичъ и мстиславскій Меѳодій, блюститель кіевской митрополіи; а вскорѣ къ нимъ присоединились вновь избранный московскій патріархъ Іоасафъ II и архіереи двухъ новооткрытыхъ епархій: бѣлогородской — митрополитъ Ѳеодосій и коломенской — епископъ Мисаилъ. Такимъ образомъ на московскомъ соборѣ 1666—1667 г. присутствовали: сперва два, потомъ три патріарха: александрійскій, антіохійскій и московскій, двѣнадцать митрополитовъ (5 русскихъ и 7 иноземныхъ), девять архіепископовъ (7 русскихъ и 2 иноземныхъ) и пять епископовъ (4 русскихъ и 1 иноземный), всего 29 іерарховъ (хотя, надобно замѣтить, не на всѣхъ засѣданіяхъ присутствовали всѣ), и въ числѣ этихъ іерарховъ находились представители отъ всѣхъ главныхъ самостоятельныхъ Церквей православнаго Востока; не говоримъ уже о множествѣ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ духов-

ныхъ лицъ, не русскихъ только, но и иноземцевъ. Очень естественно, если такой соборъ, сравнительно со всѣми прежними, называется большимъ соборомъ.

Особое значеніе онъ имѣлъ по отношенію къ тѣмъ соборамъ, которые происходили въ Москвѣ въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ и разсуждали то объ исправленіи церковныхъ книгъ, то объ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, то о появившемся въ Церкви расколѣ. Всѣ эти соборы нашли для себя въ большомъ соборѣ не только подкрѣпленіе, но и разъясненіе, дополненіе, какъ бы завершеніе. Онъ окончательно рѣшилъ вопросы и о патріархѣ Никонѣ, и о новоисправленныхъ при немъ книгахъ, и о появившемся вслѣдствіе исправленія книгъ расколѣ, а вмѣстѣ рѣшилъ и нѣкоторые другіе вопросы для исправленія разныхъ нестроеній и недостатковъ въ русской Церкви и для ея дальнѣйшаго благоустройства.

Главная цѣль, для которой приглашены были въ Москву восточные патріархи, состояла въ соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. И они занялись этимъ дѣломъ прежде всего и занимались около мѣсяца. Всѣхъ собраній собора для суда надъ Никономъ было восемь: три предварительныхъ или приготовительныхъ, четыре посвященныхъ самому суду надъ Никономъ (два — суду заочному и два — суду въ присутствіи подсудимаго) и одно заключительное, на которомъ происходило только объявленіе и исполненіе судебнаго приговора.

Во второй день ноября 1666 года восточные патріархи, александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, прибыли въ Москву; четвертаго числа представлялись царю въ Гранитой палатѣ и удостоились быть у его стола; а пятаго числа „въ третьемъ часу ночи (по нашему счету въ девятомъ часу вечера) святѣйшіе патріархи были у великаго государя въ столовой избѣ и сидѣли до десятаго часа, но говорили

съ великимъ государемъ наединѣ". Такая продолжительная бесѣда шла несомнѣнно о Никонѣ.

Первое засѣданіе собора для суда надъ Никономъ состоялось 7-го ноября. Засѣданіе происходило въ столовой избѣ у государя. Здѣсь присутствовали оба патріарха и прочія власти: митрополиты, архіепископы и епископы; присутствовали также самъ царь и его бояре, окольничіе и думные люди. „И великій государь говорилъ святѣйшимъ патріархамъ о отшествіи съ Москвы Никона патріарха, а власти подали (имъ) за своими руками сказки и выписку изъ правилъ". Дѣло такимъ образомъ началось съ того, съ чего и должно было начаться. Государь объявилъ патріархамъ главную вину Никона, а русскіе архіереи подали имъ, въ доказательство и разъясненіе этой вины, собственноручныя сказки о ней, которыя они составили и разсматривали еще на соборѣ 1660 года, и вмѣстѣ выписку изъ правилъ, тогда же составленную, въ руководство для суда надъ Никономъ. Патріархамъ необходимо было предварительно ознакомиться, въ чемъ виновенъ Никонъ, дѣйствительно ли виновенъ и чему долженъ подлежать по церковнымъ правиламъ. Кромѣ сказокъ объ отреченіи Никона отъ престола, патріархамъ поданы были для келейнаго разсмотрѣнія разныя краткія записки и о другихъ проступкахъ Никона и обширная записка въ видѣ просьбы, въ которой изложены были вмѣстѣ многія обвиненія на Никона. Въ помощь патріархамъ государь предложилъ, въ качествѣ толмачей, митрополита крутицкаго Павла и архіепископа рязанскаго Иларіона; а патріархи просили еще прибавить и одноязычнаго съ ними Паисія газскаго, и государь отвѣчалъ: „Имѣйте его отнынѣ при себѣ; отъ него узнаете все подробно". Паисій же, несомнѣнно, составилъ и самую просьбу, которая подана была тогда патріархамъ. Здѣсь онъ обвинялъ Никона и въ томъ, въ чемъ послѣдній вовсе не былъ виноватъ, или чего нельзя назвать виною, и говорилъ: а) Никонъ оскорбилъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ: алексан-

дрійскаго тѣмъ, что вздумалъ присвоять себѣ имя патріарха-папы (?), которое издревле принадлежитъ на Востокѣ только патріарху александрійскому; іерусалимскаго тѣмъ, что именовалъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, какъ, по невѣжеству и безстыдству, назвалъ одну изъ своихъ обителей; антіохійскаго тѣмъ, что, черезъ подложное писаніе и подпись, старался усвоить своей каѳедрѣ, въ ряду другихъ патріаршихъ каѳедръ, третье мѣсто (?), принадлежащее каѳедрѣ антіохійской; константинопольскаго тѣмъ, что захватилъ себѣ кіевскую митрополію изъ области константинопольскаго патріарха и сталъ величаться патріархомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи; а кромѣ того, патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго не признаетъ законными патріархами потому, что они не живутъ въ Антіохіи и Александріи, какъ будто духовная власть привязана къ мѣсту; б) Никонъ перемѣнилъ обычай прежнихъ московскихъ патріарховъ: вмѣсто синихъ скрижалей сталъ носить червленыя; пересталъ поминать въ церкви вселенскаго патріарха; переоблачался во время божественнаго тайнодѣйствія и, имѣя восемьдесятъ саккосовъ (?), за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двадцати (?); чтобы казаться подобнымъ Вышнему, назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами; въ алтарѣ чесался предъ зеркаломъ и обратилъ алтарь въ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ имъ іеродіаконовъ; в) отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенныя патріархомъ Митрофаномъ и обыкновенно воспѣваемыя каждое воскресенье, и запретилъ совершать торжественное освященіе воды на самый праздникъ Крещенія Господня; г) во второй разъ былъ рукоположенъ въ архіерейскій санъ, когда вступалъ на патріаршество, а двухъ архіереевъ, отставленныхъ отъ должности, вновь рукоположилъ, вопреки 68 канону апостольскому; д) архіереевъ, имъ рукоположенныхъ, не удостоивалъ именовать своими братьями; соборъ ихъ называлъ синагогою; уподоблялъ православныхъ архіереевъ Аннѣ и Каіафѣ,

судіямъ христоубійцамъ; е) приравнивалъ себя святымъ, нося на главѣ своей корону, или діадиму, въ которой обыкновенно изображаются они, какъ торжествующіе на небеси, и величалъ себя великимъ государемъ, что вовсе неприлично духовному лицу; ж) былъ крайне любостяжателенъ и, замкнувшись, любилъ считать свои деньги и драгоцѣнные сибирскіе мѣха; з) расточалъ доходы патріаршей каѳедры, желая именоваться создателемъ новыхъ монастырей, и для этого же отнималъ у сосѣдей села и поля; и) предоставилъ весь свой церковный судъ свѣтскимъ людямъ, своимъ боярамъ, обыкновенно продающимъ правосудіе, і) ни съ кѣмъ изъ архіереевъ и ни въ чемъ не совѣщался; к) наконецъ, словно самоубійца, самъ себя разоблачилъ во время своего отреченія отъ каѳедры. Если Паисій не постыдился взводить на Никона такія ложныя обвиненія даже на бумагѣ, то легко понять, чего онъ не могъ наговорить про Никона въ словесныхъ собесѣдованіяхъ съ патріархами, когда былъ приставленъ къ нимъ съ цѣлію ознакомить ихъ во всѣхъ подробностяхъ съ дѣломъ Никона. Такимъ образомъ съ перваго шага соборныхъ дѣяній появились уже нѣкоторые признаки того, что вопросъ не только о судѣ, но и объ осужденіи патріарха Никона былъ уже предрѣшенъ.

Второе засѣданіе собора происходило около 18-го ноября въ патріархіи, въ патріаршей крестовой палатѣ. Въ этомъ засѣданіи участвовали только патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и другія духовныя лица; но не было ни государя, ни его синклита и при нихъ царскихъ дьяковъ. Собраніе обсуждало три слѣдующіе вопроса: а) дозволительно ли созывать соборы по нуждамъ времени? б) имѣлъ ли право царь Алексѣй Михайловичъ созвать соборъ, на который пригласилъ и восточныхъ патріарховъ? и в) будетъ ли созванный теперь соборъ вселенскимъ или только частнымъ, помѣстнымъ?

На всѣ три вопроса рѣшеніе заблаговременно было приготовлено Паисіемъ Лигаридомъ и въ засѣданіи собора было

только прочитано. На первый вопросъ Паисій отвѣчалъ утвердительно и, указавъ на соборы, бывшіе еще при св. апостолахъ, на правила апостольскія и соборныя, повелѣвающія созывать соборы, на примѣры соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, пришелъ къ заключенію, что и нынѣ можно и должно созывать соборы по требованіямъ нужды. Утвердительно отвѣчалъ Паисій и на второй вопросъ и довольно подробно раскрывалъ мысль, что цари греческіе, какъ только сдѣлались христіанами и покровителями Церкви, сами созывали соборы: Константинъ Великій созвалъ соборъ никейскій — вселенскій, Ѳеодосій Великій — соборъ константинопольскій, Ѳеодосій Младшій — ефесскій, Маркіанъ — халкидонскій и проч., и что, по примѣру греческихъ православныхъ царей, и царь Алексѣй Михайловичъ, равный имъ во всемъ, имѣетъ полное право на созваніе собора. Рѣшеніе третьяго вопроса состояло въ томъ, что хотя соборъ, созванный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, представлялъ собою подобіе вселенскаго собора, такъ какъ на немъ присутствуютъ два вселенскіе патріарха и многіе архіереи изъ всѣхъ патріархій, но собственно это не есть соборъ вселенскій: на немъ не предположено разсматривать или опредѣлить какой-либо догматъ вѣры, а предположено только произнесть судъ надъ Никономъ, вызванный его недостойными дѣлами. Настоящій соборъ похожъ на соборъ, бывшій нѣкогда противъ цареградскаго патріарха Фотія и называющійся въ Церкви только помѣстнымъ, а не вселенскимъ.

Когда такимъ рѣшеніемъ вопроса всѣ были удовлетворены, Паисій всталъ съ своего мѣста и сказалъ длинную и витіеватую рѣчь, въ которой, приписывая особенное, таинственное значеніе числу семь (7 дней творенія, 7 трубъ, отъ которыхъ палъ Іерихонъ, и проч.), старался доказать, что вселенскихъ соборовъ должно быть только семь, никакъ не болѣе, и что всѣ прочіе соборы, каковы бы они ни были, не слѣдуетъ называть вселенскими. Послѣ этого присутствовавшіе въ засѣданіи разошлись. Но Паисій въ

своихъ запискахъ прибавляетъ, что, кромѣ трехъ вопросовъ, рѣшенныхъ въ засѣданіи собора, предложены были еще два вопроса „келейно“, т. е., вѣроятно, уже въ кельяхъ патріарховъ, по окончаніи засѣданія, а именно вопросы: а) почему александрійскій патріархъ называется судіею вселенной? и б) съ какого времени антіохійскій патріархъ началъ именоваться пастыремъ пастырей и архіереемъ архіереевъ? Отвѣты и на оба эти вопроса, весьма подробные, съ учеными ссылками, даны были тѣмъ же Паисіемъ Лигаридомъ.

Прошло до двадцати дней со времени перваго засѣданія собора. Патріархи Паисій и Макарій имѣли возможность достаточно изучить дѣло, о которомъ судить были призваны. И вотъ 28-го ноября послѣдовало *третье* засѣданіе собора въ столовой избѣ у государя, во многомъ похожее на первое. Прибыли въ засѣданіе, съ одной стороны, патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, а съ другой — самъ царь, бояре, окольничіе и думные люди. Государь опять заговорилъ о бывшемъ московскомъ патріархѣ Никонѣ „и о самовольномъ его отшествіи съ патріаршаго престола, безъ повелѣнія его царскаго величества и всего освященнаго собора, и что соборная и апостольская Церковь стоитъ безъ пастыря девятый годъ“, и потомъ просилъ патріарховъ, чтобы они „учинили о томъ по правиламъ св. апостолъ и по преданію св. отцовъ седми вселенскихъ соборовъ и по своему разсмотрѣнію“. Патріархи, послѣ совѣщанія съ прочими членами собора, отвѣчали государю, что, по правиламъ св. соборовъ, надобно позвать Никона патріарха на соборъ и допросить, почему онъ оставилъ свою каѳедру и самовольно отошелъ въ Воскресенскую обитель, равно и о другихъ его винахъ и указали, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, послать къ Никону псковскаго архіепископа Арсенія и съ нимъ двухъ архимандритовъ: ярославскаго Спасскаго монастыря Сергія и суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря Павла. Тотчасъ же составлена была

на соборѣ, въ присутствіи самого государя, грамота, которую должны были передать Никону посланные къ нему и которая гласила: „Блаженнѣйшіе патріархи киръ Паисій, папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенной, и киръ Макарій, патріархъ Божія града Антіохіи и всего Востока, и весь святѣйшій соборъ архіереевъ приглашаютъ тебя прибыть въ царствующій градъ Москву безъ всякаго замедленія и лично предстать предъ нами по нѣкоторымъ духовнымъ дѣламъ. Не будь непокоренъ приглашенію и явись со смиреніемъ: такъ внушаемъ тебѣ поступить непремѣнно". Этимъ и окончилось третье и послѣднее предварительное засѣданіе собора.

На слѣдующій день, 29-го ноября, въ шестомъ часу дня, архіепископъ Арсеній и два архимандрита прибыли къ патріарху Никону и, съ его дозволенія, представившись ему, прочли предъ нимъ соборную грамоту. Выслушавъ ее, Никонъ отвѣчалъ: „Я имѣю поставленіе святительское и престолъ патріаршескій не отъ александрійскаго и не отъ антіохійскаго, но отъ константинопольскаго патріарха; патріархи же александрійскій и антіохійскій и не живутъ сами въ Александріи и Антіохіи, а одинъ живетъ въ Египтѣ, другой въ Дамаскѣ. Если они, по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами, пришли въ Москву для духовныхъ вещей, то и я, какъ соберусь, приду въ царствующій градъ для духовныхъ всякихъ вещей извѣстія ради"; но когда соберется и придетъ, не сказалъ. Посланные къ нему объявили, что имъ не велѣно возвращаться въ Москву безъ него, патріарха Никона; но онъ только повторилъ: „Какъ соберусь, приду". О всемъ этомъ архіепископъ и архимандриты поспѣшили отправить донесеніе къ царю и собору. Между тѣмъ въ седьмомъ часу ночи того же числа они получили отъ правившаго патріаршествомъ митрополита Павла сарскаго грамоту, въ которой было написано, чтобы, когда Никонъ поѣдетъ въ Москву, возы его въ дорогѣ отнюдь не развязывались, изъ людей его никто

напередъ въ Москву не былъ отпущенъ, и самъ онъ пріѣхалъ въ Москву не раньше, какъ въ третьемъ часу ночи или позднѣе.

Донесеніе, отправленное изъ Воскресенскаго монастыря къ царю и собору, могло достигнуть Москвы лишь ночью подъ 30 число ноября. И едва только настало это число, царь, въ первомъ часу дня, съ своимъ синклитомъ пришелъ уже въ свою столовую избу; туда же пришли и патріархи со всемъ освященнымъ соборомъ. Тотчасъ же прочитано было донесеніе о Никонѣ отъ присланныхъ къ нему, и патріархи сказали: „Приходится послать къ нему, по правиламъ соборнымъ, второе и третье приглашеніе“. И указали для второго приглашенія послать къ Никону владимірскаго-рождественскаго архимандрита Филарета да чудовскаго соборнаго старца, священника Лаврентія, а для третьяго приглашенія — новоспасскаго архимандрита Іосифа да спасскаго протопопа изъ дворца Онисима.

Сдѣлавъ такое распоряженіе, патріархи со всѣмъ соборомъ въ томъ же засѣданіи 30-го ноября приступили къ самому суду надъ Никономъ, хотя пока заочному, такъ что засѣданіе это, *четвертое* по порядку, послѣ трехъ предварительныхъ, было первымъ въ ряду собственно судебныхъ засѣданій. Никонъ своимъ отвѣтомъ на первое приглашеніе къ нему отъ собора далъ почувствовать патріархамъ александрійскому и антіохійскому, что не признаетъ ихъ власти надъ собою и готовъ признать только въ такомъ случаѣ, если они пришли въ Москву по согласію съ патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ. И вотъ патріархи Паисій и Макарій прежде всего хотѣли показать Никону и всѣмъ, что они пришли судить его дѣйствительно по согласію съ патріархами цареградскимъ и іерусалимскимъ, и что судъ надъ Никономъ будетъ судомъ не двухъ только, а всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ съ освященнымъ соборомъ. Въ засѣданіе собора принесенъ былъ свитокъ, присланный еще въ 1664 году царю Алексѣю Михайловичу

патріархами - Діонисіемъ цареградскимъ, Паисіемъ александрійскимъ, Макаріемъ антіохійскимъ и Пектаріемъ іерусалимскимъ, — свитокъ, въ которомъ подробно разсмотрѣны были всѣ вины патріарха Никона, хотя имя его и не упоминалось, и на всѣ изложены, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, рѣшенія четырехъ патріарховъ и многихъ другихъ восточныхъ архіереевъ и духовныхъ сановниковъ за ихъ собственноручными подписями. Въ заключеніи свитка помѣщено было слѣдующее опредѣленіе: „Архіерей, который окажется виновнымъ по изложеннымъ вопросамъ и отвѣтамъ, да извержется отъ архіерейскаго достоинства и власти". Этотъ свитокъ велѣно было читать въ засѣданіи собора во всеуслышаніе. И пока происходило чтеніе, государь сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ; патріархи сидѣли подлѣ царскаго мѣста съ лѣвой стороны въ креслахъ; митрополиты, архіепископы и епископы сидѣли съ правой стороны отъ царскаго мѣста на скамьяхъ, а бояре, окольничіе и думные люди сидѣли съ лѣвой стороны отъ того же мѣста на скамьяхъ. Когда чтеніе свитка кончилось, патріархи Паисій и Макарій, подписи которыхъ также находились подъ свиткомъ, объявили царю и всему освященному собору и всему царскому синклиту, что этотъ свитокъ несомнѣнно подлинный и присланъ къ его царскому величеству четырьмя патріархами съ іеродіакономъ Мелетіемъ грекомъ за ихъ руками. И вслѣдъ за тѣмъ спросили: „Виновенъ ли по сему свитку патріархъ Никонъ, отошедшій съ своего патріаршаго престола своей волею, безъ всякой церковной вины и безъ повелѣнія царскаго величества и безъ совѣта всего освященнаго собора?" И митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ и царскаго величества бояре, окольничіе и думные люди отвѣчали, что „по тому ихъ патріаршескому свитку, за ихъ руками, бывшій патріархъ Никонъ повиненъ во всемъ, и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ". А русскіе архіереи сказали еще патріархамъ, что когда они, архіереи, созваны были, въ 1660 году,

по указу государя, въ Москву на соборъ, чтобы разсудить объ отшествіи и отреченіи патріарха Никона отъ престола, то выписывали изъ правилъ св. апостоловъ и соборовъ и принимали въ соображеніе тѣ самыя правила, какія приведены и приняты за основаніе рѣшеній въ этомъ патріаршескомъ свиткѣ.

Подъ конецъ засѣданія царь поднесъ патріархамъ челобитную, полученную имъ отъ Никона. Челобитная касалась рыбныхъ ловлей на морѣ въ Кольскомъ островѣ, которыя нѣкогда царь пожаловалъ, по просьбѣ Никона, его монастырямъ — Крестному и Воскресенскому, а потомъ дозволилъ отдать во владѣніе иноземцамъ на урочное число лѣтъ, по записямъ приказныхъ людей самого же Никона, даннымъ съ его разрѣшенія. Въ этой челобитной „написаны были Никономъ на него, великаго государя, многія клятвы и укоризны, чего и помыслить страшно“. Патріархи взяли челобитную къ себѣ, и собраніе разошлось.

Что же дѣлалъ въ то время Никонъ, и какъ переданы были ему два послѣднія приглашенія отъ лица собора? Никонъ еще 29 ноября, послѣ извѣстнаго отвѣта его на первое приглашеніе, началъ собираться въ Москву.

Настало время вечерняго богослуженія. Патріархъ отслушалъ съ братіею вечерню и повечеріе и при выходѣ изъ церкви отдалъ архимандриту приказаніе, чтобы онъ и вся братія монастыря готовились служить литургію завтра вмѣстѣ съ патріархомъ. Затѣмъ въ келліи прочиталъ онъ свое обычное вечернее правило и все, что по уставу Церкви полагается для приготовленія къ священнодѣйствію. По окончаніи молитвы сдѣлалъ распоряженіе о предстоящемъ отправленіи въ Москву на соборъ: велѣлъ взять съ собой кормчую книгу, псалтирь съ возслѣдованіемъ, свои возраженія на вопросы боярина Стрѣшнева Паисію Лигариду и крестъ, который обыкновенно носили предъ патріархомъ во время его шествія; болѣе ничего не велѣлъ брать. Немного спустя, начался по его приказанію благовѣстъ къ утрени. Послѣ

утрени призвалъ онъ къ себѣ духовнаго отца и исповѣдался предъ нимъ. Затѣмъ самъ съ архимандритомъ и священниками совершилъ елеосвященіе и помазалъ освященнымъ елеемъ себя, весь свой причтъ и братію, чтобы предстать предъ соборъ, говорилъ онъ впослѣдствіи, съ чистою совѣстію и готовностію положить душу свою за истину. Все это происходило въ церкви. По приходѣ въ келлію онъ приказалъ читать для себя часы и послѣдованіе ко св. причащенію. Тогда посланники собора опять явились въ келлію Никона и дали знать ему, что имѣютъ до него „государево дѣло“. Патріархъ не хотѣлъ нарушить бесѣдой съ ними благодатнаго мира души, принятаго имъ отъ силы таинствъ, и велѣлъ сказать имъ, что не можетъ теперь принять ихъ: „Яко азъ нынѣ готовлюся къ небесному Царю“, отвѣчалъ онъ. Немедленно потомъ приказалъ благовѣстить къ литургіи, отправился въ голгоѳскую церковь, предшествуемый свѣщами и пѣніемъ, облачился въ архіерейскія одежды, и въ послѣдній разъ литургисалъ по чину патріаршему. Между тѣмъ явились въ церковь и посланники собора, и безпокойный архимандритъ Сергій завелъ громкій споръ съ иноками о новоисправленныхъ книгахъ, о стройномъ пѣніи, введенномъ въ церковь Никономъ, и о греческомъ языкѣ, на которомъ Никонъ совершалъ теперь литургію, но котораго Сергій не понималъ и потому оглашалъ еретическимъ. Патріархъ не потерпѣлъ его безчинія: онъ послалъ къ нему своего иподіакона, по имени Германа, и приказалъ выйти ему изъ церкви. Сергій вышелъ, а съ нимъ вышли и всѣ прочіе посланники собора. Трогательно совершалась литургія патріархомъ, который былъ увѣренъ, что уже въ послѣдній разъ здѣсь на землѣ предстоитъ святому жертвеннику и пріемлетъ на руки святая святыхъ! Не разъ порывались слезы изъ очей Никона и всѣхъ его сослужителей. Послѣ заамвонной молитвы онъ съ глубокимъ умиленіемъ сердца поучалъ братію свою въ продолжительной бесѣдѣ съ нею терпѣнію за Христа; книга дѣявій апостольскихъ

лежала у него предъ глазами, и примѣры св апостоловъ воодушевляли его и чрезъ его уста всю братію обители къ готовности съ радостію переносить всѣ страданія и лишенія за Христа и Его св. Церковь, какъ говорилъ Никонъ. Обильные потоки слезъ текли изъ очей слушателей, безпредѣльно преданныхъ бѣдствующему своему патріарху, настоятелю и отцу. По совершеніи литургіи Никонъ, подавъ миръ и благословеніе братіи, съ миромъ пошелъ въ свои келліи.

На самомъ крыльцѣ церковномъ встрѣтили патріарха громкіе упреки посланниковъ собора. „Что ты насъ держишь, — громко говорили они: — ни прикажешь, ни откажешь“. Особенно много и грубо кричалъ архимандритъ Сергій, котораго первый жизнеописатель Никона, иподіаконъ его Шушеринъ, называетъ „невѣжественнымъ“. Патріархъ, не отвѣчая имъ на грубости, кротко пригласилъ ихъ съ собою въ келліи. Здѣсь онъ спросилъ архіепископа: „Зачѣмъ приходили они къ нему сегодня утромъ?“ — Къ тебѣ есть указъ,—отвѣчалъ ему архіепископъ,—чтобы ты ѣхалъ въ Москву на судъ предъ соборъ. Скажи же,—продолжалъ онъ: — поѣдешь или нѣтъ? — „Слава Богу! — отвѣчалъ Никонъ: — о всемъ готовъ семь и иду“.

Вечеромъ того же дня патріархъ отправился въ путь. Съ горькимъ плачемъ и рыданіемъ сопровождали его иноки устроенной имъ обители. На Елеонской горѣ, при подножіи водруженнаго имъ здѣсь креста, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда онъ нѣкогда вмѣстѣ съ царемъ обозрѣвалъ величественную мѣстность новой обители и называлъ ее Новымъ Іерусалимомъ,—здѣсь теперь остановился патріархъ, чтобы еще однажды взглянуть на любимую свою обитель и подать ей о имени Божіемъ благословеніе мира и благоденствія. Онъ вышелъ изъ повозки, надѣлъ мантію, велѣлъ діакону читать ектенію и молился вмѣстѣ со всею братіею о здравіи и спасеніи благочестивѣйшаго государя, и о благосостояніи святой обители, къ которой обращены были теперь взоры

и сердце его. Съ глубокою скорбію въ душѣ благословилъ онъ потомъ съ Елеона въ послѣдній разъ свою обитель, подалъ благословеніе и лобзаніе мира каждому изъ братій и обратился продолжать путь. Взорами, полными слезъ, провожала его братія съ высотъ Елеона, пока не скрылся отъ нихъ патріархъ въ темной дали. Тогда съ грустію въ сердцѣ, съ молитвою къ Богу о возвращеніи къ нимъ любимаго настоятеля возвратились они въ свою обитель.

Никонъ продолжалъ свой путь къ Москвѣ, но уже не съ торжественностію патріарха, а въ униженномъ видѣ подсудимаго. Ему предшествовалъ отрядъ стрѣльцовъ; позади ѣхали духовныя власти, которыя посланы были отъ имени царя и собора звать его на судъ въ Москву.

Всѣ они приближались уже къ селу Черневу, какъ ихъ встрѣтилъ, верстъ за шесть до того села, владиміро-рождественскій архимандритъ Филаретъ въ четвертомъ часу ночи и, остановивъ поѣздъ, сказалъ Никону: „Ты своимъ отказомъ на первое приглашеніе прибыть въ Москву учинилъ непослушаніе великому государю и обезчестилъ святѣйшихъ патріарховъ и весь соборъ; теперь они прислали къ тебѣ второе приглашеніе, чтобы ты ѣхалъ въ Москву, и ѣхалъ смиреннымъ образомъ, имѣя при себѣ не болѣе десяти человѣкъ, и чтобы пріѣхалъ въ нее 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи и остановился на архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, у Никольскихъ воротъ“. Никонъ съ своими спутниками двинулся далѣе, и когда въѣхалъ уже въ село Чернево, въ пятомъ часу ночи, то опять былъ остановленъ на дорогѣ новоспасскимъ архимандритомъ Іосифомъ, который возвѣстилъ ему отъ имени царя и собора третье приглашеніе прибыть въ Москву и приказаніе пріѣхать въ нее 3 декабря смиреннымъ образомъ, въ три или четыре часа ночи. Продолжали путь и достигли села Тушина. Отсюда полковникъ Остафьевъ, недоумѣвая, какъ поступить, отправилъ гонца въ Москву спросить: дожидаться ли въ Тушинѣ третьяго декабря или теперь же ѣхать въ Москву.

Пришелъ царскій указъ—ѣхать немедленно, и въ двѣнадцать часовъ ночи подъ 1-е декабря Никонъ прибылъ въ Москву.

При въѣздѣ его съ спутниками въ Кремль къ архангельскому подворью вдругъ Никольскія ворота предъ ними затворились, и полковникъ, подошедши къ знакомому намъ подьяку Ивану Шушерину, который ѣхалъ впереди Никона съ крестомъ, на лошади верхомъ, сказалъ: „Сойди съ коня и отдай крестъ, до тебя есть государево дѣло“. И Шушерина, отдавшаго крестъ Никону въ руки, взяли два стрѣльца и повлекли прямо къ государю. Государь личио допрашивалъ его. Государь обѣщалъ Шушерину свободу, если скажетъ правду; но онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только: „Ничего не знаю“. Почему и отосланъ былъ въ приказъ тайныхъ дѣлъ и просидѣлъ подъ крѣпкою стражею въ Москвѣ болѣе трехъ лѣтъ, а потомъ сосланъ въ Новгородъ въ ссылку, въ которой и находился десять лѣтъ.

Между тѣмъ Никонъ со всею его свитою пропущенъ былъ въ Кремль и остановился на архангельскомъ подворьѣ, гдѣ до того времени проживалъ сербскій митрополитъ Ѳеодосій. А свиты съ Никономъ, монаховъ и мірянъ, было до тридцати человѣкъ и болѣе. Тотчасъ вокругъ всего подворья поставлена была стража; Никольскія ворота въ Кремль крѣпко заключены, и большой мостъ предъ этими воротами совсѣмъ разобранъ.

На слѣдующій же день послѣ прибытія Никона въ Москву, 1-го декабря, въ субботу, состоялось по его дѣлу *пятое* засѣданіе собора, второе собственно судебное. Въ третьемъ часу дня государь пошелъ въ свою столовую избу; за нимъ слѣдовали бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки; а предъ ними несли въ раковинномъ, подъ серебрянымъ атласомъ, ящикѣ оба экземпляра того свитка, что прислали ему въ Москву четыре восточные патріарха, за своими подписями, съ черпымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ, также переводы съ этого свитка въ красномъ бархатномъ переплетѣ, да еще письма Никона патріарха, подъ

тафтою. Все это государь, вошедши въ столовую избу, приказалъ поставить и положить на столѣ предъ креслами патріарховъ. Вскорѣ за государемъ вошли въ ту же столовую избу патріархи съ митрополитами, архіепископами, епископами, греческими и русскими, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, проговорили „Достойно есть...“ и, послѣ отпуста, благословили всѣхъ на всѣ четыре стороны. Затѣмъ царь сѣлъ на своемъ высокомъ государевомъ мѣстѣ, которое украшено было золотомъ и серебромъ. Сѣли и патріархи слѣва отъ царя, на двухъ обитыхъ бархатомъ и вишневымъ сукномъ креслахъ, предъ которыми поставленъ былъ столъ, покрытый персидскимъ ковромъ и золотою камкою. Митрополитамъ же и прочимъ духовнымъ лицамъ государь указалъ сѣсть на скамьяхъ по правой сторонѣ, а боярамъ и всѣмъ свѣтскимъ лицамъ — на скамьяхъ по лѣвой сторонѣ. Государь сказалъ патріархамъ: „Никонъ патріархъ въ Москву пріѣхалъ и на меня судъ Божій призываетъ за то, что велѣно было ему пріѣхать въ Москву не со многими людьми. А когда Никонъ въ Москву въѣхалъ, то у него, по моему указу, взятъ былъ малый (подъякъ Иванъ Шушеринъ) за то, что въ девятилѣтнее время носилъ къ нему, Никону, всякія вѣсти и чинилъ многую ссору, и Никонъ за того малаго меня поноситъ и безчеститъ и говоритъ: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъподъ креста. И если Никонъ, будучи на соборѣ, начнетъ о томъ говорить, то они, патріархи, о томъ бы вѣдали. Да и про то бъ вѣдали, что Никонъ предъ поѣздомъ своимъ въ Москву въ Воскресенскомъ монастырѣ исповѣдался и причащался и масломъ освящался“. Патріархи, услышавъ о такомъ поступкѣ Никона, очень подивились. И государь продолжалъ: „Никонъ патріархъ говоритъ, будто псковскій архіепископъ изъ Воскресенскаго монастыря ложно писалъ, что онъ, Никонъ, отговаривался итти на соборъ и безчестилъ ихъ, патріарховъ; онъ будто того не говорилъ“. Окончивъ эти предварительныя сообщенія патріархамъ, государь

спросилъ: „Кого послать къ Никону патріарху звать его на соборъ?“ Патріархи отвѣчали: „Нужно послать архіерея да двухъ архимандритовъ къ бывшему патріарху Никону, чтобы онъ шелъ на соборъ для отвѣта“. И послали епископа мстиславскаго Меѳодія съ двумя архимандритами.

Никонъ, какъ только услыхалъ приглашеніе отъ этихъ лицъ, отвѣчалъ, что онъ готовъ, и, вставъ съ мѣста, велѣлъ нести предъ собою крестъ. Приглашавшіе Никона сказали, что ему не слѣдуетъ такъ итти на соборъ. Никонъ стоялъ на своемъ и объявилъ, что иначе не пойдетъ. Они послали скороходца спросить объ этомъ царя и соборъ, и пришло повелѣніе — итти Никону безъ креста. Но Никонъ упорствовалъ, началъ спорить и во время спора вышелъ мало-по-малу въ переднюю, потомъ на крыльцо въ преднесеніи креста. Скороходъ снова отправленъ былъ къ царю и собору съ вѣстію объ упорствѣ Никона, и соборъ разрѣшилъ: пусть уже идетъ и со крестомъ... Никонъ сѣлъ въ свои сани и поѣхалъ, предъ нимъ несли крестъ, но съ большимъ трудомъ могъ двигаться впередъ за множествомъ народа, наполнившаго Кремль. Проѣзжая мимо Успенскаго собора, гдѣ совершалась литургія, Никонъ хотѣлъ войти въ церковь чрезъ южныя двери, но двери предъ нимъ тотчасъ затворили; хотѣлъ такъ же зайти въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ шла служба, и тамъ двери предъ нимъ затворили. Между тѣмъ въ засѣданіи собора, куда направился Никонъ, условились, чтобы при входѣ его никому не вставать съ мѣста и всѣмъ сидѣть. Но Никонъ, когда отворили предъ нимъ двери, велѣлъ впереди его нести крестъ. И царь, какъ только увидѣлъ крестъ, поднялся, а за нимъ поднялись всѣ. Никонъ вошелъ съ посохомъ въ рукахъ, проговорилъ входъ и молитву за здоровье государя съ его семействомъ, за патріарховъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ и, отдавъ посохъ своему анагносту, поклонился государю до земли трижды, патріархамъ до земли дважды, а всѣмъ другимъ сдѣлалъ обычный поклонъ направо и налѣво;

потомъ опять взялъ свой посохъ въ руки. Патріархи сказали Никону, чтобы онъ сѣлъ на правой сторонѣ близъ государева мѣста. Но Никонъ, увидѣвъ, что ему тамъ не приготовлено особаго сѣдалища, а предлагаютъ сѣсть на скамьѣ съ прочими архіереями отвѣчалъ: „Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ; развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою“. И присовокупилъ: „А я пришелъ узнать, для чего вы, вселенскіе патріархи, меня звали?“

Тогда царь сошелъ съ своего возвышеннаго мѣста, сталъ у конца стола предъ патріархами и началъ говорить, обливаясь слезами: „Отъ начала московскаго государства не бывало такого безчестія соборной и апостольской Церкви, какое учинилъ бывшій патріархъ Никонъ. Онъ, по своимъ прихотямъ, самовольно, безъ нашего царскаго повелѣнія и безъ соборнаго совѣта оставилъ ту соборную нашу Церковь и отрекся патріаршества, никѣмъ не гонимый. И отъ того его отшествія многіе смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская Церковь вдовствуетъ безъ пастыря, тому нынѣ девятый годъ. Допросите его, бывшаго патріарха Никона, для чего онъ патріаршескій престолъ оставилъ и сошелъ въ Воскресенскій монастырь“. И патріархи, при видѣ царя плачущаго, съ трудомъ удерживающіеся отъ слезъ, предложили Никону этотъ вопросъ чрезъ толмача, архимандрита Діонисія святогорца. Но Никонъ вмѣсто отвѣта самъ спросилъ патріарховъ: „Да есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ патріархами константинопольскимъ-вселенскимъ и іерусалимскимъ, чтобы меня судить? Безъ ихъ совѣта съ вами я отвѣчать вамъ не буду, потому что я рукоположенъ на патріаршескій престолъ отъ константинопольскаго патріарха. А если у васъ совѣтъ и согласіе патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго есть, чтобы меня судить, я предъ вами готовъ давать отвѣтъ“. Патріархи Паисій и Макарій сказали, что у нихъ совѣтъ и согласіе и подписи рукъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго есть съ ними, и указали на лежавшій на столѣ, въ двухъ

спискахъ, извѣстный свитокъ четырехъ патріарховъ, подписанный всѣми ими и другими архіереями. Никонъ понялъ, что ему остается покориться и подвергнуться суду, и только билъ челомъ государю и патріархамъ, чтобы выслали изъ собора недруговъ его, Питирима, митрополита новгородскаго, да Павла, митрополита сарскаго, потому что они будто бы хотѣли отравить его и удавить. Митрополиты Питиримъ и Павелъ сказали: „Бывшій патріархъ Никонъ на насъ говоритъ ложь; у насъ про то и въ помышленіи не бывало, да и у великаго государя есть тому всему дѣло чернаго дьякона Ѳеодосія". И государь сыскное дѣло про дьякона Ѳеодосія поднесъ патріархамъ. Послѣ этого начался судъ.

Патріархи снова спросили Никона: „почему онъ оставилъ соборную Церковь и паству свою и отрекся патріаршества?" Никонъ разсказалъ, что онъ въ день бывшаго стола у государя для грузинскаго царевича Теймураза посылалъ своего домоваго человѣка, князя Димитрія Мещерскаго, на Красное крыльцо для строенія церковныхъ дѣлъ, и того человѣка царскій скольничій Богданъ Хитрово сильно зашибъ; что онъ, Никонъ, просилъ государя дать оборону на Богдана Матвѣевича, и государь обороны не далъ, и потомъ не пришелъ на службы патріарха, ко всенощной и къ литургіи, ни въ праздникъ Казанской Божіей Матери ни въ праздникъ Ризы Господней, а прислалъ только князя Юрія Ромодановскаго сказать ему, Никону: „государь на тебя гнѣвенъ: зачѣмъ пишешься великимъ государемъ? Впередъ такъ не пишись", хотя прежде самъ велѣлъ ему, Никону, такъ писаться. Слыша про тотъ на себя гнѣвъ государевъ, онъ, Никонъ, и оставилъ соборную Церковь, сошелъ съ престола и жилъ три дня на Воскресенскомъ подворьѣ, ожидая къ себѣ присылки отъ государя. Но государь никого не присылалъ звать его опять на патріаршество, и онъ поѣхалъ изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь.

Когда Никонъ окончилъ свою рѣчь, царь снова сошелъ съ своего мѣста и сталъ посрединѣ передъ столомъ, чтобы отвѣчать на эту рѣчь. Но, замѣтивъ, какъ свидѣтельствуетъ Паисій Лигаридъ, что и патріархи поднялись и стоятъ, сказалъ имъ: „Мнѣ слѣдуетъ теперь стоять, такъ какъ меня обвиняетъ отецъ мой Никонъ; а вы сидите, какъ судіи и преемники апостоловъ, и слушайте обвиненія на меня и мои оправданія“. И дѣйствительно съ этого времени до самаго конца весьма продолжительнаго засѣданія государь оставался на ногахъ. Онъ отвѣчалъ на рѣчь Никона по пунктамъ: „Никонъ говоритъ, будто посылалъ своего домоваго человѣка на Красное крыльцо для строенія церковныхъ дѣлъ; но въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего. И окольничій Богданъ Хитрово зашибъ того человѣка за его невѣжество, что онъ пришелъ не во время и учинилъ смятеніе, и то-де безчестіе къ самому Никону патріарху не относится... Писалъ ко мнѣ Никонъ патріархъ и просилъ обороны на окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, но писалъ въ то время, какъ у меня былъ у стола грузинскій царь; а въ ту пору сыскивать и оборону давать было некогда... Въ праздники Казанской Богородицѣ и Ризѣ Господней ко всенощному и къ литургіи выходу у меня не было за многими государственными дѣлами. И патріархъ Никонъ, осердясь на то, престолъ свой оставилъ и патріаршества отрекся. Посылалъ я къ нему стольника князя Юрья Ромодановскаго, чтобъ онъ, Никонъ, впредь великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались; а то къ нему не приказывалъ, что я на него гнѣвенъ“. Тутъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій молвилъ, что онъ бывшему патріарху Никону о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Государь продолжалъ: „Великимъ государемъ писаться ему, Никону, я не приказывалъ, а только самъ, почитая его, писалъ такъ въ своихъ грамотахъ; да и Никонъ, по отшествіи съ патріаршества, въ письмѣ ко мнѣ писалъ своею рукою: „теперь ты одинъ

будешь великій государь, а я, Никонъ, яко единъ отъ простыхъ епископовъ",—и то письмо ему отдано было назадъ". Никонъ сказалъ: „Я такъ не писывалъ". Государь снова продолжалъ: „Посылалъ я къ нему боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкого да окольничаго Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, чтобы онъ, Никонъ, на свой патріаршескій престолъ возвратился, и онъ имъ въ томъ отказалъ". При этомъ окольничій заявилъ, что онъ къ Никону патріарху съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ былъ посланъ и о возвращеніи его на патріаршество говорилъ ему. И онъ, патріархъ Никонъ, патріаршества отрекался, что впредь патріархомъ быть не хочетъ, и сказывалъ: „какъ де на патріаршество избирали, онъ на себя клятву положилъ, что ему на патріаршествѣ быть только три года, а больше того не быть".

Выслушавъ всѣ эти объясненія Никона, царя и бояръ, патріархи предложили новый вопросъ, обращаясь къ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ: „Какія обиды были Никону патріарху отъ великаго государя?" И митрополиты, архіепископы и епископы отвѣчали, что отъ великаго государя бывшему патріарху Никону никакихъ обидъ не бывало. И только разсказали митрополиты Питиримъ новгородскій и Павелъ сарскій, какъ окольничій Хитрово билъ домоваго человѣка Никонова, а Никонъ просилъ государя дать оборону, а государь обороны не далъ, и какъ потомъ государь въ два праздника не приходилъ въ церковь на службу Никона. Патріархи предложили тотъ же вопросъ самому Никону, и Никонъ сказалъ, что никакихъ обидъ ему отъ великаго государя не бывало; а какъ де государь началъ гнѣваться и къ церкви ходить пересталъ, онъ потому и оставилъ патріаршество. И присовокупилъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ. И прежніе патріархи отъ гнѣва царева бѣгали, каковы: Аѳанасій александрійскій и Григорій Богословъ". Патріархи сказали ему: „Иные патріархи оставляли на время престолъ, да не такъ, какъ ты;

ты отрекся, чтобъ и впредь не быть тебѣ патріархомъ, а если будешь патріархомъ, анаѳема будешь". Никонъ отвѣчалъ: „Я такъ не говорилъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду; а если бы я отрекся патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою и святительской одежды". Патріархи сказали: „Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: ἄξιος, достоинъ; а ты, какъ снималъ съ себя святительскую одежду, говорилъ, что недостоинъ. Никонъ отвѣчалъ: „То де на меня затѣяли".

Вопросъ объ отреченіи Никона отъ каѳедры еще не былъ исчерпанъ, и патріархи еще не сказали по этому вопросу своего послѣдняго слова, какъ государь, естественно находившійся въ возбужденномъ состояніи, обратилъ вниманіе патріарховъ на другой предметъ, при обсужденіи котораго, впрочемъ, пришлось заняться вновь и этимъ вопросомъ. Государь указалъ на письма Никона къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, лежавшія тутъ же на столѣ подъ тафтою, и сказалъ патріархамъ Паисію и Макарію: „Бывшій патріархъ Никонъ писалъ къ вамъ, патріархамъ, въ грамотахъ своихъ многія на меня безчестья и укоризны; а я на него къ патріархамъ никакого безчестія и укоризны не писывалъ. Допросите его, все ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ грамотахъ своихъ писалъ, и за церковные ли догматы онъ стоялъ, и Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ считаетъ ли, и церковныя, движимыя и недвижимыя, вещи продавалъ ли? Патріархи предложили Никону эти вопросы, и онъ отвѣчалъ: что въ грамотахъ писано, то и писано; а стоялъ де онъ за церковные догматы, и Іосифа патріарха почитаетъ за патріарха, а святъ ли онъ, того не вѣдаетъ; церковныя же вещи продавалъ по государеву указу. Такой общій отвѣтъ никого не могъ удовлетворить, и государь приказалъ читать на соборѣ, по статьямъ, грамоту Никона къ цареградскому патріарху Діонисію, въ переводѣ, чтобы разсмотрѣть порознь всѣ изложенныя въ ней неправды Никона.

Въ грамотѣ Никонъ писалъ, что, будучи еще митрополи-

томъ, онъ посланъ былъ въ Соловецкій монастырь „мощей ради св. священномученика Филиппа, митрополита московскаго, его же мучи царь Иванъ неправедно“. Государь на это замѣтилъ: „Для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну великому государю блаженныя памяти Ивану Васильевичу всея Руссіи написалъ? А о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ, безъ собору, Павла, епископа коломенскаго и ободралъ съ него святительскія одежды, и сослалъ въ Хутынскій монастырь, и тамъ его не стало безвѣстно. Допросите, по какимъ правиламъ онъ то учинилъ?“ Никонъ на вопросъ патріарховъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ отвѣта не далъ, а про Павла епископа сказалъ: „По какимъ правиламъ низвергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю; а есть о томъ дѣло на патріаршемъ дворѣ“. Блюститель патріаршаго престола, митрополитъ сарскій Павелъ, заявилъ: „Дѣла о томъ на патріаршемъ дворѣ нѣтъ и не бывало, и отлученъ тотъ епископъ Павелъ безъ собору“.

Въ грамотѣ Никонъ написалъ, что, когда его умоляли въ соборной церкви принять патріаршество, онъ говорилъ царю и властямъ и боярамъ, чтобы они дали ему слово свято содержать догматы и правила св. апостолъ и отецъ и законы греческихъ благочестивыхъ царей, и въ томъ ему обѣщались. Государь на это замѣтилъ: „Никонъ въ то время говорилъ только про одни догматы, а о правилахъ и о законахъ не говаривалъ, и въ грамотѣ своей написалъ ложно“. Никонъ возразилъ: „Говорилъ о всемъ томъ въ то и въ иное время“.

Въ грамотѣ было написано, что Никонъ оставилъ патріаршество ради царскаго гнѣва. Государь обратился къ патріархамъ: „Допросите Никона, какая ему была отъ меня немилость или обида; кому заявлялъ онъ о моемъ гнѣвѣ, сходя съ престола; присылалъ ли я къ нему, чтобы онъ съ престола пошелъ, и отрекался ли онъ отъ патріаршества въ соборной церкви“. Никонъ отвѣчалъ на вопросъ патрі-

арховъ: „Немилость ко мнѣ государя была та, что онъ на окольничаго Богдана Матвѣевича не далъ обороны и къ церкви не сталъ ходить; присылки ко мнѣ отъ государя, чтобы я сошелъ съ престола, не бывало, а сошелъ я самъ собою; государевъ гнѣвъ на меня я объявлялъ небу и землѣ; патріаршества я не отрекался, и какъ пошелъ съ престола, то, кромѣ саккоса и митры, ничего съ собою не взялъ". Окольничій Богданъ Матвѣевичъ присовокупилъ, что хотя онъ, исполняя чинъ у царскаго стола, и зашибъ присланнаго Никономъ человѣка, не знаючи, но въ томъ у бывшаго патріарха Никона прощенія просилъ, и Никонъ его простилъ. Тогда патріархи обратились ко всему священному собору и ко всему царскому синклиту съ вопросомъ: какая была Никону патріарху обида отъ государя? И отъ всѣхъ послышался отвѣтъ, что обиды Никону отъ государя не бывало никакой, а пошелъ онъ съ престола не отъ обиды, а съ сердца. Члены же собора говорили еще: „Снимая съ себя панагію и священныя ризы, Никонъ говорилъ: если даже помыслю въ патріархи, анаѳема да буду, панагію и посохъ оставилъ и взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего никому не объявлялъ; какъ поѣхалъ съ подворья въ Воскресенскій монастырь, за нимъ повезли его люди многіе сундуки съ рухлядью; да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ двѣ тысячи рублей". Патріархи замѣтили: „Прежніе архіереи такъ не отрекались, какъ Никонъ; онъ не только патріаршества отрекся, но и архіерейства: снимая съ себя митру и омофоръ, говорилъ: недостоинъ". Никонъ возразилъ: „Въ отреченіи на меня лжесвидѣтельствуютъ; если бы я вовсе отрекся, то не взялъ бы съ собою архіерейскія одежды".

Большое вниманіе отцы собора обратили на тѣ мѣста грамоты Никона, гдѣ послѣдній говорилъ о Паисіи, митрополитѣ газскомъ.

Въ грамотѣ Никонъ писалъ, что къ нему присланъ былъ газскій митрополитъ Паисій да бояринъ князь Никита Ива-

новичъ Одоевскій съ товарищи, будто надъ нимъ судъ творить, и будто газскій митрополитъ хиротонисованъ дьякономъ и попомъ отъ папы и вѣруетъ по-римски, и живетъ безчинно, и на соборахъ бываетъ предсѣдателемъ, и называетъ себя намѣстникомъ отъ всѣхъ четырехъ патріарховъ. Государь сказалъ на это: „Газскій митрополитъ и князь Одоевскій были посланы выговорить ему неправды его, что онъ писалъ ко мнѣ съ великимъ безчестіемъ и укоризною, и съ клятвою, и на молебнѣ клалъ мои государевы грамоты подъ евангеліе, а не для суда. Газскій митрополитъ на Москвѣ у престола Господня принесъ клятву, что онъ живетъ истинно, и отецъ духовный, архангельскій митрополитъ (т. е. Θеодосій сербскій), въ томъ его свидѣтельствовалъ. Ставленая грамота у него есть, а про отлученіе его отъ іерусалимскаго патріарха грамоты не бывало. На соборахъ предсѣдателемъ онъ, Паисій, не бывалъ и намѣстникомъ патріарховъ не назывался, и служитъ до разсужденія о немъ вселенскихъ патріарховъ“. Никонъ отвѣчалъ: „Я за обидящаго молился, а не клялъ, а грамоты государевы подъ евангеліемъ были“; но для чего были и кто обидящій, про то не сказалъ. И продолжалъ: „А газскому митрополиту, по правиламъ, служить не слѣдуетъ, потому что онъ епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время. Да слышалъ я отъ дьякона Агаѳангела, что газскій митрополитъ іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ. Много у меня такихъ мужиковъ“. Затѣмъ прибавилъ: „Мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сатинъ хочетъ меня зарѣзать“. — „Такихъ рѣчей, — сказалъ князь Одоевскій, — я Никону патріарху не говорилъ, а самъ онъ мнѣ говорилъ: если хотите меня зарѣзать, то велите зарѣзать, и обнажилъ свою грудь“. Патріархъ Макарій засвидѣтельствовалъ: „Газскій митрополитъ Паисій въ дьяконы и въ попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ; про то я подлинно вѣдаю“.

Въ грамотѣ было написано, что повелѣлъ государь быть

собору, и благословеніемъ газскаго митрополита Паисія перемѣстили Питирима, митрополита сарскаго, въ Новгородъ, вопреки правилу, запрещающему перемѣщать архіереевъ, и на мѣсто Питирима поставили Павла, архимандрита чудовскаго, и другихъ архіереевъ въ иныя епархіи. Государь на это сказалъ: „Когда Никонъ былъ на патріаршествѣ, въ то время перевелъ онъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань митрополитомъ, да и иныхъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ". Никонъ отвѣчалъ: „Я то дѣлалъ не по правиламъ, въ невѣдѣніи". Питиримъ замѣтилъ Никону: „Ты и самъ въ новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живаго митрополита Аѳонія". Никонъ сказалъ Питириму: „Тотъ Аѳоній митрополитъ былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ также быть безъ ума".

Вслѣдъ за тѣмъ въ грамотѣ было написано: „отъ сего беззаконнаго собора преста на Руси соединеніе съ св. восточною Церковію и отъ благословенія вашего отлучишася, но отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяша волями своими. А откелѣ же пріяла Русь св. крещеніе отъ св. восточной Церкви, не бы у насъ ни единаго соединенія съ западнымъ костеломъ... и Исидора митрополита изгнаша, яко еретика". По прочтеніи этого царь говорилъ патріархамъ: „Никонъ написалъ такія великія укоризны и неправды ложно, забывъ страхъ Божій, и тѣмъ св. апостольскую Церковь и православную вѣру въ Россіи опорочилъ, и меня, государя, и весь освященный соборъ, и весь царскій синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ русскихъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія восточныхъ патріарховъ отчелъ и къ римскому костелу и вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками. Если бы только то письмо Никона дошло до вселенскихъ патріарховъ, быть бы всѣмъ намъ, православнымъ христіанамъ, подъ клятвою. И за то его ложное и затѣйливое письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься". И всѣ митрополиты, архіепископы и епископы и освященный соборъ, всѣ бояре, окольничіе и думные

люди били челомъ патріархамъ, чтобы допросили Никона, почему онъ такъ написалъ и ихъ еретиками назвалъ. Патріархи спросили Никона: „Чѣмъ они отлучились отъ соборныя Церкви?“ Никонъ отвѣчалъ: „Тѣмъ, что газскій митрополитъ Паисій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другаго митрополита, да и иныхъ архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ, а ему то дѣлать не подобало, потому что отъ іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ. Да хотя бы онъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго быть не для чего; я его за митрополита не ставлю, у него и ставленой грамоты на свидѣтельство нѣтъ; и мужикъ наложитъ на себя мантію и будетъ такой же митрополитъ. Я то про него писалъ, а не о православныхъ христіанахъ“. Но царь и весь соборъ и синклитъ Никона въ томъ уличали и повторяли предъ патріархами: „Онъ всѣхъ насъ въ грамотѣ назвалъ еретиками, а не одного митрополита газскаго; учините въ томъ указъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ“. Тогда Никонъ, обратившись къ государю, сказалъ: „Только бъ ты Бога боялся, ты бы такъ со мною не дѣлалъ“.

Когда чтеніе грамоты и всѣ возраженія противъ нея окончились, Никонъ обратился къ государю и сказалъ: „Богъ тебя судитъ; я еще на избраніи своемъ узналъ, что тебѣ, государю, быть добру ко мнѣ только до шести лѣтъ, а потомъ быть мнѣ ненавидимымъ и мучимымъ“. — „Допросите его, — сказалъ царь патріархамъ — какъ онъ то узналъ на избраніи своемъ“. Но Никонъ на вопросъ патріарховъ ничего не отвѣчалъ. „Сказывалъ Никонъ, — замѣтилъ рязанскій архіепископъ Иларіонъ, — что видѣлъ звѣзду метлою, и оттого будетъ московскому государству погибель; онъ бы повѣдалъ, отъ коего духа то узналъ“. Никонъ на это сказалъ: „И въ древнемъ законѣ такія знаменія бывали; авось-де на Москвѣ то и сбудется. Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Іерусалима за четыреста лѣтъ“. И патріархи велѣли Никону итти на подворье.

Засѣданіе было слишкомъ продолжительно. Начавшись въ третьемъ часу дня, оно окончилося во второмъ часу ночи, и болѣе всѣхъ должно было утомить царя и патріарха Никона, которые одни почти и дѣйствовали и все время оставались на ногахъ. Все засѣданіе посвящено было только допросамъ Никона. Обвиненія, по которымъ допрашивали его, указывалъ самъ царь, и главныхъ обвиненій было два. Первое состояло въ томъ, что Никонъ самовольно отрекся отъ престола и оставилъ Церковь, отъ чего въ ней произошли многія смуты, и она девятый уже годъ оставалась безъ архипастыря. Второе — въ томъ, что Никонъ въ своихъ письмахъ къ восточнымъ патріархамъ изрекъ многія безчестія и укоризны на государя, оклеветалъ его. Изъ разспросовъ по первому обвиненію уяснилось, что Никонъ оставилъ свою каѳедру и Церковь единственно изъ-за гнѣва государя къ нему лично. Изъ допросовъ по второму обвиненію или, что то же, изъ чтенія грамоты Никоновой къ патріарху Діонисію, обнаружилось, что по нѣкоторымъ дѣламъ объясненія, высказанныя на соборѣ царемъ, нельзя признать удовлетворительными. Патріархи Паисій и Макарій мало говорили въ этомъ засѣданіи: лишь изрѣдка предлагали вопросы и дѣлали замѣчанія. Изъ русскихъ архіереевъ и изъ чиновъ царскаго синклита говорили немногіе и немного, когда признавали то нужнымъ и умѣстнымъ; а изъ греческихъ архіереевъ не говорилъ никто, даже Паисій Лигаридъ, вѣроятно потому, что они не понимали русскаго языка, на которомъ происходили всѣ допросы Никону и его отвѣты, равно какъ и всѣ объясненія царя.

Шестое засѣданіе собора, судебное третье, происходило въ той же столовой избѣ государевой 3-го декабря, въ понедѣльникъ. Присутствовали какъ патріархи съ архіереями и прочимъ духовенствомъ, такъ и самъ царь съ своимъ синклитомъ; но Никонъ не былъ приглашенъ, вѣроятно потому, что теперь не предлагалось никакихъ новыхъ обвиненій противъ него, а только подтверждались, поясня́лись

и обсуждались прежнія, по которымъ онъ уже былъ допрошенъ въ предшествовавшемъ засѣданіи, и только доканчивалось то, чего тогда не успѣли кончить: судъ теперь былъ заочный. Лишь только засѣданіе открылось, государь сошелъ съ своего царскаго мѣста и говорилъ къ патріархамъ: „Приношу жалобу, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и со всѣмъ синклитомъ, на Никона, бывшаго патріарха, что онъ, бранясь съ митрополитомъ газскимъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху назвалъ меня и весь освященный соборъ и всего моего царства людей еретиками, будто мы отложились отъ св. восточной апостольской Церкви и приложились къ римскому костелу. А св. мать наша, соборная наша Церковь, имѣетъ въ себѣ многоцѣлебную ризу Спасителя нашего и Бога, и мощи святителей и чудотворцевъ московскихъ, и мы вѣруемъ истинно, по преданію св. апостоловъ и св. отцовъ, и должны умирать за свою православную вѣру и за св. Божія Церкви. Разсудите нашу жалобу и очистите меня и освященный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего царства отъ того Никонова названія“. И, окончивъ рѣчь, государь поклонился патріархамъ, а за нимъ и весь соборъ и весь синклитъ поклонились патріархамъ до земли. Патріархи въ отвѣтъ на эту жалобу, которая была приносима и въ предшествовавшемъ засѣданіи, сказали: „То дѣло великое и за то дѣло надобно стоять крѣпко. Если Никонъ назвалъ тебя, государь, и весь соборъ и всѣхъ въ вашемъ царствѣ еретиками, то назвалъ также еретиками и насъ, будто мы къ еретикамъ пришли творить судъ. Но мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ, имѣющихъ истинную вѣру греческаго закона. По правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, кто на кого клевещетъ или кого обвиняетъ въ какомъ-либо зломъ дѣлѣ и не докажетъ обвиненія, тотъ самъ подвергается наказанію, какого бы заслуживалъ обвиняемый имъ, если бы оказался

виновнымъ; а кто взведетъ на кого еретичество и не докажетъ, такой клеветникъ достоинъ, если священникъ, извержения, а если мірянинъ — проклятія. Никонъ назвалъ тебя, государя, и всѣхъ у васъ православныхъ христіанъ еретиками, и мы будемъ судить его по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ". Тутъ государь разсказалъ патріархамъ, что вчера, 2-го декабря, онъ посылалъ къ Никону яства и питье, но Никонъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много, и будто онъ о томъ государю не приказывалъ. Патріархи замѣтили: „Никонъ дѣлаетъ все, изступя ума своего".

Послѣдовали и другія дополненія и поясненія къ тому, что говорилось въ предшествовавшемъ засѣданіи.

Наконецъ государь сказалъ, чтобы патріархи „ѣхали къ себѣ и, нынѣшняго дня къ вечеру, или какъ они изволятъ, велѣли быти къ себѣ властямъ и съ ними совѣтовати и дѣлъ слушати у себя, гдѣ они стоятъ". Значитъ, кромѣ открытыхъ засѣданій собора по дѣлу Никона, были еще домашнія засѣданія и совѣщанія у патріарховъ въ ихъ кельяхъ.

На *седьмое* засѣданіе собора, четвертое судебное, 5-го декабря, въ среду, собрались въ столовой избѣ государя тѣ же самыя лица, духовныя и свѣтскія, которыя присутствовали на прежнихъ засѣданіяхъ. И патріархи сказали, что нужно позвать на соборъ бывшаго патріарха Никона, и послали за нимъ двухъ епископовъ: вятскаго Александра и мстиславскаго Меѳодія, съ двумя архимандритами. Никонъ пришелъ, какъ и прежде, въ преднесеніи ему креста и, вступивъ въ царскую столовую, проговорилъ входъ и молитву и поклонился государю до земли дважды, а потомъ кланялся патріархамъ, властямъ, боярамъ и прочимъ. Въ настоящемъ засѣданіи объявлялись Никону главныя на него обвиненія, читались правила Церкви для суда надъ нимъ, и состоялся самый приговоръ надъ нимъ. Все это происходило не въ порядкѣ, а смѣшанно, съ перерывами и отсту-

пленіями, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ изложено въ современной записи.

Вначалѣ александрійскій патріархъ Паисій, судія вселенной, говорилъ государю и всему собору и всему царскому синклиту, что они, патріархи, пришли въ царствующій градъ Москву не для какой-либо милостыни и не по нуждѣ, а по письму великаго государя, чтобы судить бывшаго патріарха Никона, оставившаго св. соборную Церковь и свой патріаршескій престолъ съ клятвою. И затѣмъ, обратившись къ Никону, объявилъ ему первое и самое важное на него обвиненіе: „Ты отрекся своего патріаршаго престола съ клятвою и отошелъ безъ правильной вины“. Никонъ возразилъ: „Я не отрекся патріаршаго престола съ клятвою, я свидѣтельствовался небомъ и землею и отошелъ отъ государева гнѣва. А нынѣ да будетъ, что царское величество изволитъ, и я пойду, куда государь укажетъ: благое по нуждѣ не бываетъ“. Патріархи замѣтили: „Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою“. Никонъ продолжалъ: „То на меня затѣяли; а если я негоденъ, я не домогаюсь возвращенія на престолъ и пойду туда, куда царское величество изволитъ“. Патріархи перешли къ другому обвиненію на Никона и спросили его: „Кто велѣлъ тебѣ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?“ Никонъ отвѣтилъ: „Я не писался и не называлъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима“. — „Нѣтъ, писался“, — замѣтилъ рязанскій архіепископъ Иларіонъ и показалъ письмо, писанное рукою Никона. Никонъ взглянулъ и молвилъ: „Рука моя, развѣ описался?..“

Никонъ понималъ, къ чему идетъ дѣло, и рѣшился заявить сомнѣніе объ авторитетности своихъ судей, патріарховъ, и сказалъ: „Разанскій архіепископъ Иларіонъ говоритъ, что я назвалъ патріарховъ (Паисія и Макарія) неистинными патріархами, и я дѣйствительно такъ ихъ назвалъ, потому что на ихъ престолахъ, какъ я слышалъ отъ грековъ, теперь другіе патріархи; пусть государь прикажетъ

свидѣтельствовать, и патріархи пусть присягнутъ на евангеліи". Патріархи возразили: „Мы—истинные патріархи, не низверженные и сами не отрекались отъ своихъ престоловъ, развѣ турки безъ насъ что учинили. Если же кто дерзнулъ вступить на какой-либо изъ нашихъ престоловъ вопреки правилъ и по принужденію отъ турокъ, то онъ не патріархъ, но прелюбодѣй. А клясться на св. евангеліи архіерею не подобаетъ". Никонъ заявилъ: „Отъ сего часа, свидѣтельствуюсь Богомъ, я не стану говорить предъ вами, патріархами, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда не будутъ". Архіепископъ Иларіонъ замѣтилъ Никону: „Какъ ты не боишься суда Божія, вселенскихъ патріарховъ безчестишь..."

Патріархи возвратились къ первому и важнѣйшему обвиненію на Никона и говорили ко всѣмъ архіереямъ и освященному собору: „Скажите правду, дѣйствительно ли Никонъ отрекся съ клятвою патріаршескаго престола?" Питиримъ, митрополитъ новгородскій, Іоасафъ, архіепископъ тверской, равно архимандриты и игумены, служившіе въ соборной церкви съ патріархомъ Никономъ въ день его отреченія, отвѣчали, что онъ отрекся патріаршаго престола съ клятвою и сказалъ: „Если буду патріархомъ, анаѳема буду".

Патріархи велѣли читать св. правила — по-гречески амасійскому митрополиту Козьмѣ, а по-русски рязанскому архіепископу Иларіону, или, точнѣе, читать извѣстный свитокъ четырехъ патріарховъ, въ которомъ сведены были св. правила противъ Никона, и на основаніи ихъ уже произнесенъ былъ надъ Никономъ приговоръ всѣми восточными патріархами. Когда начали читать этотъ свитокъ, и когда архіепископъ Иларіонъ прочелъ изъ 14 главы свитка второе правило собора, бывшаго въ храмѣ св. Софіи: „аще кто (изъ архіереевъ) дерзнетъ самъ себя устранить отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ", Никонъ возразилъ: „Тѣ правила не апостольскія и не вселенскихъ и

не помѣстныхъ соборовъ; я не принимаю тѣхъ правилъ и не хочу слушать". Павелъ, митрополитъ крутицкій, замѣтилъ: „Тѣ правила приняла св. апостольская Церковь". Никонъ снова возразилъ: „Тѣхъ правилъ въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила непрямыя; тѣ правила патріархи отъ себя сочинили, а не изъ правилъ взяли; послѣ вселенскихъ соборовъ — все враки; а печатали тѣ правила еретики; я не отрекался отъ престола, то на меня затѣяли". Павелъ митрополитъ опять замѣтилъ: „Тѣ правила находятся и въ нашей русской Кормчей". Никонъ отвѣтилъ: „Кормчая книга не при мнѣ напечатана". Архіереи на это сказали Никону: „Кормчая напечатана при Іосифѣ патріархѣ, а исправлена и роздана при твоемъ партіаршествѣ, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ сама Кормчая; и изъ той Кормчей книги самъ ты велѣлъ выписывать по многимъ дѣламъ правила и градскіе законы, и множество дѣлъ вершилъ".

Чтеніе правилъ было пріостановлено, и патріархи предложили Никону еще нѣсколько вопросовъ и выслушали его отвѣты. *Патріархи:* „Сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?" *Никонъ:* „Епископа судятъ двѣнадцать епископовъ, а патріарха вся вселенная". *Патріархи:* „А вотъ ты одинъ осудилъ и извергъ епископа коломенскаго Павла, не по правиламъ". *Никонъ:* „Я его не извергъ, а только снялъ съ него пеструю мантію и сослалъ въ монастырь подъ начало". *Патріархи:* „Сослалъ его въ монастырь, и тамъ его мучили, и онъ изъ монастыря пропалъ безъ вѣсти..." *Патріархи:* „Для чего ты носишь черный клобукъ съ херувимомъ и двѣ панагіи?" *Никонъ:* „Черные клобуки носятъ греческіе патріархи, и я отъ нихъ взялъ; а херувимъ на клобукѣ ношу потому, что херувимы на бѣлыхъ клобукахъ у московскихъ патріарховъ. Двѣ панагіи ношу вотъ почему: съ одною я отошелъ отъ патріаршества, а другую, какъ крестъ, въ помощь себѣ ношу". *Архіереи:* „Какъ отрекся Никонъ престола, то бѣлаго клобука съ собою не

взялъ, а взялъ простой греческій клобукъ, и нынѣ однакожъ носитъ клобукъ съ херувимомъ; то онъ собою учинилъ". *Патріархи:* „Прежде ты не имѣлъ обычая носить предъ собою знаменіе креста, откуда этому научился?" *Никонъ:* „Крестъ есть побѣдное знамя всѣхъ христіанъ противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ". *Патріархи:* „Правда; но какъ дерзнулъ ты, уже по отреченіи отъ престола и идя на судъ, дѣлать то, что не дѣлалъ во время своего патріаршества?" Никонъ ничего не отвѣчалъ, и патріархи приказали своему архидіакону взять крестъ изъ рукъ Никонова дьякона, говоря: „Ни у кого изъ православныхъ патріарховъ нѣтъ въ обычаѣ, чтобы предъ ними носили крестъ; Никонъ взялъ то у латынниковъ".

Патріархи вновь велѣли читать св. правила, а Никону сказали, чтобы онъ слушалъ. *Никонъ*: „Греческія правила непрямыя, печатали ихъ еретики". *Патріархи:* „Напиши и подпиши своею рукою, что наша книга правилъ еретическая и правила въ ней непрямыя, и укажи, что именно въ этой книгѣ еретическаго". Никонъ никакой ереси въ тѣхъ правилахъ не указалъ и рукописанія своего о томъ не далъ. И патріархи говорили всѣмъ архіереямъ, греческимъ и русскимъ, что греческія правила святы и православны; а архіереи греческіе и русскіе сказали: „Которыя правила читаны здѣсь, всѣ православны".

Видя, что Никонъ не хочетъ подчиняться священнымъ правиламъ, попытались подѣйствовать на него авторитетомъ патріарховъ. И Макарій антіохійскій спросилъ его: „Вѣдомо ли тебѣ, что александрійскій патріархъ--судія вселенскій?" *Никонъ:* „Тамъ себѣ и суди. Но въ Александріи и Антіохіи нынѣ нѣтъ патріарховъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ". *Патріархи:* „А гдѣ жили эти патріархи, когда утвердили, вмѣстѣ съ двумя другими, патріаршество въ Россіи?" *Никонъ*: „Я въ то время не великъ былъ". *Патріархи*: „И тогда жили патріархи, Мелетій александрійскій и Іоакимъ антіохійскій, въ тѣхъ самыхъ

мѣстахъ, гдѣ живемъ мы, и однакожъ почитались истинными патріархами. Если же вы насъ, ради одного переселенія, не считаете законными патріархами, то такъ же незаконны были и тѣ наши предшественники, а въ такомъ случаѣ нельзя считать законнымъ и патріаршества въ Россіи, которое они утвердили". Государь спросилъ Никона: „Вѣришь ли ты всѣмъ вселенскимъ патріархамъ, и что патріархи александрійскій и антіохійскій пришли къ Москвѣ по согласію съ прочими патріархами? Вотъ свитокъ, подписанный ихъ собственными руками". Никонъ посмотрѣлъ на подписи патріарховъ и сказалъ: „Я рукъ ихъ не знаю". *Макарій антіохійскій:* „То истинныя руки патріаршескія". Никонъ Макарію: „Широкъ ты здѣсь, а какъ-то дашь отвѣтъ предъ константинопольскимъ патріархомъ?" И всѣ архіереи и бояре закричали къ Никону: „Какъ ты не боишься Бога? Великаго государя и патріарховъ безчестишь и всякую истину ставишь во лжу". Антіохійскій патріархъ сказалъ: „Иногда и сатана, по нуждѣ, говоритъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ". Александрійскій же патріархъ, обратившись къ Никону, произнесъ слова 84 апостольскаго правила: „Аще кто досадитъ царю не по правдѣ, да понесетъ наказаніе, и, аще таковый будетъ изъ клира, да будетъ извержень отъ священнаго чина".

Послѣ этого патріархи спросили архіереевъ и весь освященный соборъ: какому наказанію подлежитъ патріархъ Никонъ по канонамъ Церкви? И всѣ архіереи, сперва греческіе, потомъ русскіе, и весь освященный соборъ отвѣчали: „Да будетъ извержень отъ священнаго чина".

Тогда оба патріарха, поднявшись съ своихъ мѣстъ, отъ имени всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ и всего освященнаго собора, сказали Никону: „Нынѣ тебя, Никона, бывшаго патріарха, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, извержемъ, и отселѣ не будеши патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ". И сказали ему главныя вины его: „а) ты патріаршескаго престола от-

рекся съ клятвою и отошелъ безъ всякія правильныя вины, сердитуя на великаго государя; б) ты писалъ ко вселенскому константинопольскому патріарху Діонисію, что на Руси престало соединеніе съ св. восточною Церковію, и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ отлучились и приложились къ западному костелу, и тѣмъ ты, Никонъ, св. православную (русскую) Церковь обругалъ и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и весь священный соборъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ обезчестилъ и назвалъ всѣхъ еретиками; в) ты же, Никонъ, и насъ, истинныхъ православныхъ патріарховъ, безчестилъ, называлъ не патріархами, и правила соборныя Церкви называлъ ложными и враками и будто еретики ихъ печатали; г) да ты же, Никонъ, коломенскаго епископа Павла, безъ собора, вопреки правилъ, извергъ и обругалъ, и сослалъ въ ссылку, и тамъ его мучилъ, и онъ пропалъ безвѣстно; и то тебѣ изверженіе вмѣнится въ убійство".

Сказавъ Никону вины его, патріархи, — замѣчаетъ современная запись, — „велѣли ему итти на подворье и быть тамъ до указу. А какъ святѣйшіе патріархи киръ Паисій и киръ Макарій бывшаго патріарха судили, въ то время великій государь стоялъ у своего государева мѣста".

Приговоръ, произнесенный теперь надъ Никономъ, былъ только словесный и указывалъ лишь главныя вины его. Необходимо было, чтобы приговоръ былъ изложенъ въ письмени, съ возможною полнотою опредѣлялъ виновность Никона и подписанъ былъ всѣми членами собора. И патріархи, еще предъ выходомъ изъ послѣдняго засѣданія, дали приказъ: написать соборный приговоръ этотъ на двухъ языкахъ — греческомъ и русскомъ. Спустя два дня, именно 8 декабря, патріархи, какъ замѣчено въ современной записи, сидѣли у государя три часа наединѣ. О чемъ совѣщались они — неизвѣстно. Но вечеромъ того же числа, точнѣе, ночью подъ 9-е декабря, Павелъ, митрополитъ крутицкій,

съ доклада великаго государя, писалъ архимандриту рождественскому Филарету да дьяку Аврааму Кащееву слѣдующее: „Вѣдомо учинилось святѣйшимъ патріархамъ и всему освященному собору, что Никонъ, бывшій патріархъ, находясь въ монастыряхъ Воскресенскомъ, Иверскомъ и Крестномъ, чинилъ градское наказаніе старцамъ тѣхъ монастырей, служебникамъ, крестьянамъ и стороннимъ людямъ, приказывалъ бить ихъ кнутьемъ, ломать имъ руки и ноги, а иныхъ пытать и казнить казнями градскими, такъ что иные пытанные и казненные померли. И вамъ бы разыскать накрѣпко тихимъ обычаемъ, чтобъ нешумно было: кому именно изъ старцевъ и другихъ людей въ тѣхъ монастыряхъ Никонъ чинилъ градское наказаніе, кого билъ кнутомъ, у кого ломалъ руки и ноги, кого пыталъ и казнилъ градскими казнями, гдѣ нынѣ тѣ люди и не умеръ ли кто изъ нихъ, да и разыскать бы про все тихимъ образомъ и подлинно". Архимандритъ Филаретъ и дьякъ Кащеевъ отправились въ Воскресенскій монастырь, и скоро присланъ былъ оттуда въ Москву одинъ изъ старцевъ, испытавшихъ на себѣ тяжелую руку Никона, и представленъ патріархамъ и всѣмъ архіереямъ. Это былъ духовникъ Никона, старецъ Леонидъ, уже разслабленный и съ избитыми ногами, около двухъ лѣтъ содержавшійся, по приказанію Никона, въ сырой тюрьмѣ подъ стражею, въ тяжелыхъ оковахъ и терпѣвшій истязанія. Онъ трогательно разсказывалъ, какъ и за что подвергнутъ былъ такимъ страданіямъ, и всѣ не безъ слезъ внимали его разсказу. Это обстоятельство послужило новымъ обвиненіемъ противъ Никона, которое и внесли въ составлявшійся тогда письменный о немъ приговоръ.

Когда приговоръ былъ написанъ по-гречески и по-русски, состоялось, 12 декабря, *осмое* и послѣднее собраніе собора, производившаго судъ надъ Никономъ. Всѣ архіереи и прочія духовныя особы собрались не въ столовой избѣ государя, а въ кельяхъ патріарховъ, въ Чудовомъ монастырѣ, куда переѣхали они съ прежней своей квартиры, съ Ки-

рилловскаго подворья, еще 25 ноября. Отъ лица государя присланы были, — самъ онъ не пожаловалъ въ это собраніе, — бояре: князь Никита Одоевскій, князь Григорій Черкасскій, князь Юрій Долгорукій, князь Иванъ Воротынскій, думный дворянинъ Елеазаровъ, стольникъ князь Петръ Прозоровскій и многіе другіе чзновники. Патріархи послали епископа мстиславскаго Меѳодія и нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандрита Іосифа позвать Никона, а сами со всѣми духовными и свѣтскими лицами отправились въ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, находившуюся подлѣ ихъ келлій надъ задними воротами Чудова монастыря. Здѣсь всѣ архіереи, уже одѣтые въ мантіи, возложили на себя епитрахили, омофоры и митры, а архимандриты и игумены облачились въ священныя одежды. Какъ только вошелъ Никонъ въ церковь, сдѣлалъ поклоненіе иконамъ и, по обычаю, присутствующимъ въ церкви, патріархи, совершивъ со всѣмъ духовенствомъ краткое молебствіе, приказали читать соборный приговоръ, или „объявленіе о низложеніи Никона“. Сначала приговоръ прочитанъ былъ по-гречески пресвитеромъ и экономомъ великой Церкви антіохійской Іоанномъ, а потомъ читанъ былъ громогласно по-русски рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Въ этомъ письменномъ приговорѣ вины Никона указаны были подробнѣе и обстоятельнѣе, нежели прежде — въ приговорѣ словесномъ, и именно слѣдующія: 1) Никонъ самъ сложилъ съ себя все архіерейское облаченіе среди великой церкви, вопія: „я болѣе не патріархъ московскій и не пастырь, а пасомый и недостойный грѣшникъ“; потомъ съ великимъ гнѣвомъ и поспѣшностію отошелъ и оставилъ свою каѳедру и ввѣренную ему паству самовольно, безъ всякаго понужденія и нужды, увлекаясь только человѣческою страстію и чувствомъ мщенія къ нѣкоему члену синклита, ударившему его патріаршаго слугу и прогнавшему отъ царской трапезы. 2) Никонъ хотя съ притворнымъ смиреніемъ удалился въ созданный имъ монастырь будто бы на безмолвіе, на по-

каяніе и оплакиваніе своихъ грѣховъ, но и тамъ (вопреки 2 правилу собора, бывшаго во храмѣ св. Софіи) совершалъ все архіерейское и рукополагалъ невозбранно, и назвалъ тотъ свой монастырь Новымъ Іерусалимомъ и разныя мѣста въ немъ Голгоѳою, Виѳлеемомъ, Іорданомъ, какъ бы глумясь надъ священными названіями, а себя хищнически величалъ патріархомъ Новаго Іерусалима. 3) Хотя совершенно оставилъ свою каѳедру, но коварно не допускалъ быть на ней иному патріарху, и государь, архіереи и синклитъ, понимая это лукавство, не осмѣливались возвести на московскій престолъ иного патріарха, да не будутъ разомъ два патріарха, одинъ внѣ столицы, другой внутри, и да не явится сугубое разноначаліе, что и заставило государя пригласить въ Москву восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ. 4) Анаѳематствовалъ въ недѣлю православія мѣстныхъ архіереевъ безъ всякаго разслѣдованія и соборнаго рѣшенія, и двухъ архіереевъ, присланныхъ къ нему отъ царя, назвалъ одного Анною, другаго Каіафою, а двухъ бывшихъ съ ними царскихъ бояръ — одного Иродомъ, другого Пилатомъ. 5) Когда былъ позванъ нами, патріархами, на соборъ дать отвѣтъ противъ обвиненій, то пришелъ не смиреннымъ образомъ, и не переставалъ осуждать насъ, говоря, что мы не имѣемъ своихъ древнихъ престоловъ, а обитаемъ и скитаемся — одинъ въ Египтѣ, другой въ Дамаскѣ. 6) Наши сужденія, изложенныя въ свиткѣ четырехъ патріарховъ противъ его проступковъ, и приведенныя тамъ св. правила называлъ баснями и враками; отвергалъ вообще, вопреки архіерейской присягѣ, правила всѣхъ помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ въ православной Церкви послѣ седьмаго вселенскаго собора, а наши греческія правила съ великимъ безстыдствомъ именовалъ еретическими потому только, что они напечатаны въ западныхъ странахъ. 7) Въ грамотахъ своихъ къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, попавшихъ въ руки царя, писалъ, будто христіаннѣйшій самодержецъ Алексѣй Михайловичъ есть латиномудренникъ, мучитель, обид-

чикъ, Іеровоамъ и Озія. 8) Въ тѣхъ же грамотахъ писалъ, будто вся русская Церковь впала въ латинскіе догматы и ученія, а особенно говорилъ это о газскомъ митрополитѣ Паисіѣ, увлекаясь чувствомъ зависти. 9) Низвергъ одинъ, безъ собора, коломенскаго епископа Павла и, разсвирѣпѣвъ, совлекъ съ него мантію и предалъ его тягчайшему наказанію и біенію, отъ чего архіерею тому случилось быть какъ бы внѣ разума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный,— звѣрями ли растерзанъ или впалъ въ рѣку и утонулъ. 10) Даже своего отца духовнаго велѣлъ безжалостно бить и мучить цѣлые два года, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался совершенно разслабленнымъ, какъ то мы сами видѣли своими глазами, и, живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцевъ наказывалъ градскими казнями, приказывая однихъ бить безъ милости кнутами, другихъ палками, третьихъ жечь на пыткѣ, и многіе оттого умерли, какъ свидѣтельствуютъ достовѣрные свидѣтели. „Узнавъ изъ всего этого,— продолжали патріархи, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, въ своемъ приговорѣ,— что Никонъ дѣйствовалъ не по-архіерейски и съ кротостію, а неправедно и тираннически, мы, на основаніи каноновъ св. апостоловъ и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, совершенно низвергли его отъ архіерейскаго сана и лишили священства, да вмѣняется и именуется онъ отнынѣ простымъ монахомъ Никономъ, а не патріархомъ московскимъ, и опредѣлили назначить ему мѣстопребываніе до конца его жизни въ какой-либо древней обители, чтобы онъ тамъ могъ въ совершенномъ безмолвіи оплакивать грѣхи свои". Надобно замѣтить, что приговоръ, прочитанный надъ Никономъ, не былъ еще подписанъ никѣмъ, — онъ подписанъ членами собора уже впослѣдствіи, спустя болѣе мѣсяца, и что послѣдняя статья, касающаяся духовника Никонова, внесена въ приговоръ послѣ прочтенія его, потому что духовникъ этотъ представился собору только 13 декабря. По прочтеніи приговора патріархи велѣли, черезъ переводчика, Никону, чтобы онъ

снялъ съ себя клобукъ съ жемчужнымъ серафимомъ, но Никонъ не согласился. Тогда александрійскій патріахъ, какъ судія вселенскій, тихо подошелъ къ Никону и самъ снялъ съ головы его патріаршій клобукъ, а надѣлъ на нее простой клобукъ, который снялъ съ находившагося вблизи греческаго монаха. Потомъ сняли патріархи съ Никона и сребропозлащенную панагію, украшенную жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, и Никонъ сказалъ: „Возьмите все это себѣ, бѣдные пришельцы, и раздѣлите на ваши нужды". Но патріархи не взяли, а передали какъ клобукъ, такъ и панагію Никона стоявшему при немъ монаху его Марку. „Возьмите и мою мантію, если желаете". — „Слѣдовало бы, — отвѣчали ему, — снять съ тебя теперь же архіерейскую мантію; но, по сильному ходатайству великаго государя, дозволяемъ тебѣ носить ее, пока не прибудешь въ назначенную тебѣ для жительства обитель". Т. е. мантіи и посоха не взяли теперь у Никона „страха ради всенароднаго". Наконецъ, объявивъ ему, что онъ уже не патріархъ, а простой инокъ, и долженъ итти на мѣсто своего покаянія — въ Ѳерапонтову обитель, въ бѣлозерскихъ предѣлахъ, отпустили его изъ церкви.

Выходя изъ церкви, въ которой выслушалъ соборный приговоръ надъ собою, Никонъ говорилъ въ слухъ народа, толпившагося вокругъ: „Погибла ты, правда; господствуетъ ложь; не слѣдовало тебѣ, Никонъ, такъ смѣло говорить правду царю и боярамъ, а льстить бы имъ и угождать, и ты не дожилъ бы до такого осужденія". Сѣлъ въ свои сани и, въ сопровожденіи двухъ архимандритовъ, назначенныхъ отъ собора, и своихъ приближенныхъ, отправился на подворье, гдѣ проживалъ.

На другой день, раннимъ утромъ пришелъ къ Никону отъ царя окольничій Иродіонъ Стрѣшневъ и принесъ серебряныхъ денегъ и различныхъ одеждъ, собольихъ и лисьихъ, для дороги. Но Никонъ ничего не принялъ и велѣлъ возвратить царю. Стрѣшневъ сказалъ еще Никону, что царь

проситъ у него благословенія себѣ, царицѣ и всему своему дому. Никонъ отвѣчалъ: „Если бы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія, онъ бы не явилъ намъ такой немилости“, и благословенія царю не далъ. Пришли затѣмъ посланные отъ патріарховъ и всего собора взять у Никона его клобукъ и панагію, врученные вчера его монаху Марку, и Никонъ велѣлъ отдать, а архіереи передали тотъ клобукъ и панагію въ соборную церковь, въ патріаршую казну. Пришелъ, наконецъ, отъ царя полковникъ Аггей Шепелевъ и сказалъ Никону, что назначенъ провожать его въ Ѳерапонтовъ монастырь, и что велѣно немедленно отправляться въ путь. Въ Кремлѣ собралось множество народа; но между собравшимися пустили слухъ, что Никонъ поѣдетъ изъ Кремля въ Спасскія ворота по Срѣтенкѣ, и когда народъ хлынулъ въ Китай-городъ, чтобы тамъ удобнѣе видѣть проѣздъ Никона, его быстро повезли изъ Кремля въ Арбатскія ворота на Каменный мостъ. Двѣсти стрѣльцовъ съ своими начальниками сопровождали поѣздъ за самый земляной городъ, а отсюда поѣхалъ провожать Никона только полковникъ Шепелевъ съ пятьюдесятью стрѣльцами. Съ Никономъ отправились изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ монастырь два іеромонаха, два іеродіакона, одинъ монахъ и два человѣка — бѣльца; а патріархи и соборъ, съ соизволенія государя, велѣли ѣхать вслѣдъ за Никономъ нижегородскому печерскому архимандриту Іосифу и какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ монастырь, строго наблюдать, чтобы Никону никакого оскорбленія никто не чинилъ, а самъ Никонъ никакихъ писемъ не писалъ и никуда не посылалъ. Къ 21 декабря Никонъ прибылъ съ своими спутниками въ Ѳерапонтовъ монастырь еще до разсвѣта и встрѣченъ былъ однимъ лишь игуменомъ, который и отвелъ ему для помѣщенія двѣ больничныя кельи, такъ какъ всѣ прочія кельи монастыря повреждены были незадолго предъ тѣмъ случившимся пожаромъ. Съ наступленіемъ утра къ Никону явились сопутствовавшіе ему архимандритъ Іосифъ и полков-

никъ Шепелевъ и объявили, что, по указу царскому и благословенію патріарховъ и собора, они должны взять отъ него, Никона, архіерейскую мантію и посохъ. Никонъ отдалъ безъ всякаго прекословія, и мантія и посохъ отправлены были въ Москву съ однимъ ѳерапонтовскимъ іеромонахомъ, а сами архимандритъ Іосифъ и полковникъ Шепелевъ съ стрѣльцами остались жить при Никонѣ для охраны его впредь до государева указа.

Одновременно съ тѣмъ, какъ происходило низложеніе Никона, дѣлались распоряженія объ изъятіи изъ-подъ его власти всѣхъ трехъ монастырей, которыми онъ владѣлъ прежде. На другой же день послѣ словеснаго надъ нимъ приговора, т. е. 6 декабря, уже послана была въ Иверскій монастырь царская грамота архимандриту Филоѳею и намѣстнику Паисію, чтобы они не слушались ни въ чемъ поставленнаго Никономъ строителя, старца Евѳимія, и не давали ему никакой воли ни въ монастырской казнѣ ни въ монастырскихъ вотчинахъ, равно какъ и никому другому, если еще кого пришлетъ Никонъ, а сами завѣдывали всѣмъ впредь до государева указа, и чтобы теперь же оба прибыли въ Москву, взявъ съ собою старца Филагрія съ товарищи, которыхъ прислалъ Никонъ въ Иверскій монастырь подъ начало. А 12 декабря, когда былъ прочитанъ и письменный приговоръ надъ Никономъ, отъ патріарховъ и всего собора, съ соизволенія государя, послѣдовалъ приказъ новоспасскому келарю Варлааму да подьячему Авдію Ѳедорову, чтобы они ѣхали къ Крестный монастырь и сдѣлали тамъ подробную перепись всего имущества, монастырскаго и церковнаго, всей братіи и служебниковъ, всѣхъ монастырскихъ вотчинъ и прочихъ владѣній и, переписавъ, приказали вѣдать всѣмъ этимъ мѣстному архимандриту, келарю, казначею и соборнымъ старцамъ впредь до указа государева, а отнюдь не слушаться тѣхъ, кого будетъ присылать Никонъ; чтобы выслали въ Москву изъ Крестнаго монастыря старца Евстратія и другихъ, битыхъ Никономъ и сосланныхъ туда

изъ Воскресенскаго монастыря, и чтобы допросили иноковъ, служебниковъ и крестьянъ, которые, по приказу Никона, были биты кнутьемъ или какими пытками пытаны или у кого руки и ноги ломаны, и взяли у тѣхъ людей сказки за руками изъ духовныхъ отцовъ и скоро прислали въ Москву. Такое же распоряженіе сдѣлано было и относительно Воскресенскаго монастыря.

VIII.

Заточеніе и кончина патріарха Никона.

Строго и жестоко было заточеніе Никона въ первые годы пребыванія въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ. Правда, добродушный царь Алексѣй Михайловичъ, желая получить благословеніе отъ Никона, котораго не получилъ при отправленіи его въ заточеніе, повелѣлъ Шепелеву оказывать осужденному патріарху снисхожденіе и приготовлять для него столъ изъ царскихъ сокровищъ. Но гнѣвный Никонъ, не подавая царю благословенія, не хотѣлъ вкушать и трапезы отъ царскихъ яствъ; онъ предпочелъ ей общую монастырскую братскую трапезу. Шепелевъ неоднократно упрашивалъ Никона принять „пищу отъ милости царскаго величества“ и нерѣдко томилъ его голодомъ, не позволяя ходить за общую братскую трапезу; но непреклонный Никонъ отвѣчалъ всегда: „Аще ми и умрети, но не сотворю сего“. Шепелевъ писалъ объ этомъ государю и вмѣсто отвѣта получилъ позволеніе возвратиться въ Москву, взявъ съ собою и печерскаго архимандрита Іосифа. Это было спустя мѣсяцъ послѣ заточенія Никона. И вотъ на смѣну ихъ прибыли изъ Москвы новоспасскій архимандритъ Іосифъ и дворянинъ Стефанъ Лаврентьевъ сынъ Наумовъ. Жестокость заключенія Никона увеличилась. Новый приставникъ его не только не сталъ позволять никому изъ постороннихъ приходить къ Никону,

но и никого не допускалъ подходить близко къ его келліи. Келлія, гдѣ жилъ Никонъ, была въ самой стѣнѣ монастырской. Окна ея обращены были къ большой дорогѣ, которая проходила тогда подлѣ самой стѣны. Наумовъ приказалъ забить окна крѣпкими желѣзными рѣшетками; самую дорогу перевелъ на другое мѣсто, отдаленное отъ монастырской стѣны. Къ дверямъ келліи, выходившимъ на открытый монастырскій дворъ, приставлена была крѣпкая стража, которая наблюдала за всѣми входившими и выходившими чрезъ эти двери; такой же караулъ стоялъ и подъ окнами Никоновой келліи. Стража сопровождала Никона и его иноковъ при всѣхъ ихъ входахъ и выходахъ; самые переходы ихъ изъ келліи въ церковь совершались въ сопровожденіи караула. Но Никонъ терпѣливый не роптalъ на свою горестную участь и за все благодарилъ Господа, молясь за самыхъ враговъ своихъ: „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“. Ни бѣдность, ни тѣснота, ни униженіе не могли поколебать въ немъ твердаго духа: безъ малодушія переносилъ свои страданія. Онъ постоянно носилъ на себѣ желѣзныя вериги и маленькій серебряный ковчегъ съ св. дарами. Въ такомъ расположеніи духа и съ такимъ напутствіемъ, онъ всегда былъ истиннымъ воиномъ Іисуса Христа, облеченнымъ во вся оружія Божія противъ слабостей плоти и искушеній духа. Неутомимо дѣятельный, онъ не хотѣлъ оставаться праздным и въ тѣснотѣ заточенія. Очищая умъ и сердце смиренною молитвою къ Богу и покаяніемъ, онъ тѣло свое изнурялъ постоянными трудами. Онъ самъ носилъ дрова для своей келліи, ходилъ за водой на озеро и готовилъ пищу для своей братіи, которая прибыла сюда раздѣлять съ нимъ скорби заточенія.

Приближалась сырная недѣля. Государь, приготовляясь къ народному празднику, вспомнилъ и о Никонѣ, съ которымъ въ счастливые дни его жизни раздѣлялъ онъ въ это время богатую трапезу въ своихъ царскихъ чертогахъ. Онъ велѣлъ отправить къ Никону отъ своего имени множество

рыбы и напитковъ разнаго рода. Но Никонъ отказался принять подарки царя: они напомнили ему невозвратимую утрату радостнѣйшихъ дней жизни, когда любовь и дружба соединяли душу его съ душою царя. Однакожъ общія просьбы братіи монастыря смягчили, наконецъ, его твердость, и Никонъ съ благодарностію принялъ милостыню царя.

Въ прощальное воскресенье Никонъ обѣдалъ въ общей монастырской трапезѣ. По его распоряженію, къ столу подавали яства и напитки, присланные ему отъ царя. Только одну дѣльву вина Никонъ приказалъ оставить до Свѣтлаго Христова Воскресенія, никому однакоже не открывая своего намѣренія, съ которымъ сдѣлалъ такое распоряженіе. Самъ между тѣмъ не вкушалъ теперь, во время обѣда, ничего, что подавалось изъ подарковъ царя. Нѣкоторые изъ иноковъ Воскресенскаго монастыря, раздѣлявшихъ съ нимъ заточеніе, слѣдовали его примѣру. Но другіе, по недогадливости, вкусили отъ царской пищи и отъ царскаго питія. Никонъ подвергъ ихъ за это церковной епитиміи, какъ преслушниковъ воли настоятеля.

Насталъ Великій постъ, и Никонъ посвятилъ всего себя духовнымъ подвигамъ. Было время, когда онъ на дни св. Четыредесятницы удалялся въ пустынное уединеніе и тамъ среди совершеннаго безмолвія пребывалъ въ постѣ и молитвѣ. Теперь онъ далеко былъ отъ своего Воскресенскаго скита; но и среди общежительнаго монастыря Никонъ продолжалъ сохранять принятый имъ уставъ для препровожденія великихъ дней св. Четыредесятницы. Уединенная молитва, строгій постъ и непрестанные труды были неразлучными спутниками его во все время св. поста.

Въ одинъ изъ дней св. Четыредесятницы, послѣ утренняго богослуженія, которое совершалось въ его келліяхъ, Никонъ разсказалъ братіи свой сонъ прошедшей ночи. „Представилось мнѣ, — говорилъ Никонъ, — будто я нахожусь въ какомъ-то обширномъ, великолѣпно устроенномъ зданіи. Сюда приходитъ ко мнѣ протопопъ большого мо-

сковскаго Успенскаго собора Михаилъ и проситъ у меня благословенія на освященіе одной церкви. Я, — говорилъ Никонъ, — вздумалъ провести его по всѣмъ комнатамъ этого зданія. Вотъ мы прошли съ нимъ двѣ-три комнаты, изъ которыхъ одна другой лучше и прекраснѣе. Наконецъ вступили въ самую лучшую и остановились, изумленные и пораженные ея великолѣпіемъ. Когда мы удивлялись ея великолѣпію, вдругъ является предъ нами свѣтлый и благообразный юноша и спрашиваетъ насъ: „чему вы удивляетесь? — Какъ не удивляться такому великолѣпію? отвѣчалъ я“, говорилъ Никонъ. „Такъ знаешь ли, что это за зданіе? опять спросилъ меня юноша“, — говорилъ Никонъ. „Это зданіе сооружено и украшено твоимъ терпѣніемъ“ и прибавилъ: „но постарайся скончать свое теченіе; а нынѣ говорю тебѣ, что ты вкусишь своего хлѣба“. Послѣ этихъ словъ, — говорилъ Никонъ, — юноша сдѣлался невидимъ“.

Скоро послѣдовало и исполненіе видѣнія. Въ тотъ же день, во время благовѣста къ литургіи, собрались къ Никону въ келлію живши при немъ архимандритъ, начальникъ отряда стрѣльцовъ и игуменъ монастыря съ келаремъ, чтобы, по обычаю, проводить его въ церковь. Благовѣстъ продолжался. Никонъ бесѣдовалъ съ своими посѣтителями о духовныхъ предметахъ. Вдругъ доносятъ ему, что его желаетъ видѣть іеромонахъ Мисаилъ и съ нимъ нѣсколько послушниковъ Воскресенскаго монастыря, которые присланы отъ Воскресенской братіи къ Никону съ гостинцами. Съ радостію принялъ Никонъ эту вѣсть; немедленно приказалъ пустить ихъ къ себѣ, благословилъ, облобызалъ и посадилъ вмѣстѣ съ собою. Мисаилъ объявилъ, что онъ привезъ Никону отъ братіи 200 рублей денегъ и десять хлѣбовъ монастырскаго печенія, такожде рыбы и другихъ запасовъ. Съ радостными слезами возблагодарилъ Никонъ Господа Бога и усердіе братіи Воскресенской обители. „Вотъ и сбылось видѣніе“, сказалъ онъ архимандриту и прочимъ, которые пришли къ нему передъ литургіею.

Въ самый день св. Пасхи, послѣ литургіи Никонъ пригласилъ къ столу своему архимандрита Іосифа, полковника Наумова, игумена и келаря Ѳеранонтова монастыря и многихъ изъ братіи. Во время обѣда онъ приказалъ своимъ служителямъ принести вино, которое оставлено изъ присланнаго царемъ къ сырной недѣлѣ. Наполнивъ имъ свою чашу, Никонъ обратился къ своимъ гостямъ и торжественно сказалъ: „Да не до конца пребудетъ вражда наша съ царемъ, се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду“. Обрадовались посѣтители этой благопріятной перемѣнѣ въ Никонѣ и, при словахъ примиренія его съ царемъ, до земли поклонились ему. Затѣмъ Никонъ самъ наполнилъ ихъ чаши тѣмъ же виномъ и просилъ ихъ пить за здравіе царя. Все это немедленно, въ тотъ же день, описано, и грамота съ такимъ извѣстіемъ отправлена къ государю.

Вскорѣ Никонъ получилъ отъ царя позволеніе имѣть свою отдѣльную церковь въ монастырѣ, для которой теперь же прислано было ему богато украшенное евангеліе напрестольное, серебряные потиръ и дискосъ, нѣсколько паръ церковныхъ облаченій и немало различной церковной утвари. Никонъ избралъ для себя одну изъ монастырскихъ церквей, во имя Богоявленія Господня, на св. вратахъ, и здѣсь стали совершать для него богослуженіе иноки, постриженники Воскресенскаго монастыря, рукоположенные нѣкогда въ священный санъ самимъ Никономъ въ послѣдніе годы его патріаршества. Самъ патріархъ сталъ съ этихъ поръ получать значительное содержаніе изъ Москвы, имѣлъ всѣ удобства жизни, даже выѣзжалъ изъ мѣста своего заточенія и пользовался свободно монастырской библіотекой. Рѣшетки отъ оконъ въ келліяхъ его были откованы, и даже разрѣшено было построить для него новыя келліи.

Получивъ такую свободу, Никонъ, съ согласія игумена монастыря и начальника стрѣльцовъ Наумова, началъ съ

своими иноками рубить лѣсъ на берегу озера, недалеко отъ монастыря, и расчищать мѣсто для посѣва хлѣба и разведенія огородныхъ овощей. Между тѣмъ, собственными руками устроилъ рыболовныя сѣти, нерѣдко по цѣлымъ днямъ трудился на озерѣ въ ловлѣ рыбы и доставлялъ ее въ общую братскую трапезу.

Вскорѣ Никонъ сдѣлался боленъ и, изнемогая отъ болѣзни и скорбей, сталъ предполагать близкимъ конецъ своей жизни. Въ это время онъ переносился душою въ блаженную обитель Новаго Іерусалима, гдѣ подвизался нѣкогда съ братіею, какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ всѣхъ желалъ усыновить Господу. Онъ пламенѣлъ теперь желаніемъ сложить, по крайней мѣрѣ, бренные останки свои въ построенной имъ самимъ и возлюбленной болѣе другихъ обители Новаго Іерусалима. Не зналъ тогда Никонъ, что ему суждено еще долго томиться въ заточеніи и пережить всѣхъ виновниковъ своего заключенія. Онъ написалъ къ строителю Воскресенскаго монастыря старцу Сергію и братіи письмо, въ которомъ усердно просилъ ихъ ходатайствовать ему отъ царя разрѣшеніе быть, по крайней мѣрѣ, погребеннымъ въ Новомъ Іерусалимѣ подъ Голгоѳою.

Казалось, самыя обстоятельства благопріятствовали исполненію надеждъ Никона. Въ Москвѣ не только народъ, но и самъ царь по нѣжности сердца своего почувствовалъ утрату столь великаго мужа, своего искренняго друга и мудрѣйшаго совѣтника. Всѣ дѣла государственныя съ удаленіемъ Никона пришли въ явное разстройство. Внутри отечества отъ неблагоразумія бояръ происходили бунты. Внѣ предѣловъ государства, на полѣ битвы, честолюбивые воеводы спорили только другъ съ другомъ за мѣста и теряли одну за другой побѣды, даже съ намѣреніемъ выдавали другъ друга врагамъ. Царь, котораго присутствіе требовалось теперь и въ столицѣ и въ походѣ, не зналъ, что дѣлать. Онъ нерѣдко вспоминалъ съ сердечнымъ сожалѣзнованіемъ о тѣхъ счастливыхъ годахъ своего царства,

когда самъ съ храбрымъ войскомъ разилъ на полѣ битвы враговъ, а патріархъ, другъ его, всей душой преданный благу отечественному, мудро управлялъ внутренними дѣлами государства. Паденіе Никона почиталъ теперь царь собственнымъ несчастіемъ. И какъ бы въ тайный упрекъ ему, предъ нимъ смѣнялись одинъ за другимъ патріархи, а Никонъ оставался живъ. Царь хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, получить благословеніе отъ первосвятителя, котораго почиталъ нѣкогда какъ отца, и не получалъ. По теперь, когда Никонъ самъ обратился къ нему съ просьбой о дозволеніи быть погребеннымъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, царь призналъ самымъ удобнымъ для себя временемъ испросить у него благословеніе. Наумову дано было знать, чтобы онъ предложилъ объ этомъ смиряющемуся патріарху. И вотъ Наумовъ, исполняя возложенное на него порученіе, однажды явился къ Никону и отъ имени царя сталъ просить „прощенія и благословенія царскому величеству и всему его дому". — „Хорошо, — недовѣрчиво отвѣчалъ Никонъ; — но скажи мнѣ, — прибавилъ онъ: — кто тебя этому научилъ?" Наумовъ съ клятвою увѣрялъ, что ему объ этомъ писано изъ Москвы. „Если это такъ, — продолжалъ Никонъ, — если царь перестанетъ гнѣваться на насъ напрасно и томить насъ этими мученіями, то просьба твоя будетъ исполнена". Послѣ такого объясненія съ Наумовымъ Никонъ написалъ къ царю прощальную грамоту. „Приходилъ ко мнѣ, богомольцу вашему, — писалъ онъ царю, — Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что велѣли ему, по вашему государскому указу, съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, государь, богомольца своего милостію своею, по своему государскому разсмотрѣнію, пожалѣешь; и я, смиренный, тебя, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, и

благовѣрную государыню, царицу княгиню Марію Ильиничну, благороднѣйшихъ царевичевъ и благородныхъ царевенъ благословляю и прощаю; а когда ваши царскія очи увижу, и тогда я, богомолецъ вашъ, вамъ, государямъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, якоже божественное святое евангеліе показуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и дѣяніе св. апостолъ — всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили".

Но желанія и ожиданія Никона не исполнились. Царь, получивъ отъ него прощальную грамоту, не рѣшился однакоже дозволить ему возвратиться ни въ Москву ни въ Воскресенскій монастырь. Присланный къ Никону съ грамотой отъ царя Иванъ Образцовъ привезъ ему только богатые подарки: 1000 рублей денегъ и множество различныхъ яствъ и питій. Но, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Никонъ отказался отъ этой милости царя и возвратился къ прежнему на него гнѣву.

Марта 4-го 1669 г. скончалась первая супруга царя Алексѣя Михайловича. Благочестивый государь опять отправилъ къ Никону подарки съ прошеніемъ молитвъ о упокоеніи усопшей царицы. Родіонъ Стрѣшневъ привезъ къ Никону 500 рублей денегъ. Какъ ни значительна была эта сумма по тому времени, но Никонъ не принялъ. „Мы должны, — сказалъ онъ Стрѣшневу, — молиться за упокой царицы и безъ сея мзды, сколько Богъ подастъ намъ силъ". Стрѣшневъ долго и много убѣждалъ Никона принять отъ царя милостыню, но Никонъ оставался и остался непреклоненъ въ своемъ отказѣ. Впрочемъ, чтобы не возникло мнѣнія, что онъ не принялъ денегъ на поминовеніе царицы по злопамятству къ ней, какъ виновницѣ его изгнанія, Никонъ совершалъ по ней поминовеніе при каждой литургіи.

Однакоже, мало-по-малу начала опять смиряться непреклонная душа Никона. Царь вступилъ въ новый бракъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной и прислалъ Никону

богатые подарки; Никонъ охотно и съ душевною признательностію принялъ все присланное. Немедленно, по полученія извѣстія о бракѣ царя, онъ отправился въ церковь съ своею братіею и слушалъ благодарный молебенъ Господу Богу съ возглашеніемъ многолѣтія царю, новой супругѣ его и всему ихъ дому. Наконецъ, въ знакъ совершенной своей преданности къ царю, усердно угостилъ его посланника и, одаривъ, отпустилъ съ честію.

Радовался и царь смягченію суроваго духа Никонова. Дружба между ними уже готова была, кажется, снова возгорѣться съ прежнею силою. Никонъ отправилъ келейнаго своего діакона Мардарія въ Москву для испрошенія у царя нѣкоторыхъ новыхъ милостей для него и его братіи; царь все исполнилъ, съ честію и подарками отпустилъ отъ себя діакона и съ своимъ посланникомъ отправилъ къ Никону значительную милостыню. Можно было даже надѣяться, что скоро настанетъ часъ освобожденія Никона изъ заточенія. Но Промыселъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, опредѣлилъ быть иначе.

Косма Лопухинъ, присланный теперь отъ царя съ милостынею къ Никону, не успѣлъ еще выйти изъ Ѳерапонтова монастыря, какъ сюда же прибываетъ братъ его Ѳедоръ Лопухинъ, съ извѣстіемъ къ Никону о смерти царя Алексѣя Михайловича. Съ непритворною горестію принялъ Никонъ эту неожиданную вѣсть. Онъ вздохнулъ отъ глубины сердца, прослезился и, обративъ взоры къ небу, сказалъ: „Воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судитися имать“. Лопухинъ просилъ его подать прощеніе царю на бумагѣ. „Мы исполняемъ, — сказалъ Никонъ, — слово Господа: оставите, оставится и вамъ, — и присовокупилъ: — Богъ его проститъ“, но не рѣшился дать письменнаго разрѣшенія.

Лопухинъ вручилъ Никону 100 рублей и мѣхъ песцовый черный на поминъ души покойнаго царя. Никонъ принялъ дары и совершалъ поминовеніе за каждою литургіею.

Преемникомъ царю Алексѣю Михайловичу былъ юный сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ. Состояніе Никона въ началѣ царствованія новаго царя напомнило Никону первые мѣсяцы сго заточенія. „На блаженнаго Никона, скажемъ словами Шушерина, паки діаволъ бурю возставляетъ чрезъ свое орудіе — злыхъ человѣкъ“.

Юному царю опять оговорили Никона въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ противъ мира Церкви и государства. И вотъ къ Никону опять отправляютъ строжайшій караулъ, съ крѣпкимъ наказомъ смотрѣть за нимъ неопустительно. Патріархъ Іоакимъ тогда же послалъ грамоту къ инокамъ Ѳерапонтова монастыря съ строжайшимъ запрещеніемъ именовать на письмѣ и изустно „святѣйшимъ патріархомъ“ сосланнаго въ заточеніе монаха Никона.

Но не прошло и одного года отъ восшествія на престолъ Ѳедора Алексѣевича, какъ представлено было ему до 300 обвинительныхъ статей на Никона. Царь, по совѣту съ патріархомъ, отправилъ къ Никону слѣдователей, которыми были: чудовскій архимандритъ Павелъ, дворянинъ Иванъ Желябовскій и дьякъ Семенъ Рубцовъ. Имъ приказано было допросить Никона съ подробностію по всѣмъ обвинительнымъ статьямъ и, отобравъ отъ него показанія, отправить самого въ Кирилловъ Бѣлоезерскій монастырь. По прибытіи въ Ѳерапонтовъ монастырь слѣдователи, не заходя къ Никону, вошли въ одну изъ тамошнихъ церквей и отсюда послали звать Никона именемъ царскаго и патріаршаго указа. Изумленный такою неожиданностію, Никонъ не отказался однакоже на ихъ призывъ, но немедленно явился въ церковь. Архимандритъ Павелъ объявилъ ему, что онъ присланъ по указу царя и патріарха произвести надъ нимъ слѣдствіе. „Воля Господня да будетъ, — отвѣчалъ Никонъ — не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя; аще и что смертно пострадати надлежитъ, готовъ есмь“. Желябовскій, принявъ такой отвѣтъ за оскорбленіе себѣ и своимъ товарищамъ, не удержался и въ самой церкви отъ

грубой брани. Но патріархъ обратился къ архимандриту и попросилъ его скорѣе объявить ему дѣло, для котораго они присланы изъ Москвы. Тогда дьякъ прочиталъ, во-первыхъ, наказъ, данный слѣдователямъ, и потомъ самыя обвиненія, взведенныя на Никона. Недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его; не устыдились обвинить въ участіи съ мятежникомъ Стенькою Разинымъ, клеветали и на чистоту жизни того, чье иночество было непорочно съ юныхъ дней; донесли и о крестѣ, который былъ поставленъ Никономъ на островѣ близъ Ѳерапонтова монастыря съ надписью: „Никонъ патріархъ заточенъ за слово Божіе и св. Церковь“; наконецъ, говорили царю и патріарху, что Никонъ безпрестанно ссорится съ окружающими его людьми. Начались допросы. Никонъ не затруднялся отвѣтами и каждое свое показаніе дополнялъ изреченіями слова Божія. Времени прошло много. Наконецъ допросы сдѣланы были всѣ. Никонъ надѣялся успокоиться послѣ такихъ душевныхъ волненій въ тишинѣ своей мирной келліи. Но его ожидали тягчайшія скорби. Слѣдователи, вызвавъ его изъ келлій на судъ свой въ церковь, уже не позволили ему опять возвратиться въ нихъ; но немедленно, по окончаніи допросовъ, окружила Никона стража изъ стрѣльцовъ, и подъ ея строгимъ наблюденіемъ онъ отправленъ былъ въ Кириловъ Бѣлоезерскій монастырь. Подобная же участь постигла и нѣкоторыхъ изъ келейныхъ иноковъ Никона: нѣсколько дней содержали ихъ здѣсь же подъ крѣпкимъ карауломъ и потомъ сослали въ Крестный Никоновъ монастырь. Келейную казну патріарха и всѣ вещи его слѣдователи, по отправленіи Никона въ Кирилловъ монастырь, переписали, запечатали и отправили вслѣдъ за нимъ въ Бѣлоезерскъ. Здѣсь они положены были въ особенное мѣсто для храненія. Но Никону самому не позволено брать изъ нихъ ничего: „не дана ему и нужныхъ потребъ“. Распорядившись такимъ образомъ Никономъ и его имѣніемъ, слѣдователи отправились обратно въ Москву, донесли царю и патріарху о сво-

ихъ дѣйствіяхъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ и представили имъ письменныя показавія Никона на тѣ многочисленныя обвиненія, какія были на него взнесены.

Помѣщеніе Никона въ Бѣлоезерскомъ монастырѣ было самое неудобное: „келліи бо, идѣже его заточиша, неугожи вельми отъ необычнаго нагрѣванія и угару". Страдая головными болями отъ сильнаго ушиба головы на пути изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ монастырь, Никонъ теперь не зналъ покоя отъ этихъ болей ни днемъ ни ночью. Съ каждымъ днемъ боли эти усиливались, такъ что онъ самъ и окружавшіе его стали опять ожидать скорой его кончины. Надъ нимъ сжалился архимандритъ Никита, настоятель монастыря, и отписалъ патріарху Іоакиму, чтобы позволено было построить для Никона новыя келліи, „да не безвременно скончается смертію", писалъ Никита. Но „святѣйшій патріархъ", говоритъ Шушеринъ, — многихъ ради духовныхъ и мірскихъ правленій и вседневныя докуки положи сія глаголы въ забвеніе".

Новыя клеветы опять обратили вниманіе правительства на Никона. У него все уже было отобрано, что могло свидѣтельствовать о патріаршемъ его достоинствѣ, — все, исключая одной панагіи и двухъ патріаршихъ печатей, которыя уцѣлѣли у него до сихъ поръ неизвѣстно какимъ образомъ. Патріархъ Іоакимъ, „по времени нѣкоемъ", присылаетъ къ Никону своего ризничнаго, діакона Іакинѳа, отобрать у Никона и эти вещи. Никонъ отдалъ ихъ посланнику безъ всякаго прекословія. Но лишившись этихъ вещей, Никонъ получилъ то, что для него было болѣе всего нужно въ тогдашнемъ его положеніи. Іакинѳъ привезъ съ собой отъ патріарха указъ, которымъ позволялось передѣлать въ келліяхъ Никона печи и построить для него особую поварню. Но и теперь Никонъ не зналъ мира душевнаго: его постоянно занимала забота о довершеніи начатой имъ Воскресенской обители. Всѣ его мысли, чувства и желанія были къ ней устремлены. Никонъ самъ хотѣлъ лично надзирать надъ ея

сооруженіемъ и особенно сооруженіемъ знаменитаго храма Воскресенія Христова.

Господь вложилъ въ сердце юнаго царя развѣдать и узнать подробно жизнь, дѣла и причины паденія Никона. Къ счастію блаженнаго патріарха было при царѣ лицо, которое могло представить ему Никона въ истинномъ его свѣтѣ. Это была тетка царя — царевна Татіана Михайловна. Она во всю свою жизнь питала глубокое уваженіе къ Никону и никогда не забывала заслугъ его для семейства царскаго во время моровой язвы. Слыша преслѣдованія, клеветы и притѣсненія, какія терпитъ Никонъ въ своемъ заточеніи, Татіана Михайловна рѣшилась расположить царя къ облегченію горькой его участи. Въ благопріятныя минуты домашней бесѣды съ царемъ — своимъ племянникомъ — она со всею нѣжностію сострадательнаго и любвеобильнаго сердца своего разсказывала ему о дружбѣ Никона съ отцомъ его, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, о заслугахъ Никона и печальномъ его заточеніи. Сердце юнаго царя мало-по-малу проникалось любовію и уваженіемъ къ Никону. Мудрая тетка его не забыла напомнить ему и о его личныхъ отношеніяхъ къ Никону, какъ своему крестному отцу; указала, наконецъ, и на величественный и незабвенный памятникъ ума и благочестія Никона — храмъ Воскресенія Христова въ Новомъ Іерусалимѣ, который оставался, однакоже, недовершеннымъ и подвергался опасности совершеннаго разоренія и опустѣнія. Она просила при этомъ царя возвратить Никона въ Воскресенскій монастырь. Наконецъ, чтобы окончательно расположить его къ этому доброму дѣлу, она убѣдила его посѣтить основанный Никономъ монастырь Воскресенія Христова. Недоброжелатели Никона предчувствовали его побѣду надъ собою и старались отклонить царя отъ посѣщенія Воскресенской обители. Но убѣжденія тетки одержали верхъ надъ всѣми препятствіями, какія старались поставить враги Никона намѣренію царя видѣть Новый Іерусалимъ.

Декабря 1-го 1680 года Ѳедоръ Алексѣевичъ удостоилъ посѣтить обитель, воздвигнутую Никономъ и нареченную по волѣ царственнаго друга его, Новымъ Іерусалимомъ. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу Іерусалимскаго храма гроба Господня, но уже 14 лѣтъ остававшихся въ запустѣніи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Никонъ удаленъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, государь глубоко вздохнулъ отъ сожалѣнія о столь прекрасномъ зданіи, оставленномъ въ пренебреженіи, и тогда же объявилъ волю свою продолжать строеніе по принятому Никономъ плану. Это дѣло поручено было благочестивымъ царемъ „ближнему его человѣку“ Михаилу Лихачеву. „Итакъ, скажемъ словами Шушерина, по волѣ великаго Спасителя нашего Бога, строящаго всяческая зиждительнымъ Своимъ словомъ, обитель святая Воскресенская нача въ совершеніе приходити“. Царь пробылъ здѣсь много времени, утѣшаясь красотою мѣстоположенія и величественностію монастырскихъ зданій. „Братію удоволи милостію довольно“ и къ празднику св. Петра митрополита возвратился въ Москву. Теперь мысль и желаніе видѣть самого строителя этого монастыря глубоко запала въ душу благочестиваго царя и никогда уже не оставляла его. Однакожъ исполненіе этой мысли отложено было до другаго болѣе удобнаго времени. Царь неоднократно и послѣ того посѣщалъ Воскресенскую обитель, которую полюбилъ онъ всею душою, какъ и благочестивый отецъ его, но не рѣшался предложить братіи о возвращеніи имъ Никона. Патріархъ Іоакимъ, опасаясь имѣть въ Никонѣ соперника въ патріаршествѣ, противился подъ разными предлогами освобожденію его изъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря и возвращенію въ Воскресенскій монастырь; но вмѣсто того повелѣлъ только дать Никону и находившимся при немъ инокамъ нѣкоторую ослабу отъ притѣсненіи стражи. Но и благочестивое намѣреніе царя должно же было получить совершеніе.

На погребеніе архимандрита Воскресенскаго монастыря Варсонофія опять прибылъ въ эту обитель и самъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ и въ то же время предложилъ братіи, не желаютъ ли они, чтобы возвращенъ имъ былъ въ настоятели Никонъ, и, если желаютъ, то пусть подадутъ ему прошеніе объ этомъ. „А Богъ милостивый, — присовокупилъ благочестивый царь, — помощь подастъ, и то дѣло устроится“. Обрадовались братія, услышавши это милостивое и давно вожделѣнное для нихъ слово царя. Не теряя времени, они составили и подали царю убѣдительное прошеніе возвратить имъ ихъ отца и пастыря Никона. „Радуемся превеликою радостію, — писали они царю, указывая на великую его милость къ Воскресенской обители, — торжествомъ преногимъ торжествуемъ, яко и прешедшія море печалей и скорбей Моусеемъ и вселившіеся въ землѣ обѣтованной. Но однимъ мы отличаемся отъ израильтянъ, — продолжали они: — израильтяне перенесли съ собой въ землю обѣтованія и кости Іосифа, избавившаго ихъ отъ глада, а мы до сего времени не дерзали простирать къ тебѣ моленіе свое о возвращеніи намъ отца нашего, избавившаго насъ отъ глада словесъ Божіихъ. Мы не уподобились еще и константинопольцамъ, просившимъ царя возвратить имъ изъ Команъ Златословеснаго учителя. Итакъ умоляемъ твою милость, — заключали они прошеніе свое царю: — подаждь Церкви исполненіе, приведи кормча кораблю, посли пастыря стаду, пристави главу къ тѣлу — христоподражательнаго нашего наставника, святѣйшаго Никона; изведи изъ темницы душу его, яко блаженнаго иногда Игнатія, патріарха цареградскаго, изъ заточенія; повели свободити изъ Кириллова монастыря въ монастырь живоноснаго Христова Воскресенія, растущій днесь въ высоту повседневнаго прославленія, яко дерево плодовито, при исходищахъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и уповаемый, да и онъ купно съ нами твоихъ пребогатыхъ даровъ насладится и въ старости да возвеселится“. Прошеніе это подписано

строителемъ монастыря старцемъ Германомъ, казначеемъ, старцемъ Сергіемъ и 60-ю человѣками братіи.

Возвратясь въ Москву, царь объявилъ патріарху Іоакиму, что онъ хочетъ дать свободу патріарху Никону и помѣстить его въ Воскресенскій монастырь, чтобы онъ привелъ въ совершеніе начатую имъ постройку этой обители и особенно храма Воскресенія Христова. Іоакимъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого нельзя: „Это дѣло (заточеніе Никона) учинено не нами, а великимъ соборомъ и святѣйшими восточными патріархами, — говорилъ Іоакимъ, — а потому, — продолжалъ онъ, — Никонъ и возвращенъ быть не можетъ безъ разрѣшенія собора и восточныхъ патріарховъ“. Царь однакоже не оставлялъ своего намѣренія и не терялъ надежды успѣть въ его исполненіи. Послѣ неоднократныхъ предложеній объ этомъ патріарху, которыя всѣ оставались для Никона безплодными, царь рѣшился, наконецъ, созвать соборъ для разсужденія о возвращеніи Никона изъ заточенія. Соборъ составился въ патріаршей крестовой палатѣ изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ архипастырей и знатнѣйшаго духовенства московскаго, подъ предсѣдательствомъ патріарха. Явился на соборъ и самъ царь, въ сопровожденіи своихъ вельможъ. Онъ предложилъ на разсмотрѣніе собора прошеніе иноковъ о возвращеніи имъ Никона и вмѣстѣ свое желаніе исполнить ихъ прошеніе. Открылись голоса и въ пользу Никона; ихъ было даже не мало; но патріархъ сильно настаивалъ, чтобы Никонъ оставался на мѣстѣ заточенія. Это несогласіе патріарха съ желаніемъ царя отвлекло соборъ отъ рѣшительнаго опредѣленія: всѣ разошлись, ничего не сдѣлавъ.

Желая побѣдить кротостію настойчивость патріарха Іоакима, царь пригласилъ его въ свои чертоги и началъ упрашивать вмѣстѣ съ теткою своею царевною Татіаной Михайловною согласиться на возвращеніе Никона въ Воскресенскій монастырь. Патріархъ рѣшительно отказался отъ согласія на предложеніе царя. При одномъ только условіи онъ

рѣшался освободить Никона изъ заточенія: если восточные патріархи позволятъ это. Глубоко опечаленъ былъ царь отказомъ патріарха. Глубоко сожалѣлъ онъ и о Никонѣ, который желалъ душевно и ожидалъ отъ милости царя возвращенія себя въ Воскресенскій монастырь. Иноки этой обители не хотѣли оставить его въ невѣдѣніи объ ожидавшей его радости. Царь, сожалѣя о Никонѣ, написалъ къ нему утѣшительную грамоту и отправилъ съ прежними его келейными иноками — іеродіакономъ Мардаріемъ и іеромонахомъ Варлаамомъ. Царь просилъ Никона „возверзти свою печаль на Господа, молить единаго въ Троицѣ славимаго Бога о здравіи царя и не отлагать упованія на лучшую участь".

Возрадовался душою и сердцемъ Никонъ, получивъ это милостивое письмо отъ царя. Отъ сердца чистаго и пламеннаго возблагодарилъ онъ Господа, призрѣвшаго на смиреніе раба Своего и вложившаго въ сердце царя благое желаніе и намѣреніе о немъ; утѣшившись такимъ образомъ, онъ предалъ дальнѣйшую свою судьбу подъ крѣпкую руку Божію въ томъ упованіи, что десница Божія вознесетъ его во время свое. Между тѣмъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ продолжалъ оказывать благоволеніе къ Воскресенской обители и довершалъ начатыя, но неоконченныя тамъ зданія на счетъ своей собственной казны. Такъ, среди царственныхъ заботъ, онъ не оставлялъ мысли и о Никонѣ. Но вскорѣ посѣтилъ его недугъ, и рѣшеніе участи Никона замедлено было болѣзнію царя.

Въ то время и самъ Никонъ, удрученный дряхлостію лѣтъ и немощію тѣла и претерпѣвшій столько скорбей въ своемъ заточеніи, сдѣлался тяжко боленъ, принялъ елеосвященіе и облекся въ схиму. Настоятель Кирилловскаго монастыря, архимандритъ Никита, опасаясь его смерти, немедленно отправилъ гонца къ патріарху Іоакиму съ грамотою, въ которой спрашивалъ его: если Никонъ окончитъ жизнь, то по какому чину совершать надъ нимъ погребеніе,

какъ поминать его на ектеніяхъ и гдѣ положить его тѣло? Іоакимъ отвѣчалъ, что погребеніе надъ нимъ должно совершать обыкновенное монашеское и поминать простымъ монахомъ, а тѣло положить въ церковной паперти. Такое распоряженіе сдѣлано было патріархомъ безъ вѣдома царя. Узнавъ о немъ, царь немедленно отправилъ къ Іоакиму своего боярина, чтобы грамота съ такимъ распоряженіемъ была задержана въ Москвѣ. „То писаніе уже есть тамо“, отвѣчалъ патріархъ посланному отъ царя.

Болѣзнь Никона съ каждымъ днемъ усиливалась болѣе и болѣе. Не имѣя уже надежды на выздоровленіе, Никонъ желалъ, чтобы по крайней мѣрѣ тѣло его было положено въ Воскресенскомъ монастырѣ, а не оставалось на мѣстѣ его заточенія. И вотъ собственной рукой начертываетъ онъ краткое письмо къ братіи Воскресенскаго монастыря и отправляетъ его съ своимъ иподіакономъ Иваномъ Корнильевичемъ Шушеринымъ. „Благословеніе Никона патріарха сыновомъ нашимъ, — писалъ онъ архимандриту Герману, іеромонаху Варлааму, монаху Сергію, монаху Ипполиту и вкупѣ всей братіи. — Вѣдомо вамъ буди, яко боленъ есмь болѣзнію великою, возстать не могу, въ гноищи лежу, а милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять по вашему челобитью и писалъ-жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилося, а его милостиваго указу нѣту; умереть мнѣ будетъ внезапу. Пожалуйте, чада моя, не помните моей грубости, побейте челомъ о мнѣ еще великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погибнуть, моего житія конецъ приходитъ; а каковъ я, и то вамъ про меня подробно скажетъ Іоаннъ, что отъ васъ живетъ на приказѣ“. Съ прискорбіемъ выслушали это предсмертное моленіе Никона братія созданной имъ обители. Архимандритъ Германъ не замедлилъ отправиться въ Москву и представилъ письмо Никона самому царю. Тронутый имъ до глубины души, царь составилъ опять соборъ и убѣдительно просилъ разрѣшить Никону возвращеніе въ Воскре-

сенскую обитель, „яко при смерти есть“. „Буди по волѣ твоей, благочестивый царю“, отвѣчалъ соборъ. Получивъ согласіе собора, царь скоро отправилъ въ Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь дьяка Ивана Чепелева съ порученіемъ перевезти Никона, живого или мертваго, въ Воскресенскій монастырь. Это было въ 1681 году.

Прежде, нежели Чепелевъ прибылъ въ Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь, Никонъ, какъ бы прозрѣвая духомъ прибытіе его, въ продолженіе нѣсколькихъ дней предъ тѣмъ, самъ вставалъ съ одра болѣзни и готовился въ путь. Братія, бывшіе съ нимъ, приписывали все это болѣзненнымъ припадкамъ. Такъ было неоднократно. Наконецъ, въ самый день прибытія царскаго пола къ нему, онъ весело и бодро всталъ съ постели, оправилъ себѣ волосы, надѣлъ дорожную одежду, вышелъ на крыльцо и сѣлъ въ стоявшія здѣсь кресла, какъ бы въ ожиданіи предстоящаго пути. Съ удивленіемъ смотрѣли на это служившіе ему иноки. Окинувъ ихъ взоромъ, Никонъ сказалъ: „Я готовъ, а вы что же не готовитесь? Вотъ скоро за нами будутъ“. Безмолвно приняли иноки эти слова Никона. Но немного спустя послѣ того, дѣйствительно является къ келліи Никона Чепелевъ и объявляетъ ему милость царскую. Одержимый тяжкою болѣзнію, Никонъ благодарилъ однакоже царя, въ лицѣ его посланнаго, низкимъ поклономъ и сердечнымъ словомъ живѣйшей признательности. Вскорѣ приготовлены были струги для плаванія по Шекснѣ. Когда уже все нужное для пути было готово, съ трудомъ посадили Никона въ сани, чтобы влечь его по землѣ до струга, который ожидалъ его на рѣкѣ Шекснѣ. На берегу рѣки Никонъ простился съ иноками Бѣлоезерскаго монастыря, подавъ имъ миръ и благословеніе, вошелъ затѣмъ въ приготовленный стругъ и отправился въ путь. Его сопровождали: присланный изъ Москвы дьякъ Чепелевъ, архимандритъ Кирилловскаго монастыря Никита — духовникъ Никона и нѣсколько иноковъ. Братія Воскресенской обители, узнавъ, что возвращается къ нимъ

Никонъ, отправили отъ себя къ нему навстрѣчу двухъ іеромонаховъ и одного іеродіакона. Эти посланники встрѣтили Никона на Шекснѣ за 20 верстъ до Волги. Объявивъ Никону радость и сердечное желаніе братіи Воскресенскаго монастыря видѣть лицо своего знаменитаго настоятеля, иноки вмѣстѣ съ нимъ отправились по Шекснѣ въ дальнѣйшій путь. Скоро достигли они Волги. Чепелевъ хотѣлъ плыть вверхъ по этой рѣкѣ, но Никонъ, имѣя вѣроятно въ виду путь, которымъ нѣкогда плылъ онъ къ Москвѣ съ св. мощами митрополита Филиппа, приказалъ плыть внизъ по Волгѣ, по направленію къ Ярославлю. Народъ стекался на берегъ рѣки, гдѣ плылъ Никонъ, чтобы видѣть великаго пастыря, удостоиться принять его благословеніе и поднести ему дары отъ своего усердія.

Августа 16-го 1681 года Никонъ велѣлъ остановить стругъ за полверсты до Толгскаго монастыря. Изнемогая отъ болѣзни, онъ опасался, чтобы не отойти въ жизнь загробную безъ напутствія св. дарами. Здѣсь съ живою вѣрою въ Искупителя пріобщился запасныхъ даровъ отъ руки духовнаго отца своего, кирилло бѣлоезерскаго архимандрита Никиты. Укрѣпившись вѣрою и считая себя готовымъ къ переходу въ вѣчность, Никонъ приказалъ продолжать путь въ надеждѣ на милость Божію. Черезъ нѣсколько времени стругъ, на которомъ плылъ Никонъ, остановился у берега противъ самаго Толгскаго монастыря. Сюда вышли ему навстрѣчу игуменъ монастыря съ братіею и сосланный, туда на покаяніе бывшій архимандритъ Сергій, тотъ самый который во время суда надъ Никономъ осыпалъ его разными ругательствами и содержалъ стражу надъ нимъ. Со слезами палъ теперь Сергій къ ногамъ умирающаго святителя, испрашивая себѣ его прощенія. „Прости меня, святитель Божій“,— сказалъ онъ Никону, обливаясь слезами, и предъ всѣми исповѣдалъ видѣніе, которое трепетомъ объяло его душу. — „Едва только послѣ божественной литургіи и братской трапезы возлегъ я отдохнуть, — говорилъ Сергій, — мнѣ явился

Никонъ и сказалъ: „братъ Сергій! встань, простимся". Въ это время ударилъ въ дверь моей келліи послушникъ и объявилъ, что игуменъ и братія пошли встрѣчать патріарха Никона, который плыветъ по Волгѣ на стругѣ въ Москву. Изумленный видѣніемъ, я поспѣшилъ, — говорилъ Сергій, — увидѣть первосвятителя и сподобиться отъ него прощенія". Никонъ подалъ ему миръ, благословеніе и прощеніе.

Но силы Никона изнемогали болѣе и болѣе. Однакоже, не теряя времени, онъ велѣлъ плыть къ Ярославлю. По приближеніи къ городу, Никонъ приказалъ остановить стругъ при берегѣ рѣки Которосли, противъ монастыря Всемилостиваго Спаса. Жители Ярославля, услышавъ о приближеніи къ нимъ Никона, стеклись видѣть блаженнаго патріарха и, нашедши его уже на смертномъ одрѣ, со слезами лобызали его святительскую руку и ноги. Затѣмъ съ большимъ трудомъ повлекли они на себѣ стругъ по рѣкѣ Которосли къ Спасскому монастырю. Отсюда вышли навстрѣчу къ Никону начальникъ города и настоятель Спасскаго монастыря съ братіею. Но Никонъ ничего уже не могъ говорить и только, взорами благословляя и благодаря усердіе народа, безмолвно давалъ имъ лобызать свою руку. Народъ стекалкался болѣе и болѣе и не давалъ покоя Никону, уже крайне изнемогавшему отъ болѣзни. Сопровождавшій его царскій дьякъ и архимандритъ бѣлозерскій велѣли перевезти стругъ на другой берегъ. Когда же стругъ тронулся по рѣкѣ, патріарху наступила минута смерти и, доплывъ до Туговой горы, онъ началъ кончаться. Ударили въ колоколъ къ вечернѣ. Никонъ, озираясь, какъ будто кто къ нему пришелъ, самъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежду, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь или ко встрѣчѣ кого-либо. Духовникъ съ братіею увидѣли, что для него насталъ послѣдній часъ земной жизни, и начали приготовлять его къ отходу въ вѣчность. Они совершили надъ нимъ „послѣдованіе при исходѣ души изъ тѣла". Патріархъ, распростершись на одрѣ, подалъ благословеніе окружавшей его братіи

и, сложивъ крестообразно на персяхъ руки, глубоко вздохнулъ въ послѣдній разъ и отошелъ съ миромъ ко Господу. Это было 17 августа, въ 4 часа пополудни, 7189—1681 года. Тогда исполнилось Никону 76 лѣтъ 2 мѣсяца и 24 дня отъ рожденія.

Братія, сопровождавшіе Никона, опрятали благоговѣйно тѣло его. Архимандритъ Всемилостиваго Спаса со своею братіею совершилъ надъ нимъ панихиду въ присутствіи начальника города и многочисленнаго стеченія народа. Царскій дьякъ отправился въ Москву донести царю о смерти Никона. Между тѣмъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, предувѣдомленный о безнадежномъ положеніи Никона и не теряя надежды встрѣтить его въ Воскресенскомъ монастырѣ живого, прислалъ въ Ярославль великолѣпную карету, чтобы Никонъ отправился въ ней къ мѣсту своего возвращенія. Но карета прибыла въ Ярославль уже на другой день по смерти Никона. Дьякъ, по прибытіи въ Москву, извѣстилъ царя о смерти святителя. Съ глубокою скорбію принялъ эту вѣсть благочестивый царь и подробно разспрашивалъ Чепелева объ обстоятельствахъ смерти Никона и его духовной. „Я напоминалъ Никону о духовной, — говорилъ дьякъ царю, — но онъ отвѣчалъ, что писать духовной не хочу, но во всемъ полагаюсь на великаго государя; да будетъ на немъ и всемъ его домѣ Божіе благословеніе". — „Если такъ, — отвѣчалъ царь, — то воля Господня да будетъ; сколько Богъ поможетъ, я его не предамъ забвенію". Тогда же сдѣлано было распоряженіе, чтобы тѣло блаженнаго патріарха перевезти въ Воскресенскій монастырь.

Когда получено было въ Ярославлѣ извѣстіе о такой волѣ царя, архимандритъ, сопровождавшій Никона, съ братіею устроили „возила со всякимъ опасеніемъ твердо", и послѣ панихиды надъ тѣломъ блаженнаго патріарха возложили гробъ его на приготовленныя „возила" и отправились въ путь при многочисленномъ стеченіи ярославскаго духовенства и народа. По городамъ и селамъ выходили изъ церквей на встрѣчу

со св. крестами, хоругвями и иконами; совершали надъ гробомъ почившаго патріарха литію и лобызали самый гробъ. Когда стали приближаться къ женской Александровской обители, игуменья этого монастыря вышла навстрѣчу съ 200 инокинь, предшествуемая св. крестами и духовенствомъ. Со слезами подошли онѣ всѣ ко гробу, скрывавшему тѣло многострадальнаго Никона; отслушавъ литію, онѣ благоговѣйно лобызали гробъ и, проводивъ его немало, возвратились въ свою обитель. Наконецъ, прибыли съ гробомъ блаженнаго патріарха къ Троицкому Сергіеву монастырю. Здѣсь со всею погребальною торжественностію встрѣтилъ почившаго патріарха архимандритъ Викентій съ братіею.

Но незадолго до прибытія почившаго патріарха къ Троицкой лаврѣ, присланъ былъ указъ сопровождавшему его кирилло-бѣлоезерскому архимандриту, чтобъ онъ немедленно прибылъ въ Москву, а сопровождать гробъ поручилъ троицкому архимандриту Викентію. Итакъ отъ Троицкаго монастыря отправился сопровождать гробъ почившаго первосвятителя архимандритъ этой лавры Викентій и провожалъ его тѣмъ же порядкомъ и съ подобающими почестями до самаго Воскресенскаго монастыря. Наканунѣ дня, въ который назначено было погребеніе Никона, прибылъ въ Воскресенскій монастырь самъ государь съ высочайшею фамиліею и въ сопровожденіи всего своего двора. Съ нимъ прибылъ митрополитъ новгородскій Корнилій съ знатнѣйшимъ духовенствомъ московскимъ и придворными пѣвчими. Благочестивый царь хотѣлъ, чтобы погребеніе Никона совершилъ самъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ своимъ. Но патріархъ Іоакимъ отказался быть на погребеніи подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ разрѣшенія восточныхъ патріарховъ онъ не можетъ воздать Никону почестей святительскихъ, не можетъ поминать его патріархомъ. Впрочемъ, митрополиту Корнилію онъ позволилъ отпѣвать Никона такъ, какъ повелитъ ему государь.

Вечеромъ, наканунѣ того же дня, когда предназначено

было совершить погребеніе Никона, вечерню и всенощное бдѣніе за упокой служили по требнику Петра Могилы. Утромъ слѣдующаго дня, августа 26-го, привезено было тѣло Никона въ деревню Мокрошу. Государь повелѣлъ воскресенскому архимандриту Герману отправиться туда съ братіею и возложить на усопшаго патріаршую мантію съ источниками, панагію и все облаченіе первосвятительское, какое приготовилъ самъ Никонъ для своего погребенія, еще до низложенія своего съ престола патріаршаго. Между тѣмъ въ монастырѣ начался для сбора погребальный благовѣстъ. Государь со всѣмъ домомъ и дворомъ своимъ, митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ собрались въ каменную великую церковь Св. Креста на Голгоеѣ, гдѣ уже ожидало ихъ многочисленное стеченіе народа. Духовенство облачилось въ новыя, устроенныя именно на этотъ разъ, церковныя одежды изъ дорогихъ китайскихъ тканей. Между тѣмъ гробъ Никона, по возложеніи на почившаго первосвятителя патріаршескихъ одеждъ, привезенъ былъ на Елеонскую гору и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда Никонъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ нарекалъ нѣкогда новоустроившуюся тогда обитель Новымъ Іерусалимомъ. Когда донесено было объ этомъ царю, начался колокольный звонъ, и изъ Голгоеской церкви послѣдовалъ крестный ходъ къ Елеонской горѣ со святыми иконами, хоругвями и съ запрестольнымъ крестомъ, сопровождаемый митрополитомъ Корниліемъ, многими архимандритами и прочимъ духовенствомъ, въ присутствіи государя, высочайшей фамиліи и знаменитыхъ особъ и многочисленнаго стеченія народа, при пѣніи придворными пѣвчими и самимъ государемъ, всѣмъ духовенствомъ и народомъ стихиры: *днесь благодать Святаго Духа насъ собра...* По приходѣ на эту гору, къ мѣсту, гдѣ стоялъ гробъ почившаго первосвятителя, митрополитъ роздалъ свѣчи государю, царскому семейству, знатнѣйшему духовенству и всѣмъ сановникамъ. Архимандритъ Викентій въ то же время роздалъ свѣчи священникамъ, діаконамъ, инокамъ и всему на-

роду. Началась панихида. По окончаніи ея митрополитъ и государь подняли гробъ, который потомъ несенъ былъ въ монастырь между двумя рядами свѣщеносцевъ руками священниковъ и иноковъ, учениковъ Никона, бывшихъ съ нимъ въ заточенія. Самъ государь, въ сопровожденіи вельможъ, шелъ вслѣдъ за гробомъ и вмѣстѣ съ пѣвчими съ умиленіемъ пѣлъ: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра...“ Слезы лились изъ очей всего множества народнаго. Въ монастырѣ раздавался погребальный звонъ. По прибытіи въ монастырь, гробъ Никона поставленъ былъ въ церкви Успенія Божіей Матери, подъ Голгоѳою. Началась заупокойная литургія; совершалъ ее митрополитъ Корнилій со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Съ пѣніемъ „пріидите, поклонимся...“ гробъ почившаго патріарха внесенъ былъ, по церковному обычаю того времени, въ алтарь, и Никонъ, уже мертвый, какъ бы опять служилъ престолу, отъ котораго нѣкогда живой, въ послѣдній разъ, въ санѣ святителя принялъ святое напутствіе, когда отправлялся на судъ и ожидавшее его заточеніе.

По окончаніи литургіи, митрополитъ Корнилій съ многочисленнымъ духовенствомъ вышли на средину церкви совершать надгробное пѣніе надъ усопшимъ первосвятителемъ. При всѣхъ молитвословіяхъ, по повелѣнію государя, поминаемъ былъ усопшій патріархомъ. Самъ государь читалъ каѳизмы и апостолъ и пѣлъ все послѣдованіе погребенія вмѣстѣ со своими пѣвчими. При послѣднемъ цѣлованіи государь извлекъ изъ-подъ схимы святительскую руку Никона и со слезами облобызалъ ее; примѣру его послѣдовали весь дворъ, духовенство и народъ, котораго вздохи превратились, наконецъ, въ рыданія. Когда же закрытъ былъ гробъ, на верхъ его положены были загашенныя свѣчи, какъ бы въ знакъ того, что всякая вражда погашается. Потомъ тѣло почившаго святителя вынесено было на священническихъ рукахъ въ церковь св. Предтечи, подъ Голгоѳою, къ мѣсту, которое напоминало, по назначенію Никона, мѣсто погребе-

нія царя-священника Мелхиседека, и гдѣ самъ Никонъ, въ бытность свою въ этомъ монастырѣ съ 1658 до 1666 года, ископалъ себѣ могилу. Въ нее-то теперь государь съ митрополитомъ собственными руками опустилъ гробъ первосвятителя съ трогательнымъ пѣніемъ: „Святый Боже!...“ Все время совершенія литургіи и отпѣванія продолжалось $9^1/_2$ часовъ. По окончаніи всѣхъ погребальныхъ церковныхъ обрядовъ, царь щедро одарилъ бывшее при погребеніи Никона духовенство деньгами и вещами, частію изъ келейной казны Никона, частію изъ собственной казны. Духовенство и народъ въ тотъ же день оставили монастырь; но самъ царь, какъ бы не желая разстаться съ Никономъ, пробылъ еще нѣсколько дней при его гробѣ и, братію монастыря „удоволивъ“, особенно же съ царскою щедростію наградивъ труды, болѣзни и страданія сподвижниковъ Никона въ тѣснотѣ заточенія, возвратился въ столицу.

Болѣзненно было добродушному царю видѣть, какъ Іоакимъ не соглашается возвратить Никону имя патріарха. Возвратившись въ Москву, Ѳеодоръ Алексѣевичъ послалъ Іоакиму одну изъ самыхъ дорогихъ митръ Никона на поминъ его души. Іоакимъ не принялъ этой митры. Царь огорчился и повелѣлъ отдать ее смоленскому митрополиту Симеону. Теперь же убѣдился царь, что въ Россіи не возвратятъ Никону первосвятительскихъ почестей, и рѣшился испросить ихъ отъ Востока.

Рѣдкій изъ первосвятителей могъ заслужить такое уваженіе, какое оказано было Никону царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Благочестивый царь собственноручно написалъ грамоту къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, убѣдительно испрашивая у нихъ Никону прощенія, разрѣшенія, возвращенія первосвятительскаго достоинства и причисленія къ лику всероссійскихъ патріарховъ. Дьякъ Прокопій Возницынъ получилъ повелѣніе доставить эту грамоту на Востокъ и привезти отъ восточныхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону.

Пока Возницынъ исполнялъ возложенное на него порученіе, царь продолжалъ благодѣтельствовать обители, въ которой покоился теперь останками своими великій іерархъ Никонъ. Все, что до этого времени отнято было отъ обители, онъ возвратилъ съ избыткомъ. Самое село Троицкое съ принадлежащими къ нему деревнями, подавшими поводъ къ ссорѣ Никона съ Бобарыкинымъ и къ увеличенію неудовольствій Никона съ царемъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ отдалъ теперь во владѣніе Воскресенскаго монастыря. Но предметомъ особенной его заботы былъ храмъ Воскресенія Христова. Ѳеодоръ Алексѣевичъ прилагалъ всѣ труды и усилія, чтобы окончить это великолѣпное мѣсто селенія славы Божіей.

Но Господу угодно было воззвать и его самого изъ здѣшней жизни прежде, чѣмъ пришли въ исполненіе начатыя имъ добрыя предпріятія. Ревностный чтитель Никона пережилъ великаго первосвятителя только 8 мѣсяцами: онъ почилъ о Господѣ 7190—1682 года, мѣсяца апрѣля 27 дня.

Патріархи восточные, разсмотрѣвъ въ грамотѣ царя доказательства великихъ качествъ, добродѣтелей и подвиговъ Никона на паствѣ, страданій и высокаго смиренія въ заточеніи, прислали почившему іерарху грамоты разрѣшительныя ото всего, въ чемъ связанъ онъ былъ ихъ предшественниками, и пріобщили его къ лику всероссійскихъ патріарховъ. Въ сентябрѣ 7191—1682 года прибылъ Прокопій Возницынъ съ этими грамотами въ Москву и вручилъ патріаршія грамоты царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Сентября 9-го, по повелѣнію царей, сдѣланъ былъ переводъ ихъ съ греческаго языка на славяно-русскій и представленъ на благоусмотрѣніе и надлежащее распоряженіе патріарха Іоакима. Осторожный первосвятитель усомнился въ вѣрности перевода и потребовалъ къ себѣ самыхъ подлинниковъ за подписью и печатями восточныхъ патріарховъ. При себѣ приказалъ онъ своему толмачу перевесть ихъ на русскій языкъ и прочитать. Патріархъ константинопольскій Іаковъ

писалъ, что св. Церковь имѣетъ власть, соразмѣряя судъ и милость, наказывать и миловать согрѣшающихъ, особенно если они „творятъ плоды, достойные покаянія“. Такъ, продолжалъ онъ, и патріархъ Никонъ, хотя былъ осужденъ за свои вины соборомъ восточныхъ и русскихъ архипастырей и лишенъ святительскаго сана, но благодушно перенесъ свое наказаніе, „многими и тмочисленными печальми и нуждами себе усмири и многихъ печальныхъ ради трудовъ въ небесномъ царствіи вводящій путь возвративъ, евангельское различныхъ благихъ дѣлъ совершеніе, въ терпѣніи, озлобленіи, въ нужномъ пребываніи постомъ и молитвами непрестанными и бдѣньми всенощными, яко злато въ горнилѣ, искушенъ бысть, и яко всеплодіе Бога живаго жертва явился, и тако страдательными трудами и прочее житія своего препроводилъ, не даде сна очима своима, ниже дреманія на челѣ своемъ, ниже покоя составомъ своимъ, дондеже блаженнымъ сномъ уснувъ, благочестно ко Господу отъиде“. Обращаясь къ самымъ причинамъ изверженія Никона изъ патріаршаго сана, вселенскій патріархъ замѣчаетъ, что „Никонъ осужденъ не яко нѣкихъ винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, и елика отъ архіерейства благодать впредь безъ воззванія отчуждати, имѣя естества и исцѣленія невоспріемное творя, ниже надъ Божественная догматы благочестій согрѣши, столпъ бо благочестія непоколебаемый знаемъ бысть, и божественныхъ и священныхъ каноновъ оберегатель присноискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній же и преданій неизреченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій: но яко человѣкъ, человѣчески болѣзнствуя отъ малодушія нѣкоего гнѣвомъ и унывіемъ побѣжденъ бысть...“ Поэтому соборъ, составившійся при константинопольскомъ патріархѣ для разсужденія о причисленіи Никона къ сонму всероссійскихъ іерарховъ, нашелъ „благословнымъ воззвать Никона къ патріаршескому поминовенію“, впрочемъ, замѣчаетъ Іаковъ, „не разрушенія ради собора того, отъ котораго онъ низверженъ бысть, никако: соборъ бо той не раз-

рушаемъ, — пишетъ Іаковъ отъ имени своего собора, — паче же быти нерушимо и крѣпко хранимо хощемъ". Послѣ всѣхъ такихъ разсужденій Никонъ возстановляется въ санъ патріарха слѣдующими словами: „Преподобныя памяти возлюбленный братъ нашъ, господинъ Никонъ, бывшій патріархъ московскій и всея Русіи, вмѣсто воздаянія и мздовоздаянія, показанія ради долгаго преподобничества терпѣнія, имѣетъ прощеніе и разрѣшеніе отъ приключившагося ему соборнаго изверженія, и да будетъ прощенъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ отъ Отца и Сына и Св. Духа, Святыя и Живоначальныя Троицы; воспріявъ же духовный хитонъ архіерейства, да пріиметъ, яко патріархъ, всегда церковное поминовеніе, поминаемъ съ прочими патріархами московскими во священныхъ диптихахъ, и по всякимъ именованнымъ временамъ священныхъ церковныхъ послѣдованіяхъ безсумнѣнно да сочитается въ явѣ въ сочисленіе прочихъ патріарховъ московскихъ, патріархамъ же являемы и именуемы и поминаемы ни одинъ да не сопротивится, подлинно такъ да будетъ! тѣмъ же во оправданіе издадеся сіе прощеніе его". Совершенно такого же содержанія грамоты присланы были отъ патріарховъ: александрійскаго Парѳенія, антіохійскаго Неофита и преемника его Кирилла и іерусалимскаго Досиѳея. Выслушавъ ихъ, патріархъ Іоакимъ, говоритъ Шушеринъ, объявилъ и съ своей стороны: „Сужду и азъ праведно сему быти тако".

Тогда имя патріарха Никона было вписано въ патріаршій синодикъ и стало возноситься въ нашихъ церковныхъ службахъ на ряду съ прочими почившими отечественными первосвятителями, съ возглашеніемъ вѣчной памяти ему, какъ блаженному всероссійскому патріарху.

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Воскресенскій монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, относится къ числу первоклассныхъ мужскихъ ставропигіальныхъ монастырей. Онъ находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, приблизительно верстахъ въ 45-ти отъ Москвы и отъ Звенигорода верстахъ въ 20-ти. Изъ Москвы къ нему ведутъ два пути: одинъ по большой волоколамской дорогѣ, по которой теперь устроено шоссе, другой — черезъ Крюковскую станцію Николаевской желѣзной дороги; отъ этой станціи Воскресенскъ отстоитъ верстъ на 20.

Святѣйшій патріархъ Никонъ началъ построеніе Воскресенскаго монастыря въ 1656 году, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Когда впослѣдствіи Никонъ подпалъ царскому гнѣву и былъ заточенъ сначала въ Ѳерапонтовъ монастырь, а потомъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій, еще только начатая строеніемъ обитель эта была предана полному забвенію, и строеніе ея прекратилось. Такъ продолжалось 14 лѣтъ, и уже по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, благодаря усиленному ходатайству царевны и великой княжны Татьяны Михайловны, духовной дочери патріарха Никона, державный племянникъ ея царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе на эту забытую обитель. 5-го сентября 1679 года онъ посѣтилъ впервые Воскресенскій монастырь, поразился красотою мѣстоположенія и величественностью наполовину возведеннаго соборнаго храма и повелѣлъ продолжать построеніе его на государственный счетъ. Ревность царя къ этому дѣлу получила новое побужденіе послѣ по-

гребенія здѣсь въ 1681 году святѣйшаго патріарха Никона, скончавшагося на пути сюда изъ заточенія и на смертномъ одрѣ поручившаго царю исполненіе своей завѣтной мысли. Ближайшими надзирателями и распорядителями работъ по постройкѣ Воскресенскаго храма были поставлены: царскій родственникъ Лихачевъ и старецъ Сергѣй Турчаниновъ, избранный для этого дѣла еще патріархомъ Никономъ при самомъ началѣ построенія храма. Работа пошла быстро и успѣшно. При жизни царя Ѳеодора Алексѣевича храмъ былъ доведенъ строеніемъ только до сводовъ. Кончина государя не остановила работы, благодаря вліянію благочестивой царевны Татьяны Михайловны на царя Іоанна Алексѣевича и правительницу царевну Софію. Такимъ образомъ въ дни царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ 1684 году, соборная церковь Воскресенія Христова была совсѣмъ окончена. Въ слѣдующемъ 1685 году 18-го января она была освящена патріархомъ Іоакимомъ съ преосвященнымъ Варсонофіемъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, Гавріиломъ, архіепископомъ вологодскимъ, Аѳанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, съ архимандритами и игуменами, въ присутствіи царя Іоанна Алексѣевича, государынь-царицъ и царевенъ Татьяны Михайловны и Софіи Алексѣевны, при громадномъ стеченіи народа. Въ то же время въ монастырѣ были сооружены и многія другія постройки. Тогда же, по повелѣнію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, была начата постройка церкви во имя Рождества Христова, но окончена она была много позднѣе.

Вскорѣ Воскресенскій монастырь, несмотря на усердіе и богатые вклады монарховъ русскихъ и другихъ благотворителей, по разнымъ несчастнымъ случаямъ сталъ приходить въ упадокъ. Особенно пострадалъ онъ въ 1726 году 17-го сентября, когда отъ сильнаго пожара онъ почти весь выгорѣлъ. Послѣ этого знаменитая обитель патріарха Никона снова была предана забвенію до дней царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Благочестивая государыня съ любовію заботилась о благолѣпіи храмовъ Божіихъ. Она любила ѣздить въ различныя обители на богомолья; побывавши въ Воскресенскомъ монастырѣ, она поразилась при видѣ величественнѣйшаго, единственнаго въ своемъ родѣ по грандіозности и красотѣ архитектуры, храма Воскресенскаго, въ то время полуразрушеннаго; но въ то же время она плѣнилась красотою мѣстоположенія монастыря и его окрестностей и не могла видѣть такого упадка этой славной обители, созданія святѣйшаго патріарха Никона, память котораго она съ дѣтскихъ лѣтъ такъ благоговѣйно почитала. Императрица рѣшилась воздвигнуть Воскресенскій монастырь изъ развалинъ, что и исполнила въ самое короткое время. Она сама въ это время живала иногда по недѣлѣ въ монастырѣ и принимала дѣятельное участіе въ его возобновленіи; сама наблюдала за постройками, разбирала съ приближенными различные планы и проекты, снабдила монастырь необходимыми на возобновленіе монастыря деньгами, своимъ примѣромъ привлекая къ этому дѣлу и другихъ богатыхъ и знатныхъ благотворителей. Строителемъ, избраннымъ ею для этого дѣла, былъ префектъ александро-невскаго духовнаго училища Амвросій Зертисъ-Каменскій (впослѣдствіи архіепископъ московскій), котораго она въ 1748 году именнымъ указомъ повелѣла произвести въ архимандриты Воскресенскаго монастыря, сдѣлавъ его при этомъ членомъ Святѣйшаго Синода и поручивъ ему возобновленіе обители. Одушевленный монаршимъ благоволеніемъ, Амвросій, при руководствѣ знаменитѣйшаго въ то время архитектора графа де-Растрелли, охотно принялъ возложенное на него дѣло и выполнилъ его съ успѣхомъ. Очистивъ развалины разрушившагося въ 1723 году надъ гробомъ Господнимъ шатра, онъ приступилъ къ украшенію соборной церкви и обновилъ ее какъ внутри, такъ и снаружи. Онъ украсилъ гробъ Господень, устроилъ надъ нимъ великолѣпнѣйшій шатеръ, отдѣлалъ въ соборномъ храмѣ всѣ придѣлы. Словомъ, какъ весь со-

борный ново-іерусалимскій Воскресенскій храмъ, такъ и другія зданія монастыря онъ довелъ до возможнаго совершенства, такъ что онъ, по справедливости, можетъ считаться вторымъ строителемъ его по святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ. Съ тѣхъ поръ Новый Іерусалимъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе, въ какомъ находится и доселѣ, и которымъ онъ обязанъ вѣчною благодарностью приснопамятной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ послѣдующія царствованія Воскресенскій монастырь еще болѣе благоукрасился и всегда былъ предметомъ благоговѣйнаго усердія со стороны высочайшихъ особъ. Императоромъ Николаемъ I былъ устроенъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, прекрасный, изъ каррарскаго мрамора, придѣлъ, въ память рожденія великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи государя императора). По этому поводу послѣдовало тогда отъ державнаго благотворителя письмо къ преосвященному архіепископу московскому Августину слѣдующаго содержанія: „Преосвященнѣйшій Владыко! Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца: Онъ сохранилъ и мать и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души, но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя св. Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима. Это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо, участь жены и сына. Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководителемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ воздвигнутымъ благодарностію отца, при-

носятся молитвы и о матери и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастія, на службу государю, на честь и пользу отечества!“

Подобнымъ же образомъ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II былъ, въ 1846 г., устроенъ придѣлъ въ память рожденія покойнаго наслѣдника Николая Александровича. И въ это царствованіе, какъ и въ предыдущія, обитель украшалась новыми зданіями, и обновлялись ея храмы, а ризница обогащалась драгоцѣнными вкладами.

Особенно замѣчательно было за это время капитальное обновленіе соборнаго храма Воскресенія Христова, бывшее въ 1873—1874 годахъ. Въ 1872 году, извѣстный всей православной Россіи любитель церковнаго благолѣпія П. Г. Цуриковъ, издавна благотворя Воскресенскому монастырю, по чувству благоговѣнія къ особѣ святѣйшаго патріарха Никона, задумалъ приступить къ обновленію соборнаго Воскресенскаго храма, который въ то время все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ, такъ какъ, со времени реставраціи временъ Елисаветы Петровны, онъ, по недостаточности средствъ, капитально не обновлялся. Въ 1873 г. П. Г. Цуриковъ устроилъ иконостасъ теплаго, имъ же обновленнаго, Христорождественскаго собора, мѣстныхъ иконъ, по золотому полю, цѣною на 1,500 рублей. Въ томъ же году, его усердіемъ, вызолочены на нѣкоторыхъ церквахъ главы.

Съ зимы 1874 года начались приготовительныя работы по обновленію Воскресенскаго храма, по плану, задуманному самимъ обновителемъ и одобренному монастырскимъ начальствомъ. Работы по обновленію храма продолжались въ теченіе всего 1874 года и были окончены къ 15-му сентября того же года, когда и было совершено торжество освященія возобновленнаго величественнаго Воскресенскаго собора. Реставрація собора была самая тщательная, и щедрый благотворитель не жалѣлъ ни силъ ни средствъ, чтобы возобновить знаменитый храмъ въ самомъ художественномъ и великолѣпномъ видѣ. Реставрированіе иконъ во всѣхъ 12-ти

ярусахъ большого иконостаса, работы послѣдней четверти XVII вѣка, царскихъ иконописцевъ, вышедшихъ изъ школы извѣстнаго иконописца Симона Ушакова, было поручено лучшему московскому реставратору и иконописцу того времени А. С. Рогожкину. Иконы искусно очищены отъ копоти и всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній, реставраціи прошлаго и текущаго столѣтій, и явились во всей художественной красѣ своего первоначальнаго замышленія.

Такъ же внимательно и искусно производилась реставрація всего Воскресенскаго храма. Все обновленіе его стоило щедрому благотворителю около 100,000 рублей. Кромѣ г. Цурикова, при обновленіи Воскресенскаго храма много потрудился еще настоятель монастыря архимандритъ Леонидъ (впослѣдствіи намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры), подъ непосредственнымъ опытнымъ наблюденіемъ котораго происходила вся перестройка.

Главнѣйшую святыню и драгоцѣннѣйшее украшеніе Воскресенскаго монастыря представляетъ собою *соборный Воскресенскій храмъ*, построенный по образцу іерусалимскаго храма Воскресенія Христова. Соборъ поражаетъ своею величественностью, художественностью и оригинальностью архитектуры и своими громадными размѣрами; онъ виденъ издали, верстъ за 15 до монастыря.

Воскресенскій соборъ сооруженъ на подобіе креста, средину котораго осѣняетъ куполъ. Красота подобнаго рода устройства церкви особенно замѣтна, если смотрѣть на нее съ наружной стороны. Внутренняя длина храма отъ стѣны до стѣны 30 саженъ, ширина 19 саженъ, вышина отъ помоста до купольнаго свода 22 сажени, а наружная — съ куполомъ по конецъ креста — 30 саженъ съ аршиномъ. Окружность всей соборной церкви вмѣстѣ съ подземною церковью простирается до 173 саженъ.

Внутри великаго храма Воскресенія Христова находится 29 придѣльныхъ церквей, а именно:

А) устроенныхъ по іерусалимскому образцу 14.

1) Главная церковь во имя Воскресенія Христова.

2) Голгоѳская церковь: мѣсто водруженія честнаго креста и придѣлъ во имя „Страстей Христовыхъ“.

3) Предтеченская церковь подъ Голгоѳою, гдѣ погребенъ святѣйшій патріархъ Никонъ.

4) Придѣлъ Михаила архангела и прочихъ безплотныхъ силъ.

5) Придѣлъ преп. Маріи египетской.

6, 7 и 8) Заалтарные придѣлы: Поруганія или терноваго вѣнца, раздѣленія ризъ и Логгина сотника.

9 и 10) Подземная церковь свв. Константина и Елены съ придѣломъ Божіей Матери „Утоли моя печали“, переименованнымъ изъ придѣла „благоразумнаго разбойника“, и мѣсто, соотвѣтствующее іерусалимскому мѣсту обрѣтенія честнаго и животворящаго Креста Господня.

11) Церковь Успенія Пресвятой Богородицы.

12) Придѣлъ во имя св. Маріи Магдалины.

13 и 14) Церкви подъ колокольней: во имя Всѣхъ Святыхъ и Николая чудотворца, соотвѣтствующія по своему мѣсту іерусалимскимъ церквамъ: женъ мѵроносицъ и 40 мучениковъ.

Б) Сверхъ іерусалимскаго образца 15.

а) Внизу:

1) Придѣлъ 12 и 70 апостоловъ.

2) Придѣлъ зачатія св. Анны.

3) Придѣлъ Сошествія Св. Духа.

4) Придѣлъ Рождества Пресвятой Богородицы.

5) Преп. Іулія и св. великомученицы Екатерины.

б) Вверху на хорахъ:

1) Свв. Захарія и Елисаветы.

2) Св. Іоанна Златоустаго.

3) Вознесенія Господня.

4) Иконы Божіей Матери Тихвинской.

5) Преображенія Господня.

6) Св. благовѣрной княгини Ольги.

7) Св. Павла исповѣдника.

8 и 9) Два придѣла во имя св. благовѣрнаго вел. князя Александра Невскаго.

10) Св. Іакова, брата Господня.

Послѣ главнаго алтаря, отдѣленнаго отъ прочаго церковнаго зданія 12-тиярусным̈ъ иконостасомъ, особенно замѣчательна палатка, именуемая часовней гроба Господня, построенная на подобіе іерусалимской кувукліи, заключающей въ себѣ драгоцѣннѣйшее сокровище христіанъ — гробъ Господень. Надъ этою часовнею, находящеюся посреди собора, возвышается великолѣпный куполъ, поддерживаемый колоннами и арками, съ тремя рядами оконъ по 20-ти въ каждомъ. Поперечникъ купола 11 саженъ, окружность 34 сажени, а высота по конецъ креста 33 сажени. Кромѣ упомянутыхъ рядовъ оконъ, соборъ имѣетъ еще 15 большихъ боковыхъ оконъ. Такимъ образомъ, внутренность собора, будучи освѣщаема 75 окнами, великолѣпно отдѣланная, украшенная тройнымъ вѣнцомъ рѣзныхъ вызолоченныхъ хоръ и 60 живописными картинами, изображающими пророчества о Спасителѣ и Его страданія, поражаетъ взоръ каждаго пришельца.

Подъ этимъ великолѣпнымъ шатромъ-куполомъ находится такъ называемая часовня гроба Господня. Она украшена, въ соотвѣтствіе съ великолѣпіемъ шатра, рѣзьбою, позолотою и живописью высокой работы; снаружи она обставлена столбами и увѣнчана краснымъ куполомъ на деревянных̈ъ вызолоченных̈ъ колоннахъ, соразмѣрно іерусалимскимъ. Внутри палатки, какъ бы въ скалѣ каменной, изсѣченъ гробъ, длиною 2 аршина 9 вершковъ, шириною 1 аршинъ 5 вершковъ. Мѣра этого каменнаго гроба точно такая же, какъ и истиннаго живоноснаго гроба Господня въ Іеруса-

лимѣ. Стѣны часовни и самый гробъ покрыты мраморомъ, какъ и въ Іерусалимѣ. Это было сдѣлано по желанію государя императора Александра Николаевича, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ цесаревичемъ, и тогда же обновленная часовня въ 1839 году была освящена приснопамятнымъ святителемъ московскимъ Филаретомъ. Надъ гробомъ — образъ Воскресенія Христова, а у головы и ногъ — изображенія двухъ ангеловъ, сидящихъ въ бѣлыхъ ризахъ.

Предъ гробовой пещерой пристроена каменная палатка, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Іерусалимѣ стояла стража Пилата. Палатка эта, въ соотвѣтствіе съ подобной же іерусалимской и въ воспоминаніе ангела, увидѣннаго жёнами мироносицами, сидѣвшаго на камнѣ, отваленномъ отъ входа во гробъ Христовъ, — наименована придѣломъ ангела. Въ память евангельскаго событія, здѣсь положенъ, на правой сторонѣ при входѣ въ гробъ Господень, бѣлый камень, на подобіе камня, отваленнаго отъ гроба Господня.

При выходѣ изъ гроба Господня, по обѣимъ сторонамъ большой арки, при входѣ въ соборную церковь, стоятъ два изображенія, во весь ростъ, сотниковъ: Логгина и Корнилія, съ бывшими при нихъ воинами. Тутъ же, подъ царскою аркой, находятся двѣ большія картины, представляющія совѣтъ іудейскій о подкупѣ воиновъ, бывшихъ на стражѣ, чтобы они сказали, что тѣло Спасителя украдено учениками Его.

Посреди главной церкви, нѣсколько ниже амвона, въ помостѣ лежитъ чугунная плита, по подобію іерусалимской, которая означаетъ средину храма и всей вселенной (на основаніи словъ псалма 73, ст. 12: *спасеніе содѣлалъ еси посреди земли*). Съ правой стороны иконостаса почиваютъ мощи св. мученицы Татіаны, кисть правой руки съ четырьмя перстами безъ указательнаго, — драгоцѣннѣйшая святыня Воскресенскаго монастыря. Онѣ были принесены въ даръ монастырю благовѣрною царевной Татьяной Михайловной въ 1691 году и хранятся въ серебряномъ вызолоченномъ ков-

чегѣ, украшенномъ въ 1794 г. императрицею Екатериной II. Съ лѣвой стороны иконостаса хранятся 60 частицъ мощей разныхъ святыхъ, вставленныхъ въ серебряную доску.

Влѣво отъ чугунной плиты находится мѣсто темницы Христовой, въ соотвѣтствіе іерусалимскому храму. Здѣсь представленъ въ полный ростъ Христосъ Спаситель сидящимъ на камнѣ, подъ хламидою, въ терновомъ вѣнцѣ. По стѣнамъ изображены два стоящихъ вооруженныхъ воина.

За темницею расположена церковь во имя Успенія Божіей Матери, въ память геѳсиманской пещерной. Она довольно просторна и свѣтла. Весьма замѣчателенъ въ ней иконостасъ, весь изразчатый. Церковь эта временъ Никона; впослѣдствіи она была возобновлена въ 1761 году. При церкви палатка въ память того мѣста, гдѣ Божія Матерь оплакивала узы Спасителя передъ Его распятіемъ. Тамъ же, по правую сторону иконостаса, находится изображеніе животворящаго Креста, писанное на холстѣ и присланное сюда съ острова Кія, что на Бѣломъ морѣ, гдѣ патріархъ Никонъ построилъ монастырь, называемый Крестнымъ. Недалеко отъ этого изображенія — картина, на которой изображенъ связанный Божественный Страдалецъ на судѣ у первосвященника Каіафы, а кругомъ іудеи, выписывающіе изъ законовъ свидѣтельства для преданія Христа на смерть.

Въ галлереѣ, рядомъ съ большимъ алтаремъ, находится придѣлъ во имя Рождества Богородицы. Онъ устроенъ въ 1846 году по повелѣнію императора Александра Николаевича въ память рожденія въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича.

Въ той же галлереѣ за главнымъ алтаремъ находится придѣлъ въ честь св. мученика Логгина сотника. Иконостасъ въ немъ изразчатый, временъ патріарха Никона. Окончательно придѣлъ былъ отдѣланъ иждивеніемъ сенатора О. В. Наумова и освященъ въ 1756 году.

Здѣсь же въ углубленіи прежде была, устроенная въ 1749 году иждивеніемъ графа А. П. Литты, церковь въ честь

св. Андрея критскаго. Теперь она обновлена и переименована во имя преп. Іулія и св. великомученицы Екатерины.

За этою церковію слѣдуетъ придѣлъ во имя Раздѣленія ризъ, напоминающій въ Іерусалимѣ то мѣсто, гдѣ воины сняли со Спасителя хитонъ и метали о немъ жребій. Придѣлъ освященъ первоначально около 1704 года, возобновленъ и освященъ вторично въ 1780 году; иконостасъ въ немъ временъ патріарха Никона.

За придѣломъ Раздѣленія ризъ начинается спускъ въ подземную церковь свв. равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Глубина этой церкви простирается на столько ступеней, на сколько зарытъ былъ крестъ Господень, т. е. состоитъ изъ 33 ступеней, въ воспоминаніе лѣтъ земной жизни Спасителя. Длина церкви внутри 14 саженъ, высота $7\frac{1}{2}$ аршинъ. Церковь освящена въ 1690 году, а въ 1751 г. была обновлена усердіемъ графа К. Г. Разумовскаго. При ней придѣлъ во имя Божіей Матери, нарицаемой „Утоли моя печали“, соотвѣтствующій іерусалимскому придѣлу „благоразумнаго разбойника“; устроенъ въ 1806 году, по случаю погребенія здѣсь супруги знаменитаго полководца графа А. В. Суворова.

Подлѣ, съ правой стороны, подъ небольшою башней, ископанъ кладезь, имѣющій всегда чистую и вкусную воду, украшенный теперь желтымъ мраморомъ. Въ Іерусалимѣ на этомъ мѣстѣ — придѣлъ Честнаго Креста Господня. И здѣсь патріархъ Никонъ предполагалъ устроить придѣлъ обрѣтенія креста Господня, но такъ какъ оказалась вода, то и устроенъ былъ кладезь.

Противъ лѣстницы, спускающейся сюда, есть мѣсто для придѣла, но по сырости онъ и до сего времени не устроенъ. Наверху противъ этого мѣста, въ алтарѣ главнаго придѣла съ правой стороны, пробито окно, и въ его углубленіи высѣчено сѣдалище, потому что въ Іерусалимѣ тутъ сидѣла, во время отысканія креста Господня, царица Елена.

Взошедши изъ подземной церкви опять въ главный храмъ, богомольцы встрѣчаютъ противъ главнаго алтаря еще придѣлъ поруганія, или терноваго вѣнца, въ соотвѣтствіе съ іерусалимскимъ, устроеннымъ на мѣстѣ, гдѣ воины вѣнчали терніемъ Спасителя; здѣсь лежитъ гладкій мраморный камень, подобный тому, на которомъ въ Іерусалимѣ былъ посаженъ Спаситель, когда налагали на Него терновый вѣнецъ и облачали въ одежду поруганія. Изразчатый иконостасъ этого придѣла устроенъ еще при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ. Придѣлъ освященъ первоначально въ 1704 году, возобновленъ и освященъ вторично въ 1780 году.

Далѣе входъ въ такъ называемую Авраамову палатку; по преданію іерусалимскому, на этомъ мѣстѣ происходило прообразованіе жертвы голгоѳской, когда праотецъ Авраамъ по гласу Божію хотѣлъ сына своего Исаака принести Ему въ жертву. Въ Воскресенскомъ монастырѣ эта палатка служитъ кладовою для казнохранилища монастырскаго.

Около этой палатки находится лѣстница, изображающая собою скорбный путь на Голгоѳу, по которому Спаситель благоволилъ нести на Себѣ крестъ всего міра. Подъ этимъ путемъ устроена въ память усѣкновенія главы Іоанна Предтечи темница съ желѣзными рѣшетчатыми дверями.

Подъ Голгоѳою устроена церковь въ честь усѣкновенія честныя главы святого предтечи и крестителя Господня Іоанна. Въ Іерусалимѣ на соотвѣтственномъ мѣстѣ предполагаютъ гробъ царя и первосвященника салимскаго Мельхиседека, а здѣсь на томъ же мѣстѣ почиваетъ святѣйшій патріархъ Никонъ. Надъ гробомъ его стоитъ образъ Божіей Матери изъ благовонной мастики греческой работы, который былъ келейнымъ образомъ патріарха и всегда находился при немъ. Тутъ же висятъ вериги святѣйшаго патріарха Никона (вѣсомъ 14 фунтовъ), которыхъ онъ не снималъ въ теченіе девяти лѣтъ, проведенныхъ въ Новомъ Іерусалимѣ въ самовольномъ изгнаніи, ни во время пятнадцатилѣтняго заточенія

на Бѣломъ озерѣ. Въ алтарѣ этой церкви за престоломъ подъ самою Голгоѳою устроено изображеніе главы Адамовой, которая, по преданію іерусалимскому, была окроплена тамъ, чрезъ скважину Голгоѳы, кровію распятаго Господа. Церковь эта устроена и освящена патріархомъ Никономъ, который въ ней приготовилъ себѣ при жизни гробъ. Послѣ погребенія Никона церковь была обновлена усердіемъ царевны Татьяны Михайловны и вторично освящена въ 1690 году; въ третій разъ обновлена она въ 1749—1750 годахъ иждивеніемъ духовника императрицы Елисаветы Петровны протоіерея Ѳ. Я. Дубянскаго.

Рядомъ съ предтеченскою церковью находится придѣлъ въ честь св. архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Иконостасъ его временъ патріарха Никона; придѣлъ оконченъ строеніемъ, благодаря усердію крестоваго дьяка, ученика и жизнеописателя святѣйшаго патріарха, Ивана Шушерина, который и погребенъ здѣсь съ сыномъ своимъ.

Возлѣ Архангельской церкви устроенъ придѣлъ преподобной Маріи египетской, ходившей въ Іерусалимъ для поклоненія кресту Господню и жившей послѣ въ пустынѣ 47 лѣтъ. Вновь отдѣланъ этотъ придѣлъ вмѣстѣ съ иконостасомъ и богатою утварью повелѣніемъ и щедротами императрицы Елисаветы Петровны и освященъ въ 1749 году.

Изъ этого придѣла начинается подъемъ на такъ называемое крыльцо царицы Елены и съ него на гору Голгоѳу. Здѣсь водруженъ кипарисный крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа и съ предстоящими по сторонамъ Его Божіею Матерью и апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Длина креста около 5 арш. Подъ крестомъ и около него помостъ нѣсколько возвышенъ, и въ немъ изсѣчена разсѣлина на подобіе той, которая видна на истинной Голгоѳѣ, послѣ того какъ камни разсѣлись при распятіи Христовомъ. Здѣсь же три впадины знаменуютъ мѣста, гдѣ были водружены крестъ Спасителя и двухъ разбойниковъ. Съ правой стороны находится голгоѳская церковь страстей Го-

сподних, а на мѣстѣ водруженія креста Господня есть еще придѣлъ, но безпрестольный.

Голгоѳская церковь и животворящій крестъ Господень на мѣстѣ распятія устроены самимъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и освящена имъ въ 1662 г. Впослѣдствіи она была обновлена иждивеніемъ императрицы Екатерины II и освящена вторично въ 1775 г. Наконецъ, въ 1867 году она снова была возобновлена усердіемъ почетнаго гражданина И. Д. Чикина. Иконостасъ голгоѳской церкви богато украшенъ, церковь снабжена богатою утварью. Въ алтарѣ устроена небольшая ризница, а направо сосудохранительница церковная. Обращаютъ на себя здѣсь вниманіе еще двѣ картины, расположенныя на двухъ столпахъ противъ животворящаго креста Господня. На одной изображены: св. равноапостольный царь Константинъ, царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ; на другой — св. царица Елена, царица Марья Ильинична, супруга царя Алексѣя Михайловича, и сынъ ихъ царевичъ Алексѣй. Фигуры изображены колѣнопреклоненными противъ креста Господня.

Лѣстница, ведущая съ Голгоѳы и именуемая крестнымъ путемъ, приводитъ къ такъ называемому камню повитія и мѵропомазанія. Этотъ камень положенъ здѣсь по подобію іерусалимскаго камня, на которомъ Іосифъ и Никодимъ, по снятіи съ креста обнаженнаго тѣла Господня, обвили Его плащаницею и помазали благовоннымъ мѵромъ, передъ перенесеніемъ святѣйшаго тѣла въ пещеру гроба. Въ новомъ Іерусалимѣ совершается при этомъ камнѣ умилительное дѣйствіе церковное въ Великую пятницу.

Недалеко отъ камня мѵропомазанія устроенъ придѣлъ св. Николая чудотворца, близъ колокольни. Сооруженъ онъ усердіемъ супруги царя Іоанна Алексѣевича, Параскевы Ѳеодоровны, и освященъ въ 1690 году, впослѣдствіи, въ 1749 г., обновленъ на средства графини М. Е. Шуваловой.

Рядомъ съ придѣломъ святителя Николая устроена церковь Всѣхъ Святыхъ, что подъ самою колокольней. При-

дѣлъ этотъ освященъ первоначально въ 1690 г., впослѣдствіи возобновленъ иждивеніемъ князя В. М. Долгорукова-Крымскаго въ 1781 году.

Взошедши на хоры, встрѣчаемъ придѣлъ въ честь св. Іакова, брата Господня. Иконостасъ въ немъ наилучшей итальянской работы Оргуліо. Устроеніе его относится къ 1749 году.

Далѣе на хорахъ къ востоку придѣлъ въ честь явленія Божіей Матери Тихвинскія. Придѣлъ устроенъ иждивеніемъ коломенскаго асессора А. З. Воронецъ и освященъ въ 1792 году.

По лѣвую сторону этого придѣла находится придѣлъ Вознесенія Господня; устроенъ иждивеніемъ полковника А. В. Сухово-Кобылина и освященъ въ 1792 году.

За этими придѣлами имѣется ризница, гдѣ хранятся драгоцѣнности церковныя, евангелія съ окладами, сосуды, кресты, подсвѣчники, ризы и прочая утварь. Здѣсь также можно видѣть клобукъ патріарха Никона, его посохъ, шляпу, власяницу и обувь, въ которой онъ обыкновенно ходилъ на монастырское строеніе.

На возвратномъ отсюда пути, за придѣломъ Вознесенія, представляется придѣлъ въ честь св. Павла исповѣдника, архіепископа константинопольскаго. Придѣлъ этотъ устроенъ по повелѣнію императора Павла I, въ память дня восшествія его на всероссійскій престолъ, и освященъ въ 1807 году.

Противъ этого придѣла съ лѣвой стороны стоитъ большой портретъ святѣйшаго патріарха Никона, основателя обители, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. Святитель изображенъ во весь ростъ на амвонѣ, около него стоятъ ученики его, братія новой обители: архимандритъ Герасимъ, іеромонахи Леонидъ и Савва и архидіаконъ Евеимій, иподіаконы Іосифъ и Германъ и монахи Иліодоръ и Серафимъ, съ надписью имени его надъ главою каждаго; лица ихъ начали уже тускнѣть и стираться отъ времени и сырости; но еще рѣзко выдѣляется на картинѣ величественная фигура Никона, воз-

вышающаяся надъ главами его окружающихъ необыкновеннымъ ростомъ и важною осанкой.

На сѣверъ отъ этого мѣста устроенъ придѣлъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, изъ каррарскаго мрамора, по волѣ императора Николая I, въ память рожденія сына и наслѣдника его Александра Николаевича. Придѣлъ освященъ въ 1820 г. преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ и снабженъ державнымъ жертвователемъ богатою ризницей и утварью.

Здѣсь же, подлѣ, придѣлъ св благовѣрной княгини Ольги. Устроенъ онъ по волѣ государя императора Павла I въ память великой княжны Ольги Павловны и освященъ въ 1807 году.

Влѣво, соотвѣтственно придѣлу св. княгини Ольги, устроенъ другой придѣлъ во имя святого Александра Невскаго, воздвигнутый по повелѣнію императора Павла I, и освященъ въ 1807 году.

Далѣе къ востоку находятся два придѣла: одинъ во имя св. Іоанна Златоустаго, другой — св. Захаріи и Елисаветы. Оба придѣла устроены иждивеніемъ императрицы Елисаветы Петровны — первый въ память ея восшествія на престолъ, второй — тезоименитства.

За этимъ придѣломъ находится палата, гдѣ хранится монастырская библіотека, имѣющая большое количество книгъ на разныхъ языкахъ, какъ печатныхъ, такъ и письменныхъ харатейныхъ.

Тутъ же придѣлъ во имя Преображенія Господня, по самой серединѣ хоръ, противъ гроба Господня. Престолъ этотъ устроенъ въ 1808 году статсъ-дамой Е. Р. Дашковой и снабженъ ею богатою ризницей.

При сходѣ т. ю же лѣстницей, внизу, — придѣлъ 12 и 70 апостоловъ. Придѣлъ устроенъ первоначально строителемъ обители старцемъ Сергіемъ на его собственныя келейныя деньги въ 1704 г.; въ 1783 году обновленъ генераломъ А. Б. Загряжскимъ.

Далѣе къ западу придѣлъ зачатія св. Анны, устроенный иждивеніемъ дѣвицы А. И. Сухотиной и освященный въ 1809 году.

Въ соотвѣтствіе придѣлу 70 апостоловъ, устроенъ придѣлъ св. Маріи Магдалины. Алтарь изъ чистаго бѣлаго мрамора, колонны мраморныя же, капители бронзовыя позолоченныя; образа писаны на мѣди; лампады, подсвѣчникъ, паникадило серебряные; вся церковная утварь и ризница богатыя; образъ св. Маріи Магдалины украшенъ драгоцѣнными камнями. Все это сдѣлано на средства императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 1801 году.

За этимъ придѣломъ, близъ большихъ сѣверныхъ дверей, находится придѣлъ въ честь Сошествія Св. Духа, устроенный иждивеніемъ гг. Карповыхъ и освященный въ 1821 г. Какъ въ этомъ послѣднемъ придѣлѣ, такъ и въ другихъ, находящихся на хорахъ, живопись, по мнѣнію знатоковъ, считается превосходною и въ высшей степени художественною.

Такимъ образомъ, вся знаменитая великая церковь Воскресенія Христова въ Воскресенскомъ монастырѣ представляетъ изъ себя священный памятникъ благочестія многихъ русскихъ государей и знаменитыхъ вельможъ. О великолѣпіи, богатствѣ и красотѣ ея нельзя дать точнаго понятія тому, кто не видалъ ея самъ. О пространствѣ же ея и обширности можно судать по тому, что при отправленіи въ одно время четырехъ божественныхъ литургій въ разныхъ придѣлахъ не бываетъ никакого препятствія отъ совокупности пѣнія.

Второй соборный храмъ Воскресенскаго монастыря построенъ во имя Рождества Христова. Онъ о трехъ ярусахъ, теплый и находится близъ западныхъ монастырскихъ воротъ, съ двумя пространными при немъ палатами, которыя были прежде трапезами для братіи. Построеніе этого храма было задумано святѣйшимъ патріархомъ Никономъ, который желалъ устроить его по точному плану и модели палестинской Вифлеемской церкви; но обстоятельства помѣшали ему

осуществить это желаніе. Храмъ былъ начатъ строеніемъ въ 1686 году; въ 1692 г. онъ былъ оконченъ и освященъ въ присутствіи самой строительницы, благовѣрной царевны и великой княжны Татіаны Михайловны. Подъ этою церковью тогда же было опредѣлено, по плану Виѳлеемской церкви, устроить еще придѣльныя церкви, съ изображеніемъ въ нихъ знаменательныхъ событій, бывшихъ при Рождествѣ Христовомъ. Но эти придѣлы оставались неотдѣланными до самаго конца прошлаго столѣтія, когда по повелѣнію императрицы Екатерины II и ея иждивеніемъ они, наконецъ, были устроены.

Въ настоящее время въ Рождественскомъ соборѣ, кромѣ главнаго престола во имя Рождества Христова, находятся четыре придѣла: 1) Обрѣзанія Господня, 2) Поклоненія волхвовъ, 3) Бѣгства Дѣвы Маріи и Іосифа съ Богомладенцемъ въ Египетъ, 4) Избіенія виѳлеемскихъ младенцевъ.

Кромѣ этихъ придѣловъ, тутъ же есть подобіе св. вертепа и яслей, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Въ трапезѣ этого храма въ 1869 году усердіемъ г-жи Татищевой устроенъ на правой сторонѣ придѣлъ во имя пр. Сергія радонежскаго для служенія ранней литургіи, а въ 1871 году, въ соотвѣтствіе ему, устроенъ настоятелемъ обители архимандритомъ Леонидомъ другой придѣлъ во имя св. мученицы Татіаны.

Надъ св. вратами обители находится каменная церковь во имя Входа Господа въ Іерусалимъ. Она начата строеніемъ въ 1694 году, а окончена и освящена въ 1697 году.

Кромѣ того, въ Воскресенскомъ монастырѣ еще двѣ церкви: одна въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, другая во имя св. равноапостольной царицы Елены и преп. Іоанна рыльскаго. Первая — первоначально была устроена при келліяхъ патріарха Никона, бывшихъ въ южной сторонѣ монастыря, но потомъ была присоединена къ дворцовому зданію, назначенному для царскихъ пріѣздовъ, обновлена и освящена

въ 1776 году. Вторая находится при настоятельскихъ келліяхъ въ томъ же зданіи.

Въ дворцовыхъ покояхъ есть картинная галлерея, устроенная въ двухъ большихъ комнатахъ и состоящая изъ картинъ священнаго содержанія, оставшихся въ монастырѣ отъ бывшей въ немъ въ половинѣ прошлаго столѣтія живописной школы, и портретовъ настоятелей этой обители. Здѣсь же, между трапезой соборной Рождественской церкви, примыкающей къ дворцу, и церковью Трехъ Святителей, находится такъ называемая „Елизаветинская зала“, которая украшена портретами патріарховъ московскихъ и нѣсколькихъ митрополитовъ. Здѣсь же поставленъ старый шестигранный фонарь, даръ царевны Татіаны Михайловны, обращающій вниманіе посѣтителей своимъ размѣромъ и замысловатымъ устройствомъ. Наконецъ, въ такъ называемыхъ дворцовыхъ покояхъ заслуживаютъ вниманія: большая картина, изображающая перенесеніе тѣла святѣйшаго патріарха Никона отъ Елеонской часовни въ монастырь въ предшествіи духовенства, царя и синклита; портреты патріарха Никона, какъ основателя монастыря, и московскаго архіепископа Амвросія, какъ ея обновителя, современные портреты царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича и, наконецъ, портреты императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II.

Колокольня Воскресенскаго монастыря пятиярусная и устроена по образцу іерусалимской. Самый большой колоколъ въ 515 пудовъ; онъ перелитъ изъ другого, разбитаго, на которомъ были вылиты святцы всего года и изображенія патріарха Никона, царя Алексѣя Михайловича, царицы и царевича. Въ четвертомъ ярусѣ устроены боевые часы.

Ограда кругомъ монастыря каменная, устроенная вмѣсто прежней деревянной въ 1694 году. Видъ ея представляетъ неправильный шестиугольникъ, наружная вышина 4 сажени 7 вершковъ, окружность 432 сажени съ небольшимъ; на ней по угламъ и въ срединѣ 8 башенъ, которымъ приданы имена вратъ Іерусалимской городской стѣны, а именно:

1) угловая юговосточная называется *Гевсиманскою*, 2) средняя въ южной стѣнѣ — *Сіонскою*, 3) угловая югозападная — *Давидовою*, противъ которой за рѣкою Истрою, неподалеку отъ берега, находится небольшая березовая рощица, называемая *Уріинъ садъ*, 4) средняя на западной сторонѣ надъ вратами носитъ названіе *Елисаветинской* въ честь императрицы Елисаветы Петровны (въ Іерусалимѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ ей вратъ), 5) угловая сѣверозападная называется *иноплеменничьею*, 6) средняя въ сѣверной стѣнѣ — *Варухо-вой*, 7) въ той же стѣнѣ круглая башня — *Ефремовою* и 8) угловая сѣверовосточная — *Дамасскою*.

Всѣ эти башни коническія, трехъэтажныя, съ удобными помѣщеніями въ двухъ верхнихъ этажахъ, а особенно въ нижнихъ для кладовыхъ. По оградѣ вокругъ всего монастыря широкая галлерея для крестныхъ ходовъ, съ каменными балясами на монастырь и глухою стѣнкою съ амбразурами за монастырь.

Къ Воскресенскому же монастырю относится находящійся внѣ монастыря скитъ или пустыня святѣйшаго патріарха Никона, внизу на сѣверозападъ отъ обители и въ 150 саж. отъ нея на берегу рѣки Истры. Сюда нѣкогда любилъ уединяться съ немногими избранными учениками патріархъ Никонъ для молитвенныхъ, аскетическихъ подвиговъ. Скитъ Никона представляетъ собою каменное четырехъярусное зданіе, въ которомъ находятся двѣ церкви и нѣсколько комнатъ, въ томъ числѣ — хлѣбная, просфорная и собственная келлія патріарха, гдѣ доселѣ сохраняется его круглый липовый столъ. Подъ портретомъ патріарха на стѣнѣ и теперь видна собственноручная подпись государя императора Александра II: „Александръ, 30-го іюля 1873 года“. Другая келлія патріарха находится въ этомъ же зданіи выше, въ 4 ярусѣ, на верхней, по-восточному, почти плоской крышѣ, обведенной вокругъ перилами, съ весьма короткимъ, неудобнымъ каменнымъ ложемъ съ тростниковою настилкой, на которомъ святѣйшій патріархъ забывался недолгимъ

сномъ послѣ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Одна изъ церквей въ скиту Никона построена во имя Богоявленія Господня, другая — свв. апостоловъ Петра и Павла.

Къ Воскресенскому же монастырю относятся двѣ часовни: одна деревянная надъ кладеземъ, что подъ горою, противъ сѣверо-западной башни, называемымъ *Силоамскою купелью;* другая — каменная на такъ называемой горѣ Елеонской, возобновленная въ 1847 году.

Близъ самаго монастыря по лѣвую сторону св. вратъ находится страннопріимный домъ, содержимый усердіемъ одного изъ благотворителей обители, гдѣ странники и богомольцы обоихъ половъ получаютъ даровой пріютъ и пищу въ теченіе трехъ дней. Для пріема пріѣзжающихъ на посѣщеніе св. обители имѣется рядомъ съ страннопріимнымъ домомъ монастырская гостиница, гдѣ пріѣзжіе получаютъ помѣщеніе и пищу отъ монастыря за умѣренную плату въ пользу св. обители.

Окрестности Воскресенскаго монастыря со временъ патріарха Никона и до настоящаго времени носятъ палестинскія наименованія. Село Чернево, бывшее патріаршее, наименовано Никономъ *Назаретомъ;* село *Микулино — селомъ Скудельничьимъ;* горы на сѣверо-западъ отъ монастыря — *Ѳаворомъ* и *Ермономъ;* веселая березовая рощица на югъ отъ монастыря противъ Сіонской башни называется *Уріинымъ садомъ;* ручей, обтекающій съ трехъ сторонъ монастырь, — *потокомъ Кедрскимъ;* заключающаяся въ его предѣлахъ роща — *садомъ Гевсиманскимъ;* одиноко стоящій на берегу потока старый развѣсистый дубъ — *дубомъ Мамврійскимъ;* колодецъ на сѣверномъ скатѣ — *колодеземъ Самарянынни;* роща въ двухъ верстахъ отъ монастыря на востокъ — *Рамскою рощею;* оврагъ одинъ съ сѣверо-западной стороны — *Іосафатовою долиною,* другой, съ восточной, — *юдолію плачевною.* А рѣка Истра, обтекающая полуостровъ, на которомъ стоитъ монастырь, называется *Іорданомъ.*

Кромѣ вышеупомянутыхъ мощей св. мученицы Татіаны, принесенныхъ въ даръ монастырю благовѣрною царевною Татіаною, и 60-ти частицъ разныхъ святыхъ, помѣщенныхъ въ серебряной дскѣ, находятся еще слѣдующія *достопримѣчательности:*

а) Въ ризницѣ находится золотой крестъ, даръ царя Ѳеодора Алексѣевича, украшенный крупными алмазами и яхонтами, въ которомъ находятся 5 частицъ мощей, вѣсомъ въ 4 ф. 56 зол.

б) Даръ царевны Татіаны Михайловны: два креста — хрустальный и сандальный, отдѣланные серебромъ.

в) Палестинское мyро и персть свв. мучениковъ, хранящіяся въ оловянномъ сосудѣ.

г) Кипарисный крестъ, обложенный серебромъ и камнями, въ который вставлены кресты съ изображеніемъ Господскихъ праздниковъ, — даръ патріарха Никона.

д) Даръ константинопольскаго патріарха Макарія — чудотворная икона Божіей Матери Троеручицы на кипарисной дскѣ, въ серебряно-вызолоченной съ камнями ризѣ.

е) Греческаго письма образъ Христа Спасителя, въ золотомъ вѣнцѣ съ дорогими камнями и жемчугомъ и серебряно-вызолоченными украшеніями. Образъ сей находится на правомъ клиросѣ соборнаго алтаря.

ж) Икона, присланная патріарху Никону съ Аѳонской горы, Иверскія Божіей Матери, богато украшенная камнями и жемчугами, въ серебряно-вызолоченной ризѣ, которая находится на лѣвомъ клиросѣ того же алтаря.

з) Даръ царевны Татіаны — икона Божіей Матери Владимірскія, шитая шелками, по каймѣ которой вышитъ серебромъ тропарь.

и) Даръ той же царевны, 1683 г. сентября 21, иконы: Спасителя, Богоматери и Никиты Столпника.

і) Серебряно-вызолоченные сосуды — даръ царя Алексія Михайловича.

к) Даръ царя Алексія Михайловича 1683 г. — большое серебряное блюдо, вѣсомъ 8 ф. 51 зол.

л) Даръ царя Ѳеодора Алексѣевича — серебряно-вызолоченные сосуды съ чернью, вѣсомъ 5 ф. 35 зол.

м) Даръ царевны Татіаны Михайловны — сосуды золотые, вѣсомъ въ 7 ф. 45 зол., украшенные дорогими изумрудами и яхонтами.

н) Даръ той же царевны, вѣсомъ въ 10 ф. 38 зол., серебряно-вызолоченная дарохранительница.

о) Даръ той же царевны — дорогое евангеліе, по каймамъ листовъ собственноручно ею расписаннсе и раскрашенное, отпечатанное на александрійской бумагѣ и украшенное серебромъ, частію золотомъ и осыпанное алмазами, изумрудами и яхонтами.

п) Даръ патріарха Никона — харатейное евангеліе, писанное въ 1468 г. золотою прописью на пергам(нтѣ, оправленное въ серебро и осыпанное алмазами, изумрудами и яхонтами.

р) Двѣ митры патріарха Никона, изъ которыхъ одна оцѣнена въ 27,000 р., а другая — въ 8,000 р.

с) Даръ неизвѣстныхъ жертвователей — вышитые жемчугомъ, золотомъ, разными шелками, украшенные драгоцѣнными камнями четыре воздуха и два покрова, древней греческой работы.

т) Вещи, принадлежавшія патріарху Никону, а именно: клобукъ съ вышитымъ жемчугомъ херувимомъ, бархатный саккосъ, бѣлый омофоръ, деревянный посохъ, шитая золотомъ и шелками епитрахиль, шелковый полосатый подризникъ, четки, однѣ чернаго янтаря, а другія изъ бѣлыхъ корольковъ, часть схимы, поручи, расшитыя золотомъ и шелкомъ, туфли и сапоги, подкованные желѣзомъ, и двѣ печати, одна стальная, а другая деревянная.

у) Снимокъ съ тридцати сребрениковъ, состоящій изъ оловянныхъ монетъ, помѣщенныхъ въ книгѣ изъ кипарисныхъ досокъ, обитыхъ бархатомъ.

Служба въ Воскресенскомъ монастырѣ отправляется по чину іерусалимской Церкви и имѣетъ нѣкоторое отличіе отъ обыкновеннаго служенія: 1) Діаконъ во всякое время богослуженія и даже въ продолженіе обѣдни, по „Отче нашъ“, носитъ орарь особеннымъ образомъ, положивъ его на лѣвое плечо, потомъ черезъ перси пропустивъ подъ правое плечо, затѣмъ черезъ спину и снова на лѣвое плечо, и такимъ образомъ дѣйствуетъ концомъ ораря. 2) Діаконъ совершаетъ всѣ службы въ камилавкѣ, а на обѣднѣ только до малаго выхода. 3) Священникъ, когда служитъ безъ діакона, читаетъ ектенію въ камилавкѣ, за исключеніемъ литургіи. 4) Во время малаго входа на божественной литургіи и на вечернѣ царскія двери не отворяются до тѣхъ поръ, пока священникъ и діаконъ станутъ уже предъ амвономъ, и тогда свѣщеносецъ, несущій свѣчу предъ евангеліемъ, приступивъ къ царскимъ дверямъ, отворяетъ ихъ для входа. 5) Когда при окончаніи обѣдни священникъ читаетъ послѣдній отпустъ, то царскія двери за нимъ затворяются, и онъ стоитъ уже внѣ ихъ предъ амвономъ, а потомъ входитъ въ алтарь сѣверными дверями. 6) Въ будни вмѣсто тризвона звонятъ только въ одинъ поліелейный колоколъ.

Кромѣ того, въ Воскресенскомъ монастырѣ въ разныя времена введены и, по преданію, до настоящаго времени соблюдаются нѣкоторыя особыя благочестивыя церковныя установленія:

1) Въ каждый воскресный, за исключеніемъ Четыредесятницы, день послѣ литургіи въ часовнѣ гроба Господня отправляется торжественно пасхальный канонъ; по 6-й пѣсни чтется воскресное евангеліе, а по отпустѣ предстоящіе цѣлуютъ св. крестъ и окропляются св. водой. По желанію богомольцевъ, этотъ обрядъ совершается и въ другіе дни недѣли.

2) Сентября 14-го, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, послѣ литургіи раздаются настоятелемъ народу заранѣе приготовленные металлическіе

или кипарисные крестики, освященные на Голгоѳѣ. Обычай этотъ свято сохраняется со временъ патріарха Никона. А наканунѣ Воздвиженія, во время всенощной, каждый богомолецъ получаетъ цвѣтокъ отъ подножія голгоѳскаго распятія.

3) Въ сырную недѣлю (прощеное воскресенье) послѣ вечерни поется, по древнему обычаю, пасхальный канонъ.

4) Въ недѣлю Ваій (Вербное воскресенье) послѣ литургіи совершается крестный ходъ изъ теплой Рождественской церкви въ соборъ съ ваіями и въ соборѣ обходятъ вокругъ главнаго алтаря и троекратно вокругъ часовни гроба Господня при пѣніи тропаря: „Общее воскресеніе“.

5) Въ Великій пятокъ совершается умилительный обрядъ спуска плащаницы съ Голгоѳы внизъ къ „камню помазанія“, на которомъ умащаютъ ее ароматами, послѣ чего кладутъ на приготовленный одръ, обносятъ вокругъ главнаго алтаря и ставятъ на срединѣ храма, гдѣ она и остается до утрени субботы. На утрени, въ Великую субботу, плащаницу снова поднимаютъ вмѣстѣ съ одромъ, и совершается хожденіе внутри храма около „камня помазанія“, гдѣ читается евангеліе, затѣмъ вокругъ великаго алтаря и по галлереѣ храма и, наконецъ, трижды вокругъ самой часовни гроба Господня. Послѣ этого плащаницу вносятъ внутрь пещеры и полагаютъ на св. гробѣ. По выходѣ изъ нея читается евангеліе отъ Матѳея, зачало 114, при конечномъ стихѣ котораго: „Утвердиша гробъ, знаменавше камень съ кустодіею“, церковнослужители затворяютъ двери часовни св. гроба и запечатываютъ ихъ. На литургіи же во время малаго входа, когда служащіе, обойдя вокругъ часовни, равняются съ дверями гроба, св. плащаница выносится нарочито для этого назначенными священнослужителями въ облаченіи изъ часовни и впереди хода вносится въ алтарь, гдѣ и полагается на престолъ.

6) Въ понедѣльникъ и среду Свѣтлой седмицы совершаются крестные ходы внутри соборнаго храма по чину іерусалимскому, т. е. вокругъ главнаго алтаря и потомъ трижды

вокругъ часовни св. гроба, послѣ чего чрезъ царскую арку возвращаются въ церковь Воскресенія Христова.

7) Въ среду отданія Пасхи, по окончаніи литургіи, настоятель съ братіею принимаетъ съ престола находящуюся здѣсь до сего дня плащаницу; обнесши ее около престола, полагаютъ на приготовленный одръ и затѣмъ обносятъ сперва вокругъ „камня помазанія“, потомъ около главнаго алтаря, далѣе галлереею и, наконецъ, трижды вокругъ часовни гроба Господня.

8) Въ теченіе цѣлаго года (кромѣ первой недѣли Великаго поста, Страстной и Свѣтлой седмицъ, двунадесятыхъ праздниковъ и ихъ отданія) отправляются соборнѣ: по вторникамъ (предъ позднею литургіею) на гробѣ святѣйшаго патріарха Никона панихида; по пятницамъ на Голгоѳѣ у креста (по литургіи) акаѳистъ Страстямъ Христовымъ, а по субботамъ предъ чудотворною иконою Божіей Матери Троеручицы (по литургіи) акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ.

Въ Богоявленіе Господне въ Воскресенскомъ монастырѣ крестный ходъ совершается въ скиту патріарха Никона, что на берегу Истры, гдѣ бываетъ великое освященіе воды. Крестный ходъ въ Преполовеніе бываетъ къ Силоамской купели. Кромѣ того, крестные ходы совершаются въ обители: въ Срѣтеніе Господне — вокругъ монастыря по оградѣ; въ Благовѣщеніе — тамъ же; 4 апрѣля, въ день преп. Іосифа, — къ Елеонской горѣ; въ пятницу Свѣтлой седмицы, въ праздникъ Живоноснаго Источника, — въ подземную церковь свв. Константина и Елены, гдѣ находится кладезь, именуемый „Живоноснымъ Источникомъ“; въ Вознесеніе Господне — въ часовню, что на Елеонской горѣ; въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ — къ Елеонской горѣ; іюня 29-го, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, — изъ соборнаго храма Воскресенія Христова въ скитъ патріарха Никона; 1-го августа — на рѣку Истру и въ день Рождества Христова — изъ Рождественскаго собора въ нижній ярусъ храма, гдѣ находится подобіе виѳлеемскаго вертепа и яслей.

Торжественныя панихиды по святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ при его гробѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ вторниковъ, совершаются: 23-го марта, въ день преп. муч. Никона (день тезоименитства патріарха); 24-го мая, въ день преп. Никиты Столпника (мірское имя патріарха Никона и день его рожденія); 17-го августа — день кончины патріарха Никона, въ октябрѣ, въ Дмитріевскую субботу и въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли *).

*) Составлено по трудамъ митрополита Макарія, архимандрита Леонида, Сергіевскаго и пр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Молодые годы Никона 3

II. Митрополитъ Никонъ 11

III. Патріархъ Никонъ.

Избраніе и посвященіе въ патріархи всероссійскіе . . . 23

IV. Труды и подвиги патріарха Никона.

Заслуги Никона для духовнаго просвѣщенія 31

Пастырскіе труды патріарха Никона по благоустройству богослуженія 40

Пастырскіе труды Никона по благоустройству церковнаго управленія 56

Труды патріарха Никона на пользу государства 83

V. Патріархъ Никонъ удаляется изъ Москвы. 96

VI. Годы удаленія патріарха Никона изъ Москвы. . . . 107

VII. Большой соборъ въ Москвѣ, судъ и низложеніе патріарха Никона 175

VIII. Заточеніе и кончина патріарха Никона 219

Новый Іерусалимъ. 248